

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

4
часть 3
2023

VESTNIK RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series
Academic Journal
Quarterly issues.
Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of peer-reviewed scientific journals and other editions (category K-1) for publishing Ph.D. research findings.
Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.5. Political studies:

- 5.5.2. Political institutions, processes, technologies
- 5.5.4. International relations, global and regional studies

5.6. Historical sciences:

- 5.6.1. Russian history
- 5.6.2. World history
- 5.6.5. Historiography, source study, methods of historical research
- 5.6.7. History of international relations and foreign policy

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia, reg. no. FS77-61886 of 25.05.2015. Changes have been made to the media registration record due to a change in the name, clarification of the subject – reg. no. FS77-73405 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Square, Moscow, 125047
e-mail: n.filin@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»
Научный журнал
Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К-1) по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.5. Политические науки:

- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии
- 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

5.6. Исторические науки:

- 5.6.1. Отечественная история
- 5.6.2. Всеобщая история
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС77-61886 от 25 мая 2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 03 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6
Электронный адрес: n.filin@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

O.V. Pavlenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

M.A. Andreev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.D. Voskresensky, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Ph.D. (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation

M.A. Gordeyeva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Zhabrov, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I. Klyukanov, Ph.D., Dr. of Sci. (Philology), professor, Eastern Washington University, Cheney, USA

E.M. Kozhokin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

M. Kramer, Dr. of Sci. (History), Harvard University, Cambridge, USA

A.K. Magomedov, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

- V.S. Mirzekhanov, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
- A.S. Panov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)
- P. Ruggenthaler, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
- E.Yu. Sergeyev, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
- A.S. Usatchev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A. Filler, Ph.D., University Paris VIII, Paris, France
- D.S. Foglesong, professor, Rutgers University, New Jersey, USA
- L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- T.A. Shakleina, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs, Russia, Moscow, Russian Federation
- B. Shteltse-Marks, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
- A.L. Iurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors

N.A. Filin, Dr. of Sci. (History), associate professor, RSUH

S.M. Ravandi-Fadai, Cand. of Sci. (History), Institute of Oriental studies

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

О.В. Павленко, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.А. Гордеева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновоцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Жабров, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И. Ключанов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет, Чейни, США

Е.М. Кожокин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

М. Крэмер, доктор исторических наук, Гарвардский университет, Кембридж, США

- А.К. Магомедов*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.С. Мелкумян*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.С. Мирзеханов*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Панов*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)
- П. Ругенталер*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- Е.Ю. Сергеев*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Усачев*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А. Филлер*, Ph.D., Университет Париж VIII, Франция
- Д.С. Фоглесонг*, доктор исторических наук, профессор, Университет Ратгерс, Нью-Джерси, США
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Т.А. Шаклеина*, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация
- Б. Штельцель-Маркс*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- А.Л. Юрганов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск

Н.А. Филин, доктор исторических наук, доцент, РГГУ

С.М. Раванди-Фадаи, кандидат исторических наук, ИВ РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

- Андрей В. Кортаев, Леонид М. Исаев,
Алиса Р. Шишкина*
Факторы социально-политической стабильности в Гане 316
- Никита А. Филин, Владимир О. Кокликов,
Александр С. Ходунов*
Массовые протестные акции в Иране осенью 2022 г.:
факторы, динамика, реакция властей 332
- Андрей И. Волынский, Алена Д. Абашина*
Российско-китайская торговля рыбной продукцией:
тренды, проблемы 347
- Мargarита Р. Вафина*
«Инициативное» поле турецкой внешней политики
на современном этапе: пример Сомали 358

Международные отношения: история, историография, методология

- Завен А. Арабаджян*
Скобелевский план похода в Британскую Индию
как отражение русско-английского соперничества 379
- Игорь В. Рыжов, Анна А. Комаха,
Мария Ю. Бородина*
Саудовская Аравия и Государство Израиль
в контексте палестино-израильского противостояния 393
- Мохаммад Нахаши*
К вопросу о российском ультиматуме 1911 г.
и его влияние на внутривосточную ситуацию в Персии 407
- Олег Ю. Семенов*
Генезис германо-японских двусторонних отношений
во второй половине XIX в. 423

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

Анна Н. Бурова

Трансформация парламентской избирательной системы
в АРЕ (2015–2020 гг.) 434

Наталья В. Луговская

Границы религиозного в изобразительном искусстве шамаиля
XIX–XXI вв. 453

Книжная полка

Елена Е. Самойлова

Не в одном ряду с ИГИЛ*: о книге “Voice of the Muslim Brotherhood”:
Da’wa, Discourse and Political Communication”, Noha Mellor
(L.; N.Y.: Routledge, 2018. 240 p.) 465

* Запрещенная в РФ террористическая организация.

** Запрещенная в РФ террористическая организация.

CONTENTS

Countries and regions of the world.

Development dynamics and models of interaction

- Andrey V. Korotayev, Leonid M. Isaev,
Alisa R. Shishkina*
Factors of socio-political stability in Ghana 316
- Nikita A. Filin, Vladimir O. Koklikov,
Alexander S. Khodunov*
Mass protests in Iran in the autumn of 2022.
Factors, dynamics, reaction of the authorities 332
- Andrei I. Volynskii, Alena D. Abashina*
Russian-Chinese fish trade: trends, issues 347
- Margarita R. Vafina*
The “initiative” field of Turkish foreign policy at the present stage.
The case of Somalia 358
-
- #### International relations. History, historiography, methodology
- Zaven A. Arabadzhyan*
Skobelev’s plan for a campaign in British India as a reflection
of Russian-English rivalry 379
- Igor V. Ryzhov, Anna A. Komakha,
Maria Yu. Borodina*
Saudi Arabia and State of Israel in the context
of the Palestinian-Israeli confrontation 393
- Mohammad Nakhaei*
On the question of the Russian ultimatum of 1911
and its impact on the internal political situation in Persia 407
- Oleg Yu. Semenov*
German-Japanese bilateral relations genesis
in the second half of the 19th century 423

Socio-political processes in the past and present

Anna N. Burova

Electoral system transformation in Egypt. Parliamentary elections 2015–2020	434
--	-----

Natalya V. Lugovskaya

Boundaries of the religious in the fine art of shamail the 19th – 21st centuries	453
---	-----

Bookshelf

Elena E. Samoilova

Not alongside with ISIS*. About the book by N. Mellor “Voice of the Muslim Brotherhood”: Da’wa, discourse, and political communication” (L.; N.Y.: Routledge, 2018. 240 p.)	465
---	-----

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 323(667)

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-316-331

Факторы социально-политической стабильности в Гане

Андрей В. Коротаев

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия;

РУДН им. П. Лумумбы, Москва, Россия;

Институт Африки РАН, Москва, Россия, akorotaev@hse.ru

Леонид М. Исаев

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия;

РУДН им. П. Лумумбы, Москва, Россия;

Институт Африки РАН, Москва, Россия, lisaev@hse.ru

Алиса Р. Шишкина

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия;

Институт Африки РАН, Москва, Россия, ashishkina@hse.ru

Аннотация. Данная статья посвящена изучению процессов социально-политической дестабилизации в странах Западной Африки, а также факторам, способствующим сохранению и поддержанию стабильности в отдельных странах. Страны Западной Африки и, в частности, регион Сахеля в последние годы могут рассматриваться как эпицентр распространения экстремизма и терроризма. Главный фокус исследования в данном случае направлен на Гану как страну, демонстрирующую наиболее низкие показатели террористических атак и эпизодов социально-политической нестабильности за последние годы. При этом в других странах Западной Африки, в том числе находящихся по соседству с Ганой, фиксируются достаточно высокие показатели нестабильности. Авторы приходят к выводу, что в случае с Ганой ключевыми стабилизирующими факторами выступают религиозная и этническая терпимость и общая культура мира среди жителей Ганы, усилия руководства страны по развитию межконфессиональной толерантности и сотрудничества, развитое гражданское

© Коротаев А.В., Исаев Л.М., Шишкина А.Р., 2023

общество, а также эффективная работа обширной сети средств массовой информации. Кроме того, устойчивость Ганы по отношению к угрозам насильственного экстремизма и терроризма может быть объяснена достаточно эффективной демократической административной системой и хорошими показателями управления страной, развитым сектором безопасности с многолетним международным миротворческим опытом, а также сильной традиционной системой поддержания мира и стабильности.

Ключевые слова: Западная Африка, Гана, терроризм, политическая стабильность, безопасность, экстремизм, Сахель

Для цитирования: Коротаев А.В., Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Факторы социально-политической стабильности в Гане // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 3. С. 316–331. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-316-331

Factors of socio-political stability in Ghana

Andrey V. Korotayev

HSE University, Moscow, Russia;

Patrice Lumumba RUDN University, Moscow, Russia;

Institute for African Studies RAS, Moscow, Russia,

akorotayev@hse.ru

Leonid M. Issaev

HSE University, Moscow, Russia;

Patrice Lumumba RUDN University, Moscow, Russia;

Institute for African Studies RAS, Moscow, Russia,

lisaev@hse.ru

Alisa R. Shishkina

HSE University, Moscow, Russia;

Institute for African Studies RAS, Moscow, Russia,

ashishkina@hse.ru

Abstract. The article deals with studying the processes of socio-political destabilization in the countries of West Africa, as well as factors contributing to the preservation and maintenance of stability in specific countries. The countries of West Africa and, in particular the Sahel region, in recent years can be considered as the epicenter for the spread of extremism and terrorism. For that instance the study was mainly focused on Ghana as a country showing the lowest rates of terrorist attacks and episodes of socio-political instability in recent years. At the same time, in other countries of West Africa, including those

neighboring Ghana, quite high rates of instability are recorded. The authors conclude that in the case of Ghana, the key stabilizing factors are religious and ethnic tolerance and a general culture of peace among Ghanaians, efforts by the country's leadership to develop interfaith tolerance and cooperation, a developed civil society, and an effectively working extensive media network. Moreover, Ghana's resilience to the threats of violent extremism and terrorism can be attributed to a reasonably effective democratic administrative system and the country's good governance record, a developed security sector with decades of international peacekeeping experience, and a strong traditional system of keeping the peace and stability.

Keywords: West Africa, Ghana, terrorism, political stability, security, extremism, Sahel

For citation: Korotayev, A.V., Issaev, L.M. and Shishkina, A.R. (2023), "Factors of socio-political stability in Ghana", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, part 3, pp. 316–331, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-316-331

Социально-политическая нестабильность в странах Западной Африки

Западная Африка и, в частности, регион Сахеля в последние годы выступает эпицентром распространения экстремизма и терроризма [Костелянец 2016; Васильев, Жерлицына 2019; Коротаев, Устюжанин 2021; Коротаев и др. 2022, с. 293–299; Korotayev, Shulgin et al. 2023, pp. 473–480]. Так, с 2010 по 2015 г. количество терактов в этом регионе выросло более чем в семь раз [Исаев и др. 2022]. Данные процессы интенсифицировались также после начала пандемии COVID-19. Среди стран, демонстрирующих наиболее высокие показатели по проявлениям насильственного экстремизма и терроризма, можно отметить Буркина-Фасо, Мали и Нигер, однако существует угроза распространения на другие страны, в том числе прибрежные государства Гвинейского залива.

Для того чтобы наглядно представить динамику террористических атак в странах Западной Африки за последние десять лет, обратимся к базе данных Global Terrorism Database¹. На рис. 1 представлено количество терактов в некоторых странах Западной Африки. Так, мы можем видеть достаточно высокие показатели террористической активности в Буркина-Фасо, Мали, Нигере и Нигерии.

¹ Global Terrorism Database. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/> (дата обращения 30.11.2023).

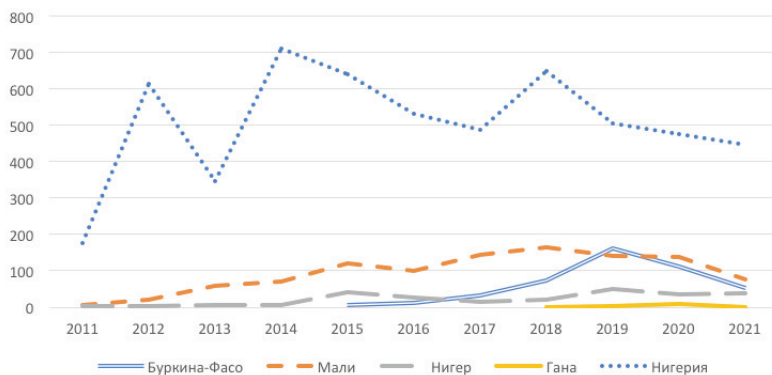


Рис. 1. Динамика терактов в некоторых странах Западной Африки, 2010–2021 гг.

Возникновение и распространение социально-политической нестабильности в странах Западной Африки может быть связано с целым рядом факторов. В этом случае можно говорить о финансировании извне [Madubuegwu et al. 2021], и о наличии так называемого молодежного бугра (повышенной доле молодежи в общей численности населения страны) [Коротаев и др. 2012; Korotayev, Romanov et al. 2023], и о методологии проведения религиозных проповедей, связанной с различиями в доктринальных и интерпретационных подходах к концепции джихада [Aning, Abdallah 2013]. Кроме того, исследователями отмечается уязвимость процессов национального строительства, что открывает широкие возможности для распространения транснациональных экстремистских идеологий [Жерлицына 2018]. Эти и другие факторы могут выступать движущими силами радикализации и ее возможной трансформации в эпизоды политического насилия. Кроме того, важным дестабилизирующим фактором в данном случае выступает деятельность запрещенных в России террористических группировок, в первую очередь «Исламского государства» и «Аль-Каиды» [Nsaibia, Weiss 2020].

В некоторых исследованиях также отмечают такие характеристики, как сложный социально-политический контекст в целом, а также бедность, недостаточный общий уровень грамотности населения, агрессивная политическая конкуренция с преобладанием принципа «победитель получает все» [Diedong 2018; Коротаев, Устюжанин 2021].

По мнению Анинга и Абдаллы [Aning, Abdallah 2015], можно говорить об определенной частоте и интенсивности случаев ра-

дикализации и эпизодах политического насилия среди последователей трех религиозных групп в странах Западной Африки, в том числе в Гане, и мотивированы они главным образом борьбой за доктринальное превосходство, а также имеют тенденцию к подрыву национального мира и безопасности. Как отмечают Захаров и др. [Захаров и др. 2020], сближение геопространств христианства и ислама в Суданско-Сахельском регионе сопровождалось усилением религиозной конкуренции и возникновением значительного числа конфликтов: так, в период 1997–2017 гг. около 30% всех конфликтов в Африке приходилось на страны ССК.

Религиозное измерение социально-политической нестабильности имеет важное значение для стран Западной Африки в целом. К примеру, Либерия, в значительной степени известная как «христианская нация» (около 75% населения страны являются христианами – во многом по причине того, что те, кто ее основал, являлись христианами), в настоящее время все больше сталкивается с проблемами радикализации ислама, особенно с учетом вписанности этих процессов в более широкий субрегиональный контекст. В случае с Либерией дополнительным фактором, повлиявшим на характер разворачивания политической нестабильности, стало внешнее вмешательство в гражданскую войну, однако, по мнению, например, Джайе и Алао [Jaye, Aiao 2013], религиозная радикализация будет играть свою роль еще достаточно долгое время.

Факторы устойчивости Ганы к экстремизму и терроризму

В отличие от соседних стран, Буркина-Фасо, Кот-д'Ивуара и Того, которые подвергались террористическим атакам в последние годы, Гане до сих пор удавалось предотвращать нападения, несмотря на исходные условия, потенциально указывающие на уязвимость страны в этом контексте. Действительно, мы можем говорить о целом ряде разнообразных факторов, делающих Гану уязвимой перед лицом насильственного экстремизма и терроризма. Аубин [Aubin 2021] выделяет шесть ключевых факторов.

1. *Территориальная близость к странам, охваченным процессами социально-политической дестабилизации.* В данном случае речь идет о территориях, на которых разворачивают свою деятельность такие группировки, как «Исламское государство в Большой Сахаре», «Джамаат Нусрат ал-Ислам ва-л-Муслимин» и «Ансару-л-Ислам». Для подобных группировок стратегически важной страной является Буркина-Фасо, располагающаяся на стыке нескольких государств, в

том числе гранича с Ганой, делая каждую из этих стран уязвимой для террористических атак в силу достаточно плотных исторических, экономических и политических связей между этими странами.

2. *Угроза распространения терроризма внутри страны*, в первую очередь со стороны боевиков, вернувшихся после вербовки террористическими группировками, а также тех, кто потенциально может быть завербован через пропаганду и социальные сети [Zulkarnian 2020] либо стремится к финансовой выгоде.

3. *Растущий приток нелегальных и трудовых мигрантов из Мали, Нигера, Нигерии, Буркина-Фасо и Ближнего Востока*, который провоцирует межобщинные разногласия, приграничные конфликты и маргинализацию сообществ.

4. *Участие боевиков в нелегальной добыче золота*, что может рассматриваться как дополнительный ресурс для вербовки, а также усиливать межобщинную напряженность.

5. *Комплексные проблемы общества*, включающие в себя неразрешенные локальные конфликты, бедность, безработицу, политическую и социальную маргинализацию, слабый пограничный контроль, недостаточную роль государства в периферийных районах, слабость государственных институтов, коррупцию, а также наркотрафик и транснациональную преступность.

6. И, наконец, в этом ключе стоит отметить также *низкую осведомленность населения о стратегиях вербовки и последствиях терроризма*, которая может успешно использоваться вербовщиками от экстремистских группировок.

Стоит также иметь в виду, что Гана может быть условно разделена на две части, включающие в себя северные регионы, с одной стороны, и южные – с другой. Различие между этими двумя частями заключается в неодинаковом уровне экономического развития и общих показателях качества жизни. Исторически более исламизированные северные районы Ганы оказывались не столь развитыми, нежели южные, по указанным параметрам. Северная Гана также входит в число регионов, где исламская радикализация может оказывать заметное воздействие на политическую стабильность, что может иметь последствия для внутррелигиозного и межрелигиозного мирного сосуществования внутри страны [Aning, Abdallah 2013].

Тем не менее, несмотря на меняющийся социально-экономический ландшафт, а также описанные выше факторы и предпосылки для ухудшения социально-политической ситуации в стране, Гана является поистине выдающимся примером преобладания политической стабильности в последние годы на фоне роста дестабилизационных процессов в регионе [Amoah 2020]. Действительно, Гана

демонстрирует высокий уровень резистентности по отношению к дестабилизационным процессам в регионе, а также выражено низкие показатели террористической активности в стране.

На рис. 1 видно, что в последние годы в Гане фиксируется наиболее низкий уровень террористических атак (к примеру, в большинстве случаев фиксировался лишь один эпизод в год, при этом отмечается повышение этого уровня до 10 атак лишь в 2020 г., после чего данный показатель снова стабилизировался на достаточно низкой отметке). Описанная динамика выглядит особенно красноречиво в сравнении с некоторыми другими странами Западной Африки, в том числе граничащими с Ганой. Так, заметно более высокие показатели демонстрируют Буркина-Фасо, Мали и Нигер, в то время как в Нигерии фиксируется и вовсе зашкаливающий уровень террористических эпизодов за последние десять лет.

Говоря о типах реагирования на угрозы насильственного экстремизма и терроризма со стороны Ганы, стоит выделить несколько сфер. В первую очередь, речь идет о правовой составляющей. Так, в стране была принята законодательная рамка в соответствии с региональными и международными конвенциями и протоколами, в том числе Закон о борьбе с терроризмом 2008 г., Закон о борьбе с отмыванием денег 2008 г., Закон об организованной преступности 2010 г., а также Национальная программа по предотвращению и противодействию насильственному экстремизму и терроризму. Указанные правовые документы обеспечивают минимизацию угрозы терроризма по следующим направлениям: обеспечение превентивных мер, выявление и сдерживание террористических угроз, меры по защите территории и инфраструктуры, а также мероприятия по смягчению последствий террористических инцидентов [Aubyn 2021].

Далее стоит выделить такие усилия, как, например, Аккрская инициатива по борьбе с насильственным экстремизмом в регионе, которая была запущена в 2017 г. при участии Ганы, Бенина, Буркина-Фасо, Кот-д'Ивуара и Того в целях предотвращения распространения терроризма из региона Сахеля и борьбы с организованной транснациональной преступностью².

Следующим уровнем готовности к террористической угрозе является оперативное реагирование, выраженное, в частности, в объединенных усилиях полиции, служб безопасности и вооруженных сил Ганы по наращиванию потенциала и проведению имитаци-

² *Ohene Agyapong K.* Report of the Committee on Defence and Interior on the 2023 annual budget estimates of the Ministry of National Security. Accra, Ghana, 2022.

онных учений по борьбе с терроризмом и контртеррористических операций в приграничных районах.

Рассмотрим теперь факторы, способствующие сохранению политической стабильности в этой стране.

Прежде всего в данном случае стоит обратить внимание на *усилия по развитию межконфессиональной толерантности и сотрудничества*. Как уже было отмечено выше, население Ганы является преимущественно христианским. При этом мусульмане (численность которых фиксировалась на отметке 17,6%, согласно переписи населения 2010 г., и варьируется от 20 до 30% в настоящее время, согласно разным оценкам) сосредоточены в основном в северной части страны, наиболее предрасположенной к радикализации, среди таких этнических групп, как фульбе, мампруси, дагомба, гурма, лоби и др. Тем не менее, несмотря на общую тенденцию к усилению межрелигиозных конфликтов в странах Западной Африки, Гана выделяется как страна, имеющая достаточно сильную традицию межконфессионального диалога, благодаря чему даже возникающие периодически эпизоды дискриминации по отношению к мусульманам в христианских школах редко перерастают в реальные конфликты.

В июле 2023 г. авторы данной статьи участвовали в проведении полевого исследования в Гане. Так, в ходе интервью с представителями политической партии Национальный демократический конгресс получила свое подтверждение идея о том, что правительством предпринимаются достаточно успешные шаги по регулированию этно-религиозных разногласий в обществе. Так, С. Аблаква отметил, что в конституции страны заложен принцип регионального баланса и справедливого представительства. Несмотря на то что сейчас баланс представителей регионов и мусульман в некоторой степени нарушен, правительство предпринимает успешные попытки выстраивания диалога между религиями.

Гана является примером гетерогенного общества, в котором уживаются различные этнические группы. Таким образом, исторически население Ганы выработало определенную национальную сплоченность и значительный уровень толерантности по отношению к представителям других национальностей. Поддержанию диалога в значительной степени способствуют также усилия молодежи, направленные на развитие межэтнической и межконфессиональной коммуникации [Wandusim 2015] и традиция участия широких слоев населения в религиозных праздниках, относящихся к разным конфессиям. Кроме того, важен тот факт, что правящая Новая патриотическая партия неизменно придерживается практики выдвижения мусульманина в качестве кандидата в президенты [Aubyn 2021].

Среди органов, регулирующих усилия по поддержанию межрелигиозного диалога, стоит отметить Национальный совет мира, который содействует разработке механизмов предотвращения и разрешения конфликтов. К числу ключевых задач Совета относятся содействие распространению ценностей толерантности, диалога и примирения; мирное разрешение конфликтов через посредничество; выработка рекомендаций для правительства Ганы и других сторон, заинтересованных в укреплении диалога между различными группами населения и т. д. [Agbevade et al. 2021].

В качестве следующего параметра, объясняющего устойчивость Ганы перед лицом террористической угрозы, выступает *развитое гражданское общество*. Организации гражданского общества играют важную роль в содействии демократическому развитию [Whitfield 2003; Kumi 2022]. В стране зарегистрировано около 33000 организаций гражданского общества в различных секторах, в том числе образования, здравоохранения, безопасности, миростроительства и гуманитарной помощи. В этой связи можно упомянуть такие организации, как Западноафриканская сеть миростроительства, Институт демократического управления, Центр демократического развития и др. [Aubyn 2021], которые вовлечены в процессы поддержания межконфессионального диалога, решения гендерных проблем, а также взаимодействия с африканской молодежью.

Примером в данном случае могут выступать инициативы по урегулированию конфликтов между кочевыми скотоводами и фермерами в регионе Агого. При этом общественные объединения, в отличие от иностранных или международных организаций, оказываются в состоянии более эффективно разрешать возникающие конфликты, так как более осведомлены о культурных особенностях сторон конфликта [Setrana 2022].

Организации гражданского общества в Гане принимают участие в разработке и принятии законопроектов, а также в процессах оценки эффективности правительственных органов и в сфере подотчетности. Стоит также отметить совместные антикоррупционные инициативы частного сектора и представителей гражданского общества в Гане в рамках Конвенции ООН против коррупции.

Далее, фактором, способствующим поддержанию социально-политической стабильности в Гане, выступает эффективно работающая развитая сеть средств массовой информации. С 1992 г., когда в силу вступила конституция Четвертой республики, в стране прошло шесть успешных национальных выборов. Это даже послужило поводом рассматривать Гану в качестве маяка избирательной демократии в регионе. Жизнеспособность избирательной демократии

нередко увязывается с развитым политическим дискурсом, а также активной средой политической коммуникации в стране [Diedong 2018]. Одним из важных инструментов в данном случае выступает функционирование средств массовой информации и коммуникации, которые несут в себе элементы состязательности, интерпретации, общественной мобилизации и распространения новостей, а также служат трансляторами повестки и отображения идентичности различных политических партий в публичной сфере³.

По мнению С. Аблаквы, высказанного им в уже упоминавшемся выше интервью, «В конституции зафиксирован плюрализм медиа, и это не контролируется обществом. Зарегистрировано огромное число СМИ, более 600 одних только радиостанций». При этом методы, используемые для распространения политических сообщений в Гане, варьируются от традиционных средств массовой информации до Интернета и новейших средств распространения информации, с разной степенью интенсивности в зависимости от географического местоположения. Здесь стоит отметить, что в Гане, как и в других странах – бывших колониях, новостной дискурс делится на две самостоятельные составляющие: государственную и частную [Nasty 2005].

Благодаря тому, что развитая сфера средств массовой информации способствовала включению населения Ганы в политические процессы посредством создания соответствующей повестки, обеспечивалось представительство различных мнений и групп населения в политическом дискурсе страны. При этом, даже учитывая тот факт, что некоторые СМИ отличались поляризованностью, это не приводило к разжиганию ненависти или насилия в отношении этнических или религиозных групп [Aubyn 2021].

Заключение

В данной статье было продемонстрировано, что устойчивость Ганы по отношению к угрозам насильственного экстремизма и терроризма может быть объяснена достаточно эффективно демократической административной системой и хорошими показателями управления страной, развитым сектором безопасности с многолетним международным миротворческим опытом, высокой позитивной активностью средств массовой информации, активным гражданским обществом, сильной традиционной системой поддер-

³ The handbook of journalism studies / Ed. by K. Wahl-Jorgensen, T. Hanitzsch. L.: Routledge, 2009.

жания мира и стабильности, а также религиозной и этнической терпимостью и общей культурой мира среди жителей Ганы.

Важным аспектом в данном случае также является использование семейных и общественных сетей в качестве своего рода систем безопасности, во многом благодаря тому, что они ориентированы на поддержку государственных мер. При этом, согласно некоторым исследованиям [Атоах 2020], режим поддержания социального мира в Гане постепенно переходит от классического режима политической безопасности к режиму, напоминающему чуть менее эффективный неформальный режим безопасности – по крайней мере, исходя из общественного опыта, – который требует более тщательной интеграции индивидуальных, семейных и общественных мер с целью укрепления и поддержания социально-политической стабильности.

Развитая сеть средств массовой информации также является важным параметром, способствующим сохранению социально-политической стабильности в стране благодаря формированию разноплановой медийной повестки, а также посредством информирования населения о способах вербовки со стороны террористических организаций и в целом последствий проявления экстремизма.

Благодарности

Исследование выполнено в 2023 г. при поддержке гранта РФФ № 19-18-00155.

Acknowledgements

This article is the output of a research project implemented with support by the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00155).

Литература

Васильев, Жерлицына 2019 – *Васильев А.М., Жерлицына Н.А.* Трансформация стратегии ИГИЛ* в Ливии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 12. С. 101–108.

* Организация, признанная террористической на территории Российской Федерации.

- Жерлицына 2018 – *Жерлицына Н.А.* Африка и африканцы в национальном, региональном и глобальном измерениях // Восток. 2018. № 2. С. 159–165.
- Захаров и др. 2020 – *Захаров И.А., Горохов С.А., Дмитриев Р.В.* Роль религиозного фактора в формировании конфликтных зон в Африке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2020. Т. 65. № 4. С. 640–653.
- Исаев и др. 2022 – *Исаев Л.М., Коротаяев А.В., Бобарыкина Д.А.* Глобальная террористическая угроза в Сахеле и истоки терроризма в Буркина-Фасо // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 2. С. 411–421.
- Коротаяев, Устюжанин 2021 – *Коротаяев А.В., Устюжанин В.В.* О структурно-демографических факторах вооруженных исламистских революционных выступлений в странах группы G5 Сахель // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. 2021. Т. 12. С. 451–474.
- Коротаяев и др. 2012 – *Коротаяев А.В., Малков А.С., Бурова А.Н., Зинькина Ю.В., Ходунов А.С.* Ловушка на выходе из ловушки: Математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события арабской весны 2011 г. // Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития / Отв. ред. А.А. Акаев. М.: Либроком/URSS, 2012. С. 210–276.
- Коротаяев и др. 2022 – *Коротаяев А.В., Устюжанин В.В., Зинькина Ю.В., Шульгин С.Г., Гринин Л.Е.* К математическому моделированию политико-демографического будущего Африки // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. 2022. Т. 13. С. 253–303.
- Костелянец 2016 – *Костелянец С.В.* Терроризм в Африке: особенности, тенденции и перспективы // Пути к миру и безопасности. 2016. № 2 (51). С. 101–113.
- Agbevide et al. 2021 – *Agbevide A., Graham E., Van R.E.* The national peace council and democratic consolidation. An assessment // International Journal of Political Science and Governance. 2021. Vol. 3. No. 2. P. 90–100.
- Amoah 2020 – *Amoah P.A.* Examining attitudes towards welfare in an in/security regime. Evidence from Ghana // Social Policy and Society. 2020. Vol. 19. No. 4. P. 661–676.
- Aning, Abdallah 2013 – *Aning E.K., Abdallah M.* Islamic radicalization and violence in Ghana // Militancy and Violence in West Africa. L.: Routledge, 2013. P. 90–124.
- Aubyn 2021 – *Aubyn F.K.* The risk of violent extremism and terrorism in the coastal states of West Africa. Assessing Ghana's vulnerabilities, resilience and responses // Conflict trends. 2021. Vol. 3. P. 14–21.
- Diedong 2018 – *Diedong A.L.* Political communication in Ghana. Exploring evolving trends and their implications for national development // Perspectives on political communication in Africa. Cham: Springer 2018. P. 255–268.
- Hasty 2005 – *Hasty J.* The press and political culture in Ghana. Bloomington: Indiana University Press, 2005. 189 p.
- Jaye, Alao 2013 – *Jaye T., Alao C.A.* Islamic radicalization and violence in Liberia // Militancy and violence in West Africa. L.: Routledge, 2013. P. 125–160.

- Korotayev, Romanov et al. 2023 – *Korotayev A., Romanov D., Zinkina J., Slav M.* Urban youth and terrorism. A quantitative analysis (are youth bulges relevant anymore?) // *Political Studies Review*. Vol. 21. No. 3. P. 550–574, <https://doi.org/10.1177/14789299221075908>.
- Korotayev, Shulgin et al. 2023 – *Korotayev A., Shulgin S., Ustyuzhanin V., Zinkina J., Grinin L.* Modeling social self-organization and historical dynamics. Africa's futures // *Reconsidering the limits to growth. A report to the Russian Association of the Club of Rome* / Ed. by V. Sadovnichy. Cham: Springer, 2023. P. 461–490, https://doi.org/10.1007/978-3-031-34999-7_20.
- Kumi 2022 – *Kumi E.* Pandemic democracy. The nexus of COVID-19, shrinking civic space for civil society organizations and the 2020 elections in Ghana // *Democratization*. 2022. Vol 29. No. 5. P. 939–957.
- Madubuegwu et al. 2021 – *Madubuegwu C.E., Ibekaku U.K., Domini O.E.* Terrorism in West Africa and national security of states. A critical analysis // *Nigerian Journal of Social Development*. 2021. Vol. 10. No. 1. P. 37–53.
- Nsaibia, Weiss 2020 – *Nsaibia H., Weiss C.* The end of the Sahelian Anomaly. How the global conflict between the Islamic State and al-Qaida* finally came to West Africa // *CTC Sentinel*. 2020. Vol. 13. No. 7. P. 1–14.
- Setrana 2022 – *Setrana M.B.* Promoting peace and managing farmer-herder conflict. The role of civil society organizations in Agogo, Ghana // *African Studies Review*. 2022. Vol. 65. No. 2. P. 430–454.
- Wandusim 2015 – *Wandusim M.F.* Christian-Muslim relations in Ghana. The role of the youth // *Journal of Advocacy, Research and Education*. 2015. Vol. 4. No. 3. P. 223–230.
- Whitfield 2003 – *Whitfield L.* Civil society as idea and civil society as process. The case of Ghana // *Oxford Development Studies*. 2003. Vol. 31. No. 3. P. 379–400.
- Zulkarnain 2020 – *Zulkarnain M.* Nature of home-grown terrorism threat in Ghana // *Journal of Terrorism Studies*. 2020. Vol. 2. No. 2. URL: <https://scholarhub.ui.ac.id/cgi/viewcontent.cgi?article=1018&context=jts> (дата обращения 09.11.2023).

References

- Agbevide, A., Graham, E. and Van, R.E. (2021), “The national peace council and democratic consolidation. An assessment”, *International Journal of Political Science and Governance*, vol. 3, no. 2, pp. 90–100.
- Amoah, P.A. (2020), “Examining attitudes towards welfare in an in/security regime. Evidence from Ghana”, *Social Policy and Society*, vol. 19, no. 4, pp. 661–676.
- Aning, E.K. and Abdallah, M. (2013), “Islamic radicalization and violence in Ghana”, in *Militancy and Violence in West Africa*, Routledge, London, UK, pp. 90–124.

* Организации, признанные террористическими на территории Российской Федерации.

- Aubyn, F.K. (2021), "The risk of violent extremism and terrorism in the coastal states of West Africa. Assessing Ghana's vulnerabilities, resilience and responses", *Conflict trends*, vol. 3, pp. 14–21.
- Diedong, A.L. (2018), "Political communication in Ghana. Exploring evolving trends and their implications for national development", in *Perspectives on political communication in Africa*, Cham, Springer, USA, pp. 255–268.
- Hasty, J. (2005), *The press and political culture in Ghana*, Indiana University Press, Bloomington, USA.
- Isaev, L.M., Korotayev, A.V. and Bobarykina, D.A. (2022), "The global terrorist threat in the Sahel and the origins of terrorism in Burkina Faso", *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 22, no. 2, pp. 411–421.
- Jaye, T. and Alao, C.A. (2013), "Islamic radicalization and violence in Liberia", in *Militancy and violence in West Africa*, Routledge, London, UK, pp. 125–160.
- Korotayev, A.V., Malkov, A.S., Burova, A.N., Zinkina, J.V. and Khodunov, A.S. (2012), "A trap at the escape from the trap. Mathematical modeling of socio-political destabilization in the countries of the world-system periphery and the events of the Arab spring of 2011", in Akaev, A., ed., *Modelirovanie i prognozirovanie global'nogo, regional'nogo i natsional'nogo razvitiya* [Modeling and forecasting global, regional and national development], Librokom/URSS, Moscow Russia, pp. 210–276.
- Korotayev, A., Romanov, D., Zinkina, J. and Slav, M. (2023), "Urban youth and terrorism. A quantitative analysis (are youth bulges relevant anymore?)", *Political Studies Review*, vol. 21, no. 3, pp. 550–574, <https://doi.org/10.1177/14789299221075908>.
- Korotayev, A., Shulgin, S., Ustyuzhanin, V., Zinkina, J. and Grinin, L. (2023), "Modeling social self-organization and historical dynamics. Africa's futures", in Sadovnichy, V., ed., *Reconsidering the limits to growth. A report to the Russian Association of the Club of Rome*. Springer. Cham, Switzerland, pp. 461–490, https://doi.org/10.1007/978-3-031-34999-7_20
- Korotayev, A.V. and Ustyuzhanin, V.V. (2021), "On the structural and demographic factors of armed Islamist revolutionary uprisings in the G5 Sahel countries", in *Sistemnyi monitoring global'nykh i regional'nykh riskov* [Systemic monitoring of global and regional risks], vol. 12, pp. 451–474.
- Korotayev, A.V., Ustyuzhanin, V.V., Zinkina, J.V., Shulgin, S.G. and Grinin, L.E. (2022), "On the mathematical modeling of the political and demographic future of Africa", in *Sistemnyi monitoring global'nykh i regional'nykh riskov* [Systemic monitoring of global and regional risks], vol. 13, pp. 271–321, DOI: 10.30884/978-5-7057-6184-5_09.
- Kostelyanets, S.V. (2016), "Terrorism in Africa. Features, trends and prospects", *Pathways to Peace and Security*, vol. 51, no. 2, pp. 101–113.
- Kumi, E. (2022), "Pandemic democracy. The nexus of Covid-19, shrinking civic space for civil society organizations and the 2020 elections in Ghana", *Democratization*, vol. 29, no. 5, pp. 939–957.

- Madubuegwu, C.E., Ibekaku, U.K. and Dominic, O.E. (2021), "Terrorism in West Africa and national security of states. A critical analysis", *Nigerian Journal of Social Development*, vol. 10, pp. 37–53.
- Nsaibia, H., and Weiss, C. (2020), "The end of the Sahelian Anomaly. How the global conflict between the Islamic State and al-Qaida* finally came to West Africa", *CTC Sentinel*, vol. 13, no. 7, pp. 1–14.
- Setrana, M.B. (2022), "Promoting peace and managing farmer-herder conflict. The role of civil society organizations in Agogo, Ghana", *African Studies Review*, vol. 65, no. 2, pp. 430–454.
- Vasiliev, A.M. and Zherlitsina, N.A. (2019), "Transformation of ISIS* strategy in Libya", *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 63, no. 12, pp. 101–108.
- Wandusim, M.F. (2015), "Christian-Muslim relations in Ghana. The role of the youth", *Journal of Advocacy, Research and Education*, vol. 4, no. 3, pp. 223–230.
- Whitfield, L. (2003), "Civil society as idea and civil society as process. The case of Ghana", *Oxford Development Studies*, vol. 31, no. 3, pp. 379–400.
- Zakharov, I.A., Gorokhov, S.A. and Dmitriev, R.V. (2020), "The role of the religious factor in the formation of conflict zones in Africa", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki o Zemle*, vol. 65, no. 4, pp. 640–653.
- Zherlitsina, N.A. (2018), "Africa and Africans in national, regional and global dimensions", *Oriens*, vol. 2, pp. 19–165.
- Zulkarnain, M. (2020), "Nature of home-grown terrorism threat in Ghana", *Journal of Terrorism Studies*, vol. 2, no. 2, available at: <https://scholarhub.ui.ac.id/cgi/view-content.cgi?article=1018&context=jts> (Accessed 9 Nov. 2023).

Информация об авторах

Андрей В. Коротаев, доктор исторических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20;

РУДН им. П. Лумумбы, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6;

Институт Африки РАН, Москва, Россия; 123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1, akorotaev@hse.ru

Леонид М. Исаев, кандидат политических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20;

РУДН им. П. Лумумбы, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6;

Институт Африки РАН, Москва, Россия; 123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1; lisaev@hse.ru

Алиса Р. Шишкина, кандидат политических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20;

Институт Африки РАН, Москва, Россия; 123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1; ashishkina@hse.ru

Information about the authors

Andrey V. Korotayev, Dr. of Sci. (History), HSE University, Moscow, Russia; 20, Myasnitskaya St., Moscow, Russia, 101000;

Patrice Lumumba RUDN University, Moscow, Russia; 6, Mikluho-Maclaya St., Moscow, Russia, 117198;

Institute for African Studies RAS, Moscow, Russia; 30/1, Spiridonovka St., Moscow, Russia, 123001; akorotaev@hse.ru

Leonid M. Issaev, Cand. of Sci. (Political Sciences), HSE University, Moscow, Russia; 20, Myasnitskaya St., Moscow, Russia, 101000;

Patrice Lumumba RUDN University, Moscow, Russia; 6, Mikluho-Maclaya St., Moscow, Russia, 117198;

Institute for African Studies RAS, Moscow, Russia; 30/1, Spiridonovka St., Moscow, Russia, 123001; lisaev@hse.ru

Alisa R. Shishkina, Cand. of Sci. (Political Sciences), HSE University, Moscow, Russia; 20, Myasnitskaya St., Moscow, Russia, 101000;

Institute for African Studies RAS, Moscow, Russia; 30/1, Spiridonovka St., Moscow, Russia. 123001; ashishkina@hse.ru

УДК 323(55)

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-332-346

Массовые протестные акции в Иране осенью 2022 г.: факторы, динамика, реакция властей

Никита А. Филин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, n.filin@rggu.ru*

Владимир О. Кокликов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, azzuro@list.ru*

Александр С. Ходунов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, nalim13s@mail.ru*

Аннотация. Протесты осени 2022 г. начались после смерти курдской девушки Махсы Амини, в которых оппозиция обвинила полицию нравов исламского режима. Первоначальные требования отмены полиции нравов очень быстро сменились радикальными требованиями ликвидации исламского режима и отставки Верховного Лидера. Протесты стремительно распространились на сотни городов и деревень во всех провинциях страны. В них приняли участие до 2 млн человек. Протесты носили подчеркнуто светский характер, а основным лозунгом протестующих стал лозунг «Женщина, жизнь, свобода». В целом массовые выступления осени 2022 г. стали наиболее интенсивными, радикальными и кровопролитными после исламской революции, это признают и сами деятели режима. Несмотря на то что режим смог устоять, существует опасность повторения подобных массовых акций в ближайшие годы. Если Ирану удастся достичь соглашения с США о снятии санкций, это позитивно скажется на экономическом развитии, однако сохранятся политические причины недовольства. Поэтому Иран нуждается в серьезных внутривнутриполитических и экономических реформах. Протестное движение в Иране во многом сходно с массовыми выступлениями на Арабском Востоке в период Арабской весны, что говорит о сходных социально-политических проблемах.

Ключевые слова: Иран, Али Хаменеи, Махса Амини, протесты, права женщин, хиджаб

© Филин Н.А., Кокликов В.О., Ходунов А.С., 2023

Для цитирования: Филин Н.А., Кокликов В.О., Ходунов А.С. Массовые протестные акции в Иране осенью 2022 г.: факторы, динамика, реакция властей // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 3. С. 332–346. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-332-346

Mass protests in Iran in the autumn of 2022. Factors, dynamics, reaction of the authorities

Nikita A. Filin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
n.filin@rggu.ru*

Vladimir O. Koklikov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
azzurro@list.ru*

Alexander S. Khodunov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
nalim13s@mail.ru*

Abstract. The protests in the autumn of 2022 began after the death of the Kurdish woman Mahsa Amini, for which the opposition blamed the Islamic regime's morality police. The initial demands for the abolition of the morality police very quickly gave way to radical demands for the elimination of the Islamic regime and the resignation of the Supreme Leader. The protests quickly spread to hundreds of cities and villages in all provinces of the country. Up to 2 million people took part in them. The protests were emphatically secular in nature, and the main slogan of the protesters was the slogan "Woman, life, freedom". By and large, the mass protests in the autumn of 2022 proved to be the most intense, radical and bloody since the Islamic revolution, as the regime officials themselves admit. Despite the fact that the regime was able to hold on, there are the risks of recurrence of similar mass actions in the coming years. If Iran manages to reach an agreement with the United States to lift sanctions, it will have a positive impact on economic development, but political reasons for discontent will remain. Therefore, Iran needs serious domestic political and economic reforms. The protest movement in Iran is in many ways similar to the mass protests in the Arab East during the Arab Spring, which indicates similar socio-political issues.

Keywords: Iran, Ali Khamenei, Mahsa Amini, protests, women's rights, hijab

For citation: Filin, N.A., Koklikov, V.O. and Khodunov, A.S. (2023), "Mass protests in Iran in the autumn of 2022. Factors, dynamics, reaction of the authorities", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, part 3, pp. 332–346, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-332-346

Введение

В последние несколько лет в Иране наблюдается резкий рост масштабов и интенсивности протестных акций. Последнее массовое протестное движение (осень 2022 г.) было беспрецедентным по размаху, радикализму требований и человеческим жертвам с обеих сторон за 45 лет после победы исламской революции. В настоящее время исламский режим остается в целом стабильным и продолжает пользоваться поддержкой значительной части общества, что явным образом показали массовые демонстрации в поддержку режима и религиозных святынь. Однако, учитывая постоянный рост протестной активности и все большее углубление идеологического разрыва между исламским режимом и преимущественно светски настроенными протестующими, можно ожидать дальнейшего усиления и радикализации протестной активности, вплоть до внутреннего вооруженного конфликта.

Таким образом, актуальность темы исследования обуславливается все более частыми случаями протестных выступлений в Иране. Здесь нужно учесть, что фактически большинство ближневосточных стран с начала 2010-х гг. пережили или революционные потрясения, повлекшие резкое ухудшение экономического положения, или даже разрушительные гражданские войны (особо катастрофические случаи кровавых гражданских войн наблюдались в Сирии, где погибло до 10% жителей, а половина населения была вынуждена бежать из своих домов, а также в Йемене). Ирану пока удается избежать такой судьбы и сохранять свою стабильность, однако тенденции развития социально-политической ситуации в стране весьма неблагоприятны.

Основным проблемным вопросом исследования являются факторы и причины возросшей протестной активности в стране на фоне все более заметного роста противоречий между подчеркнута консервативным режимом, сопротивляющимся любым сколь угодно значительным социально-политическим изменениям, и протестующей оппозицией, которая, наоборот, с каждым разом требует все более радикальных перемен.

Историография протестного движения в Иране в отечественной науке в целом носит сбалансированный и объективный характер: в работах приводятся различные точки зрения на происходящие в Иране события и на их причины, что позволяет отразить основные общественно-политические процессы в стране с разных ракурсов. В работах Н.М. Мамедовой основное внимание уделяется экономической подоплеке протестов, а также анализу успехов и неудач экономической политики властей [Мамедова 2018]. В монографии Н.А. Филина подробно разобрано «Зеленое движение» 2009 г., которое является во многом предшественником нынешних протестов, – рассмотрены его основные движущие силы, требования, ход протестов и результаты. «Зеленое движение» представляло собой массовый протест образованного городского среднего класса против излишнего консерватизма политической системы и предполагаемой фальсификации президентских выборов в пользу провластного кандидата [Филин 2015]. В статье Н.А. Филина, посвященной вопросу о фальсификации данных выборов, было установлено, что если фальсификация и была, то она носила относительно небольшой характер (с помощью нее Махмуд Ахмадинежад мог получить порядка 5% дополнительных голосов) и не оказала определяющего влияния на исход выборов, так как М. Ахмадинежада по всем имеющимся данным опросов поддерживало отчетливое большинство иранцев, определившихся с выбором [Филин 2017]. В протестах 2022 г., как и в оппозиционном движении 2009 г., движущей силой является городской средний класс, хотя социальная база нынешних протестов намного шире. В.И. Сажин рассматривает протесты осени 2022 г. как стремление оппозиционной и прогрессивной части иранского общества избавиться от надоевших ограничений в социально-политической жизни и считает, что у режима есть шанс сохранить стабильность, только пойдя на всеобъемлющие реформы и глубокую демократизацию¹.

Методологическая основа исследования базируется на теории политической мобилизации и протестного участия социальных групп Ч. Тилли и С. Тэрроу. В исследовании применены метод контент-анализа; метод ивент-анализа; проблемно-хронологический метод при описании исторических событий.

Цель исследования заключается в рассмотрении причин протестной активности, ее динамики, а также реакции властей на протесты на примере протестов осени 2022 г.

¹ Сажин В.И. Хиджаб, смерть и политика // Международная жизнь. 2022. 28 сент. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/37184> (дата обращения 28.09.2023).

Основные события в ходе осенних протестов 2022 г.

Массовым протестам осени 2022 г. в Иране в последние 6 лет предшествовали еще два эпизода массовых волнений. Во-первых, «новогодние» протесты конца 2017 – начала 2018 г., которые начались из-за экономических проблем (резкий рост цен на продукты и банкротство множества банков), однако протестующие быстро перешли к политическим лозунгам, начав выражать свое недовольство политической системой, а некоторые женщины открыто срывали с себя платки. Протесты были достаточно масштабными – они охватили 100 городов, и в них участвовали 42 тыс. человек (из них 90% – младше 25 лет), – однако не приняли угрожающего характера и быстро затихли, а число погибших в них не превышало 21. Затем последовали протесты в ноябре 2019 г., которые также вспыхнули по экономическим причинам (повышение цен на бензин в 2–3 раза, больно ударившее по карману небогатых слоев населения). В них также быстро стали выдвигаться оппозиционные политические лозунги. В этих протестах активное участие приняли рабочие городских окраин, недовольные резко ухудшившимся уровнем жизни после восстановления санкционного режима администрацией США в 2018 г. В них участвовали около 200 тыс. человек. Помимо экономических требований, выдвигались также призывы к немедленной либерализации политической системы. Протесты были прекращены за короткий срок (около недели), однако число погибших в них было необычно большим для послереволюционного Ирана – более 300; кроме того, было множество случаев вандализма: более 700 отделений банков было сожжено. Особенно ожесточенными столкновения отрядов полиции и КСИР² с протестующими происходили в районах с преобладанием национальных меньшинств – прежде всего в населенном арабами городе Бендер-Махшехр в провинции Хузестан [Ходунов 2021, с. 267–269].

В дальнейшем, на протяжении почти двух лет в Иране наступило относительное затишье. Исключение составили «водные» протесты летом 2021 г. в Хузестане из-за аномальной жары и засухи на фоне чрезмерной эксплуатации и без того небольших водных ресурсов провинции, а также протесты в мае 2022 г. из-за резкого сокращения субсидий на продукты питания.

Все изменилось в сентябре 2022 г. Тогда полиция нравов, контролирующая одежду женщин, задержала 22-летнюю курдянку

² КСИР – Корпус стражей исламской революции (элитное формирование иранской армии).

по имени Махса Амини³ из-за неправильного ношения хиджаба. Она выросла в умеренно религиозной семье, однако выступала против обязательного ношения платка и предпочитала традиционную курдскую одежду. Это произошло 13 сентября. Через три дня, 16 сентября, она умерла. По официальной версии правительства, озвученной в ноябре после расследования происшествия, девушка умерла из-за сердечного приступа, при этом у нее были хронические заболевания. Оппозиционно настроенные граждане сразу же обвинили полицию нравов в убийстве М. Амини и начали стихийные протесты против исламского режима. Вначале протесты прошли в Секкесе, родном городе М. Амини, и в Сенендедже – административном центре провинции Курдистан, а затем – в Тегеране, и очень скоро распространились на всю страну⁴.

Протесты осени 2022 г., чья основная фаза пришлась на конец сентября – первую половину ноября, приняли исключительно большой масштаб и динамику по сравнению со всеми массовыми демонстрациями и движениями после исламской революции. В протестах участвовали жители 160 городов и деревень, и они охватили в той или иной степени все провинции Ирана (их насчитывается 31). Число протестных акций (1200) также было беспрецедентно большим. Общая численность протестующих достигла 2 млн человек, что многократно превышает число участников протестов 2017–2018 гг. и 2019 г. и сопоставимо только с Зеленым движением. Однако, в отличие от Зеленого движения, у протестов осени 2022 г. была гораздо более широкая социальная база. В них участвовали не только секуляризированный городской средний класс и студенчество (как летом 2009 г.), но и торговцы базара, рабочие городских окраин, представители национальных меньшинств. Активно участвовали в протестах и поддерживали их женщины среднего класса, но также и других социальных слоев: сами демонстрации начались как протест против своеволия полиции нравов и как поддержка права женщин на свободный выбор одежды. Основным слоганом протестов, по которому они получили известность во всем мире, был: «Жизнь, женщина, свобода» [Вауат 2023].

Лозунги протестующих были самыми радикальными за все время существования исламского режима. Фактически с первых дней

³ Махса, букв. «лунолика» – официальное персидское имя девушки по документам; у нее было также курдское имя Жина (букв. «жизнь»), употреблявшееся в кругу семьи.

⁴ Щегловин Ю.Б. Курдский фактор в протестном движении в Иране // Институт Ближнего Востока. 2022. 18 окт. URL: <http://www.iimes.ru/?p=90796> (дата обращения 02.10.2023).

протестов люди требовали не только роспуска полиции нравов, но и ликвидации исламского режима, ругали Верховного Лидера, называя его диктатором и требуя его немедленной отставки или даже смерти. Что касается тактики протестующих, то демонстранты старались внезапно собраться и так же неожиданно разойтись, чтобы избежать столкновений с полицией. Многие женщины демонстративно сжигали свои платки и стригли волосы в знак протеста против обязательного хиджаба. Вместе с тем прошли также массовые демонстрации в поддержку режима и правоохранительных органов⁵.

Протесты осени 2022 г. получили чрезвычайно большую популярность в мире. Во многих западных городах, где проживает многочисленная иранская диаспора, состоялись массовые демонстрации в поддержку протестного движения в Иране. Особенно массовыми были демонстрации в Берлине, которые прошли 22 октября, и в них приняли участие более 80 тыс. человек. Многие иранцы прибыли на берлинские демонстрации из других западных государств⁶. Хэштег #MahsaAmini в Твиттере побил мировой рекорд и был означен в 284 млн твитов. Комиссия ООН по правам человека 24 ноября 2022 г. проголосовала за расследование предполагаемых репрессий режима против демонстрантов [Bayat 2023].

Что касается реакции властей, они с самого начала объявили протесты плодом иностранного заговора и заявили, что недовольство режимом распространялось через Интернет и западные СМИ, выходящие на персидском языке, которые с помощью ложных слухов и сплетен создавали недовольство исламским режимом у части населения, особенно среди молодежи. Некоторые представители властей, например член Совета экспертов (орган, избирающий Верховного лидера и контролирующий его деятельность) аятолла Ахмад Хатами, назвали протесты 2022 г., которые осуществлялись при всемерной политической и медийной поддержке Запада, самым опасным кризисом, с которым столкнулся исламский режим – даже опаснее, чем ирано-иракская война и массовый террор членов группировки ОМИН внутри страны в начале 1980-х гг.,

⁵ *Тадмаев Г.* Почему Иран охватили масштабные протесты и при чем тут хиджаб: Женщины по всей стране сжигают платки и отрезают волосы // РБК. 27 сентября 2022. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/633177369a7947cef3baa213> (дата обращения 02.10.2023).

⁶ *Malherbe L., Hafezi P.* Tens of thousands march in Berlin in support of Iran protests // Reuters. 24 октября 2022. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/irans-guards-warn-cleric-over-agitating-restive-southeast-2022-10-22/> (дата обращения 02.10.2023).

так как на последних протестах выражалось открытое неуважение к Верховному Лидеру, исламу и Корану. Кроме того, иранские высшие чиновники выразили несогласие с термином «протесты» и призвали употреблять термин «беспорядки», указывая на то, что в столкновениях властей и «бунтовщиков» погибли 40 сотрудников полиции, КСИР и ополчения Басидж, а также серьезный ущерб был нанесен экономике страны⁷.

Официальные иранские СМИ весьма негативно относятся к протестам и акцентируют внимание не столько на мирном характере основной части демонстраций, сколько на деструктивном крыле протестующих. Поэтому, например, протесты 2017–2018 гг. в материалах официального агентства ИРНА достаточно часто характеризуются как «беспорядки» – *эгтэшишāt* (341 раз), а также «бунты» – *āшуб* (305 раз). Впрочем, нейтральные термины использовались чаще всего: «протесты» – *э'тэрāзāt* (862 раза) и «собрания» – *таджмо'āt* (192 раза). Что касается описания протестов ноября 2019 г., то там используются те же самые термины. Термин «беспорядки» встречается 780 раз, а «бунты» – 590 раз. Нейтральные термины также используются чаще: «протесты» (2009 раз) и «собрания» (142 раза). Соотношение между нейтральными и негативными терминами в обоих случаях примерно одинаково: число употребления нейтральных терминов в 1,6 раза превышает число употребления негативных. Если говорить о протестах осени 2022 г., то слово «беспорядки» для их описания использовалось в 4803 случаях, «бунты» – в 1864 случаях, «протесты» – в 4168, а «собрания» – в 529 случаях. Очевидно, что подача информации о протестах в 2022 г. резко изменилась: в официальных СМИ стала заметно преобладать их негативная характеристика (в 1,4 раза чаще, чем нейтральная), что связано с резко возросшим масштабом и радикализмом протестов⁸.

В декабре 2022 г. и январе 2023 г. были казнены несколько наиболее активных участников выступлений, которых обвиняли в

⁷ خبرگزاری ایرنا // ایت الله خاتمی: انقلاب اسلامی با فتنه و اغتشاشات شکست نمی خورد 29.12.2022 [Аятолла Хатами: Исламскую революцию не победить подстрекательством и беспорядками // Информационное агентство ИРНА. 29 декабря 2022]. 2022. 29 дек. URL: <https://www.irna.ir/news/84983683/> (дата обращения 03.10.2023).

⁸ Рассчитано по: ارشیو خبرگزاری ایرنا // خبرگزاری ایرنا 27.12.2017 31.01.2023 [Архив Информационного агентства ИРНА // Информационное агентство ИРНА. 27 декабря 2017 – 31 января 2023]. URL: <https://www.irna.ir/search?q> (дата обращения 03.10.2023).

убийстве сотрудников «Басидж» и подстрекательстве к беспорядкам⁹. Казни встретили резкую реакцию со стороны западных лидеров, осудивших исламский режим. Вместе с тем в феврале 2023 г. в честь годовщины исламской революции были амнистированы и выпущены на свободу около 22 тыс. задержанных и осужденных демонстрантов, в том числе обвиняемых в оскорблении Верховного Лидера, за исключением обвиненных в кражах и насильственных преступлениях¹⁰. С помощью этого шага исламский режим продемонстрировал снисхождение и стремление снизить напряжение в обществе.

Оппозиция совершенно по-другому интерпретировала происходящие протесты. По ее версии, сами сотрудники исламского режима якобы сознательно убивают безоружных протестующих. По данным иранской оппозиционной правозащитной организации Iran Human Rights, всего в ходе осенних событий 2022 г. произошло убийство 551 протестующего, включая 68 детей, 49 женщин, а также демонстрантами были убиты 68 сотрудников полиции и сил безопасности. Наиболее кровопролитное столкновение, по версии организации, произошло 30 сентября в Захедане, когда при расстреле демонстрации были убиты 104 человека¹¹. Протесты также активно поддержали зарубежные оппозиционные лидеры: монархисты, либералы и националисты, – все они призвали к свержению исламского режима.

Последние протесты также характеризовались разрушением религиозных символов Исламской Республики со стороны части демонстрантов: так, был подожжен дом-музей имама Хомейни, а также разрушались некоторые резиденции пятничных имамов. Более того, в апреле 2023 г. произошли два случая убийств шиитского духовенства, в том числе одного аятоллы, оппозиционными радикалами¹².

⁹ В Иране казнили еще двух участников антиправительственных протестов // Интерфакс. 2023. 7 янв. URL: <https://www.interfax.ru/world/879825> (дата обращения 02.10.2023).

¹⁰ *Половинин И.* В Иране заявили о помиловании более 20 тыс. участников протестов // Газета.ру. 2023. 13 марта. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/03/13/19954207.shtml> (дата обращения 02.10.2023).

¹¹ One year protest report: at least 551 killed and 22 suspicious deaths // Iran Human Rights. 2023. 15 Sept. URL: <https://iranhr.net/en/articles/6200/> (дата обращения 02.10.2023).

¹² Driver in Iran runs over two clerics, stabbing one // Iran International. 2023. 29 Apr. URL: <https://www.iranintl.com/en/202304296040> (дата обращения 03.10.2023).

Несмотря на необычно высокую интенсивность, радикальные требования и поддержку со стороны Запада, протесты осени 2022 г. ничего не изменили в иранской политической системе. Исламский режим не пошел на уступки демонстрантам ни по одному вопросу, включая отказ от отмены или смягчения религиозных ограничений в одежде. Ведь согласно официальной точке зрения исламского режима, соблюдение исламских норм в одежде является обязательным для всех жителей страны, чтобы удержать их от «грехов» и «соблазнов», а также облегчить соблюдение заповедей для верующих мусульман, ради духовного благополучия которых и создавался исламский режим. Уступки в этом вопросе, по мнению властей, недопустимы, так как станут проявлением слабости государства перед «заблудшими и обманутыми» гражданами в отстаивании священных и непоколебимых (с точки зрения консервативного шиитского духовенства) исламских норм. Более того, ультраконсервативное правительство Ирана, напротив, резко ужесточило контроль за внешним видом иранских женщин. 21 сентября иранский парламент принял закон «О хиджабе и целомудрии», согласно которому многократно увеличиваются штрафы за неправильное ношение хиджаба, а в случаях злостных нарушений даже вводится тюремное заключение; в общественных местах было установлено множество камер с целью слежения за одеждой женщин¹³. Вместе с тем отдельные более либеральные иранские богословы все же считают возможным отменить обязательное ношение хиджаба женщинами.

В целом протесты последних лет ярко продемонстрировали нарастающий раскол в иранском обществе между верующим большинством и секулярно или даже атеистически настроенным меньшинством. Причем это меньшинство медленно, но верно увеличивает свою численность. Так, в последние десятилетия все больше молодежи отходят от ортодоксального понимания ислама: они или перестают серьезно соблюдать религиозные заповеди, сохраняя, впрочем, веру в существование Бога и симпатию к отдельным элементам мусульманского учения, или же и вовсе становятся атеистами. Отошедшие от традиционного ислама иранцы очень часто начинают негативно относиться к консервативному исламскому режиму, многие из них идеализируют Запад и западную модель демократии и требуют быстрых перемен [Филин, Ходунов 2019, с. 138].

¹³ *Жвирблис А.* В Иране приняли закон «О хиджабе и целомудрии» // *Vfm.ru*. 2023. 22 сент. URL: <https://www.bfm.ru/news/534414> (дата обращения 02.10.2023).

С середины ноября 2022 г. и особенно с начала 2023 г. протестные акции начали сходиться на нет. Успокоение внутривосточной ситуации в Иране можно частично связать с усталостью и разочарованием протестующих, а также с некоторым улучшением экономической динамики в результате резкого роста доходов от экспорта нефти.

Протесты в Иране на фоне ситуации в регионе

Говоря о ситуации на Ближнем Востоке, нужно учесть, что начиная с 2011 г. подавляющее большинство стран региона оказалось охвачено серьезными политическими потрясениями, первыми из которых стали неожиданно быстрые и успешные революции в Тунисе и Египте. Революционное движение арабских народов против своих правителей, которые иногда находились у власти более 30, а то и более 40 лет (как Каддафи в Ливии), получило название «Арабская весна». Иранские ученые и ведущие политики называли эти процессы «исламским пробуждением», надеясь, что у власти в арабских странах после революций окажутся союзные Ирану умеренные исламисты [Филин, Кокликов, Медушевский 2019], однако их ожидания не оправдались: в итоге исламисты были быстро отстранены от власти светской военной элитой, как произошло в Египте летом 2013 г. Плоды этой «весны» оказались очень горькими. Арабские страны, особенно Египет и Тунис, переживавшие до 2011 г. стремительный экономический рост (общий объем ВВП арабских стран вырос за 2000-е гг. более чем на 50% по сравнению с 10–12% в США и Западной Европе), оказались в долгосрочной экономической стагнации¹⁴. Целый ряд стран оказался погружен в пучину кровавых и разрушительных гражданских войн с беспрецедентными страданиями мирных жителей, как в Ливии, Сирии, Ираке, Йемене, а в самое последнее время – и в Судане. Не будет преувеличением сказать, что арабский мир в своем социально-экономическом развитии оказался отброшен на десятилетия назад (за исключением богатых нефтью стран Персидского залива). Иран на фоне потрясаемых социально-политическими кризисами арабских стран-соседей выглядит островом стабильности – несмотря на массовые про-

¹⁴ *Копотаев А.В.* Арабская весна // Полит.ру. 2013. 10 нояб. URL: https://old1.polit.ru/article/2013/11/10/arabskaya_vesna/ (дата обращения 02.10.2023).

тесты и демонстрации, стране удастся сохранить стабильный, пользующийся доверием значительной части населения режим, а также стабильно функционирующие государственные институты. Однако постоянно увеличивающийся масштаб протестов создает определенное бесочеловечество за будущее иранской политической системы в долгосрочной перспективе.

Если попробовать найти эпизоды нестабильности в арабских странах, которые были бы наиболее сходны с иранскими, то можно определить, что осенние протесты 2022 г. в Иране больше всего напоминают массовые демонстрации в Сирии в течение 2011 г. – до их перехода в фазу гражданской войны. В Сирии, как и в Иране, в массовых протестах участвовали очень многие слои населения (средний класс, студенчество, неустроенная городская молодежь, некоторые национальные и конфессиональные меньшинства). Их численность уже летом достигла 1 млн человек. Требования протестующих сирийцев вначале были умеренными (реформы внутри политической системы и либерализация), однако затем перешли к радикальным: смена режима и немедленная отставка президента Башара Асада. Президент пошел на некоторые реформы и уступки (освобождение части задержанных демонстрантов, увольнение некоторых непопулярных чиновников и др.), однако оппозиция сочла их совершенно недостаточными. Более того, в Сирии власти выработали очень похожий дискурс, что и власти Ирана, и заявляли, что они проводят единственно верную политику, а протесты инспирированы внешними силами (США, Франция, Турция, Израиль и аравийские монархии), а основную массу преступлений совершают проникшие извне террористы-наемники [Ахмедов 2018, с. 51–74]. В то же время лидеры сирийской зарубежной оппозиции заявляли, что якобы режим массово и целенаправленно, из всех видов оружия, расстреливает мирных протестующих, которые героически погибают ради освобождения страны от «оккупационного» режима¹⁵, что напоминало дискурс иранской зарубежной оппозиции.

Однако события в Иране, в отличие от Сирии, относительно быстро утихли и не переросли в гражданскую войну, что может быть связано с большим авторитетом исламского режима среди верующего населения, которое составляет большинство в стране и с недоверием относится к протестующему секулярному мень-

¹⁵ المجلس الوطني السوري // الجزيرة. 16.10.2011 [Сирийский национальный совет // Аль-Джазира. 16 октября 2011]. 2011. 16 окт. URL: <https://www.aljazeera.net/programs/opposite-direction/2011/10/16/المجلس الوطني السوري> (дата обращения 02.10.2023).

шинству. В то время как в Сирии подчеркнуто светский режим, опирающийся главным образом на алавитское меньшинство, все больше терял поддержку среди суннитского большинства, особенно на фоне значительного усиления религиозного консерватизма среди суннитов провинции, которые во многом стали восприимчивы к радикальным идеям и при этом массово перебрались в крупные города, где до этого традиционно преобладало умеренное и толерантное восприятие ислама, совместимое со светским государством. В протестном движении с осени 2011 г. все большую роль стали играть исламисты. Все эти процессы, наряду с ошибками режима, способствовали началу кровавой гражданской войны [Ахмедов 2018, с. 164].

Заключение

Протесты осени 2022 г. были наиболее масштабными, радикальными и кровопролитными за всю почти 45-летнюю историю исламского режима. Основные требования протестующих заключались в улучшении прав женщин, отмене полиции нравов и ликвидации исламского режима. Демонстрантам не удалось добиться никаких уступок, и протесты были подавлены. В настоящее время внутривнутриполитическая ситуация в Иране достаточно спокойна. Однако в долгосрочной перспективе из-за постепенного роста недоверия граждан к политической системе, а также из-за невозможности быстрого экономического роста в связи с санкционным давлением США можно ожидать дальнейшего роста протестной активности, что может привести к еще большему количеству жертв и разрушений. Если же удастся достигнуть соглашения об отмене санкций и восстановить ядерную сделку, а также если политическая элита Ирана согласится на определенную либерализацию, не противоречащую основным принципам режима, можно будет ожидать укрепления стабильности иранской политической системы и существенного снижения интенсивности протестов.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках программы «Проектные научные коллективы РГГУ» в 2023 г. Название проекта – «Социально-политическое развитие современного Ирана через призму текстов иранских СМИ».

Acknowledgements

Research is completed within the program “Project Scientific Collectives of RSUH/RGGU” in 2023. Name of the project: “Socio-political development of modern Iran through the prism of Iranian media texts”.

Literatura

- Ахмедов 2018 – *Ахмедов В.М.* Сирийское восстание: история, политика, идеология. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2018. 196 с.
- Мамедова 2018 – *Мамедова Н.М.* Иран: экономические причины «новогодних волнений» // *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 7. С. 22–26.
- Филин 2015 – *Филин Н.А.* Неудавшаяся революция цвета ислама: причины подъема и упадка Зеленого движения в Иране. М.: ЛЕНАНД, 2015. 320 с.
- Филин 2017 – *Филин Н.А.* Вопрос о фальсификации президентских выборов 2009 г. в Иране // *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*. 2017. № 1. С. 97–105.
- Филин, Кокликов, Медушевский 2019 – *Филин Н.А., Кокликов В.О., Медушевский Н.А.* Концепция «Исламского пробуждения» как внешнеполитическая доктрина Исламской Республики Иран в XXI в. // *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*. 2019. № 2. С. 98–109.
- Филин, Ходунов 2019 – *Филин Н.А., Ходунов А.С.* Некоторые особенности персидской культуры поведения в контексте историко-культурной идентичности персидского народа // *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*. 2019. № 3. С. 131–147.
- Ходунов 2021 – *Ходунов А.С.* Массовые протесты в Иране в 2017–2019 гг.: причины, ход событий, итоги // *Власть*. 2021. № 5. С. 266–270.
- Bayat 2023 – *Bayat A.* Is Iran on the verge of another revolution? // *Journal of Democracy*. 2023. Vol. 34. No. 2. P. 19–31.

References

- Akhmedov, V.M. (2018), *Siriiskoe vosstanie: istoriya, politika, ideologiya* [Syrian uprising. History, politics, ideology], Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia.
- Bayat, A. (2023), “Is Iran on the verge of another revolution?”, *Journal of Democracy*, vol. 34, no. 2, pp. 19–31.
- Filin, N.A. (2015), *Neudavshayasya revolyutsiya tsveta islama: prichiny pod"ema i upadka Zelenogo dvizheniya v Irane* [Failed revolution of Islamic color. Reasons for rise and decline of “Green movement” in Iran], LENAND, Moscow, Russia.
- Filin, N. A. (2017), “Electoral fraud in the 2009 presidential elections in Iran”, *RSUH/RGGU Bulletin. Series “Political Science. History. International Relations”*, no. 1, pp. 97–105.

- Filin, N.A., Koklikov, V.O. and Medushevsky, N.A. (2019). "The concept of 'Islamic Awakening' as the foreign policy doctrine of the Islamic Republic of Iran in the 21st century", *RSUH/RGGU Bulletin. Series "Political Science. History. International Relations"*, no. 2, pp. 98–109.
- Filin, N.A. and Khodunov, A.S. (2019), "Some peculiarities of the Persian culture of behavior in the context of historical and cultural identity of the Persian people", *RSUH/RGGU Bulletin. Series "Political Science. History. International Relations"*, no. 3, pp. 131–147.
- Khodunov, A.S. (2021), "Mass protests in Iran in 2017–2019. Reasons, state of events, results", *Vlast'*, no. 5, pp. 266–270.
- Mamedova, N.M. (2018), "Iran. Economic reasons for the 'New Year's unrest'", *Asia and Africa today*, no. 7, pp. 22–26.

Информация об авторах

Никита А. Филин, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; n.filin@rggu.ru

Владимир О. Кокликов, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; azzuro@list.ru

Александр С. Ходунов, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; nalim13s@mail.ru

Information about the authors

Nikita A. Filin, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; n.filin@rggu.ru

Vladimir O. Koklikov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; azzuro@list.ru

Alexander S. Khodunov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; nalim13s@mail.ru

Российско-китайская торговля рыбной продукцией: тренды, проблемы

Андрей И. Волынский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ava3003@hotmail.com*

Алена Д. Абашина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, aabashina05@gmail.com*

Аннотация. В российской исследовательской литературе часто говорят об отставании фактического уровня российско-китайского торгово-экономического сотрудничества от декларируемого на различных уровнях государственного управления. Это же говорится и в отношении российско-китайского приграничного сотрудничества. Среди проблем часто указывают на слабое развитие логистических коридоров, низкую инвестиционную активность, а также на сложности имплементации различных стратегий в региональную среду в силу несоответствия интересов различных групп акторов. Но есть примеры отраслей, в которых торгово-экономическое партнерство стабильно развивается на уровне приграничного сотрудничества, создавая положительные внешние эффекты для экономики и промышленности российского Дальнего Востока. Имеется в виду российско-китайская торговля рыбной продукцией, обзору положения дел в которой посвящена данная статья. В результате приведенного анализа авторы приходят к выводу о том, что на современном этапе российско-китайская торговля рыбной продукцией – это стабильно развивающаяся сфера сотрудничества, соответствующие отрасли национальных экономик находятся как в ситуации высокой взаимозависимости, так и выступают конкурентами на мировых рынках. Указывается на ряд институциональных проблем, сдерживающих развитие отрасли, схожих с теми, что влияют и на общий уровень приграничного сотрудничества.

Ключевые слова: Россия, Китай, торговля, рыбная отрасль, Дальневосточный федеральный округ, экономическое сотрудничество, экспорт

Для цитирования: Волынский, А.И., Абашина А.Д. Российско-китайская торговля рыбной продукцией: тренды, проблемы // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 3. С. 347–357. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-347-357

© Волынский А.И., Абашина А.Д., 2023

Russian-Chinese fish trade: trends, issues

Andrei I. Volynskii

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, ava3003@hotmail.com*

Alena D. Abashina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, aabashina05@gmail.com*

Abstract. Russian research often talks about the fact that the actual level of Russian-Chinese trade and economic cooperation is lagging that declared. The same is said about Russian-Chinese border cooperation. Research often points to the poor development of logistics corridors, low investment activity, as well as the difficulty of implementing various strategies in the regional environment due to the mismatch of actors' interests. Nevertheless, there are examples of industries in which trade and economic partnerships are developing steadily in the context of cross-border cooperation, creating positive externalities for the economy and Russian Far East industry. That refers to the Russian-Chinese fish trade. The article reviews of the current situation. The authors come to the conclusion that at the present stage, the Russian-Chinese fish trade is a steadily developing branch of cooperation between the two countries, the corresponding sectors of the national economies are both in a situation of high interdependence, and sometimes compete each other in world markets. Authors shows a number of institutional issues hindering the development of the industry, similar to those that affect the overall level of cross-border cooperation.

Keywords: Russia, China, trade, fish industry, Far Eastern Federal District, economic cooperation, export

For citation: Volynskii, A.I. and Abashina, A.D. (2023), "Russian-Chinese fish trade: trends, issues", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, part 3, pp. 347–357, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-347-357

Введение

Поворот России на Восток – одна из констант современной российской внешнеполитической стратегии – ощутим в экономической сфере. Последнее особенно заметно в интенсификации экономического сотрудничества между Российской Федерацией (далее – РФ) и Китайской Народной Республикой (далее – КНР). Если еще в январе 2022 г. был популярен нарратив об отставании развития торгово-экономических отношений между странами от

политических¹, то уже к концу 2022 г. товарооборот между РФ и КНР рос рекордными темпами. Продолжился рост и в 2023 г. Так, в январе–мае 2023 г. товарооборот между странами вырос на 41% по сравнению с показателями аналогичного периода прошлого года, достигнув отметки в 94 млрд долл.² Несмотря на убедительную положительную динамику, многие эксперты все же полагают, что в российско-китайских экономических отношениях сохраняется ряд сдерживающих факторов: дефицит торгового баланса со стороны Китая, внешнеполитическая конъюнктура, связанная с санкционным давлением и влияющая на изменения (главным образом ограничительные) в валютной архитектуре расчетов, и сохраняющийся дефицит логистических мощностей³.

Нетрудно допустить, что от интенсификации торгово-экономических контактов РФ и КНР могли выиграть приграничные территории, в частности области, входящие в Дальневосточный федеральный округ (далее – ДФО). Однако и в развитии приграничного сотрудничества имеет место разрыв между уровнем политических деклараций и реальным их воплощением, что определяется такими факторами, как непонимание региональной бюрократией особенностей работы с китайской стороной, ограниченной емкостью рынка ДФО, слабой степенью диверсификации экономики ДФО [Кашин, Янькова 2022]. Впрочем, можно выделить те отрасли, уровень взаимодействия в которых находится на стабильно хорошем уровне. В данном случае мы имеем в виду российско-китайскую торговлю рыбной продукцией: отрасль, чье развитие значимо для экономики ДФО⁴. Ниже мы рассмотрим особенности развития российско-китайской рыбной торговли на современном этапе, исходя из

¹ *Портякова Н.* «В обозримом периоде закрытость Китая будет сохраняться»: Посол РФ в КНР Андрей Денисов – о приеме туристов, цели по торговле в \$200 млрд и признании вакцин // Известия. 10.01.2022. URL: <https://iz.ru/1271737/nataliia-portiakova/v-obozrimom-periodе-zakrytost-kitaia-budet-sokhraniatsia> (дата обращения 04.08.2023).

² Россия и Китай в январе – мае увеличили торговый оборот на 41% // Интерфакс. 04.06.2023. URL: <https://www.interfax.ru/business/910108> (дата обращения 04.08.2023).

³ Подробный обзор проблемы см.: Российско-китайский диалог: модель 2023: доклад № 87. 2023 / [К.В. Бабаев, А.В. Картунов, Фэн Юйцзюнь, Гао Цзисян и др.; под ред. Е.О. Карпинской, А.П. Александрова, П.В. Бакулиной и др.]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2023. 88 с.

⁴ Об особенностях агроэкспорта ДФО в широкой перспективе см.: [Красова, Сунь 2017; Ду Цзян 2021].

базового предположения, что от динамики развития этой сферы торговли зависит прежде всего соответствующая отрасль в ДФО. На данном этапе основная гипотеза состоит в предположении о сдерживающем в отношении развития приграничного сотрудничества КНР – РФ в сфере торговли рыбной продукцией эффекте отсутствия развитых институциональных механизмов согласования между регулируемыми взаимодействиями ведомствами по обе стороны границы, что будет показано на ряде кейсов⁵.

Российско-китайская торговля рыбной продукцией на современном этапе: краткий обзор

Рыболовство и переработка рыбы – крупнейшая отрасль промышленного производства ДФО. Так, в 2017 г. на нее приходилось до 60% от общего объема промышленного производства ДФО. Сам рыбопромышленный комплекс ДФО – крупнейший в России. В 2017 г. на ДФО приходилось около 65% от общих объемов вылова водных биоресурсов в РФ, а по объему произведенной рыбы и продуктов рыбных переработанных и консервированных ДФО занимал более 60% от общего количества⁶. По состоянию на 2021 год доля рыбной продукции от общего объема экспорта всех видов продукции ДФО составляла до 14%⁷.

⁵ Относительно сдерживающих факторов в экспорте рыбы и иных видов аграрно-пищевого экспорта существуют и более радикальные точки зрения о том, что имеет место преследование китайской стороной своих интересов как со стороны бизнеса, так и государства и соответствующая задаче реализации интересов манипуляция логистическими и контрольными стандартами [Александрова 2022]. Мы признаем, что в любом бизнес-процессе может существовать фактор прямого политического лоббизма, однако полагаем, что вопрос согласования разнонаправленных интересов и является целью создания соответствующих институциональных механизмов.

⁶ Сведения за 2017 год приведены по: О рыбохозяйственном комплексе Дальнего Востока // Правительство России. 23.08.2017. URL: <http://government.ru/info/28934/#:-:text=В%20шести%20из%20деяти%20субъектов,от%20общего%20объёма%20промышленного%20производства> (дата обращения 04.08.2023).

⁷ Рассчитано по: Внешняя торговля ДФО // Дальневосточное таможенное управление. Последнее изменение: 11 марта 2022. 07:49. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/folder/147017> (дата обращения 04.08.2023).

Крупнейшим иностранным покупателем российской рыбы выступает Китай. Так, в январе–июле 2023 г. на КНР пришлось до 53% закупок рыбной продукции в РФ в весовом выражении и до 43% в стоимостном. Вторая по объемам – Южная Корея с 34 и 35% соответственно⁸. Сама РФ – крупнейший поставщик рыбной продукции на китайский рынок. Российский экспорт удовлетворяет 30% китайского спроса⁹. Сейчас Россия экспортирует в Китай следующие виды водных биоресурсов: треска, минтай, лосось, корюшка, тихоокеанская сельдь, карась, сазан, щука и лососевая икра и т. д.¹⁰ Большая часть экспортируемой продукции приходит в виде мороженого сырья, которое впоследствии будет перерабатываться в Китае¹¹. Также экспортируемая продукция может приходиться в виде свежей и охлажденной, соленой и копченой рыбы, а также рыбной муки. К важной особенности экспорта водных биоресурсов в КНР можно отнести сравнительно низкую цену на продукцию средней ценовой категории (семейство лососевых, моллюски, морские гребешки и др.)¹². Наконец, говоря о важности экспорта рыбной продукции из РФ в КНР, отметим, что по состоянию на 2021 год экспорт водных биологических ресурсов занял 6-е место, уступив таким товарам, как

⁸ Экспорт рыбы из России за январь–июль сохранился на уровне 2022 года // ТАСС. 02.08.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18426779> (дата обращения 04.08.2023).

⁹ Потенциал экспорта продукции российского АПК в Китай оценивается в \$6–10 млрд в год // ФИНМАРКЕТ. 31.08.2022. URL: <http://www.finmarket.ru/news/5791138> (дата обращения 04.08.2023).

¹⁰ 俄罗斯斯哈巴罗夫斯克边疆区对华出口远东大马哈鱼和鲑鱼鱼子酱总量超过22吨 [Хабаровский край России экспортирует в Китай дальневосточного лосося и лососевую икру общим объемом более 22 т] // 中国农业信息网 [Китайская сельскохозяйственная информационная сеть]. 12.06.2022. URL: http://www.agri.cn/V20/ZX/sjny/202211/t20221129_7917249.htm (дата обращения 04.08.2023).

¹¹ 11年俄罗斯对华农产品出口额下降13% 鱼类出口额最大 [Экспорт сельхозпродукции из России в Китай в 2021 г. упадет на 13%] // 知乎 [Экспорт сельхозпродукции из России в Китай в 2021 г. упадет на 13%]. 14.01.2022. URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/457279160> (дата обращения 04.08.2023).

¹² Основные направления и особенности экспорта рыбной продукции на Дальнем Востоке назвали аналитики «Востокгосплан» // Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Дальний Восток и Забайкалье». 30.10.2020. URL: <http://assoc.khv.gov.ru/news/4293> (дата обращения 04.08.2023).

медь, руда, топливо и др.¹³ Заметим также, что РФ не является чистым экспортером рыбной продукции в КНР, сохраняются и малые потоки импорта рыбной продукции из КНР в РФ.

Негативные факторы развития торговли рыбной продукцией на современном этапе

Несмотря на в целом оптимистичную картину состояния торговли рыбной продукцией между РФ и КНР, сохраняется ряд негативных факторов. Первый из них – это сравнительно низкая стоимость экспортируемой продукции, относимой к числу товаров нижних переделов в российской классификации. Высокая зависимость от конъюнктурных колебаний приводит к тому, что в отдельные периоды экспорт в стоимостном выражении может снижаться при условии увеличения физических объемов¹⁴.

Есть и экзогенные институциональные факторы, очевидно, влияющие на механизмы регулирования торговли рыбной продукцией между странами. В исследовании [Кашин, Янькова 2022] среди сдерживающих развитие приграничного сотрудничества РФ-КНР факторов указаны «усиление централизации планирования международных контактов региональных субъектов <...> ведущее к уменьшению полномочий органов местного самоуправления и невозможности учета интересов местных элит; ограниченность источников систематизированной информации» [Кашин, Янькова 2022, с. 50]. О проблеме ограничения полномочий региональных

¹³ Рассчитано по: Документы ТСВТ // Таможенная статистика внешней торговли РФ. URL: <https://customs.gov.ru/statistic> (дата обращения 03.02.2023).

¹⁴ Так было в 2020 г., когда поставки мороженой рыбы снизились на 5,2% в стоимостном выражении до 2,4 млрд долл. США при увеличении в натуральном выражении на 8,9% до 1,6 млн тонн (см.: Итоги внешне-экономической деятельности Российской Федерации в 2020 г. и I полугодии 2021 г. // Министерство экономического развития Российской Федерации. 2020. С. 37. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/ab03f167412ee7cbc60d8caf776bab70/itogi_ved_v_2020g_i_1_polugodie_2021.pdf (дата обращения 05.08.2023). Аналогичная ситуация повторяется в 2023 г.: объемы экспорта в стоимостном выражении снизились на 12% год к году при условии сохранения физических объемов экспорта (см.: Экспорт рыбы из России за январь–июль сохранился на уровне 2022 года // ТАСС. 02.08.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18426779> (дата обращения 05.08.2023).

властей как причине ограничений развития приграничного сотрудничества РФ – КНР пишет и С.К. Песцов [Песцов 2021], также о проблемах регионального управления в ДФО как причине сложно протекающей интеграции экономики России в Азиатско-Тихоокеанский регион см. [Зыков 2019].

Среди региональных проблем в рыбной отрасли выделяется, во-первых, незаконный вылов рыбы: нарушения обнаруживаются как с российской, так и с китайской стороны. С точки зрения КНР, случаи браконьерского вылова рыбы негативно влияют на уровень российско-китайских отношений. Так, Главное управление Министерства сельского хозяйства в марте 2016 г. опубликовало «Письмо об усилении управления рыболовными операциями в водах китайско-российской границы»¹⁵, потребовав от властей провинции Хэйлунцзян усилить контроль и пресечь незаконный промысел. В письме упоминалось о том, что незаконный вылов рыбы китайскими рыбаками не только ставит под угрозу двустороннее российско-китайское сотрудничество, но и портит имидж Китая как ответственной державы. Позже было предписано провести расследование причин данной ситуации, придать данным событиям огласку в СМИ¹⁶.

Вторая проблема – процедуры контроля за безопасностью рыбной продукции и согласований между соответствующими ведомствами двух государств на региональном уровне. В 2019 г. Россельхознадзор ввел временный запрет на импорт из Китая угря, тилапии, осетра, форели, креветок, исключая отдельные виды¹⁷. Это

¹⁵ 农办渔函（2016）35号《农业部办公厅关于加强中俄边境水域捕捞作业管理的函》[Письмо Главного управления Министерства сельского хозяйства об усилении управления рыболовными операциями в китайско-российских пограничных водах. № 35 (2016)] // 郑州威驰外资企业服务中心 [Чжэньчжоуский центр обслуживания компаний с иностранным капиталом Виос]. 11.03.2016. URL: <https://www.waizi.org.cn/law/14175.html> (дата обращения 05.08.2023).

¹⁶ 农业部：加强中俄边境水域捕捞管理 严打非法越界 [Министерство сельского хозяйства: Усилить управление рыболовством в водах китайско-российской границы и пресечь незаконное пересечение границы] // 农业部：加强中俄边境水域捕捞管理 严打非法越界 [Министерство сельского хозяйства]. 02.11.2022. URL: <http://ku.m.chinanews.com/warapp/zaker/gn/2016/11-02/8050697.shtml> (дата обращения 05.08.2023).

¹⁷ 俄罗斯对中国产油鱼实施临时限制进口措施 [Россия вводит ограничения на ввоз китайской масляной рыбы]. URL: https://tbt.sist.org.cn/ydy1_2420/zhyl_3038/201912/t20191220_2277738.html (дата обращения 05.01.2023).

было связано с обнаружением в импортируемой продукции ряда ядовитых веществ. В результате переговоров китайская сторона гарантировала приведение продукции к стандартам РФ, и 13 января 2020 г. введенные ограничения были отменены¹⁸.

Следующий кризисный эпизод, ощутимо повлиявший на торговую динамику – ограничения, связанные с обнаружением вируса COVID-19 на упаковках импортируемой из РФ рыбной продукции¹⁹. Решение привело к резкому сокращению экспорта рыбной продукции в Китай и к колоссальным убыткам. Так, доходы от экспорта рыбы, если смотреть шкалу доходов от экспорта рыбной продукции Хабаровского края, в первой половине 2020 г. составляли 62%, после введения ограничений показатель уменьшился до 35%²⁰. Сильнее всего ограничения ударили по предприятиям, добывающим минтай, ведь почти половину рыбы (49%), добытой на Дальнем Востоке в 2021 г., составлял именно он, а Китай – главный потребитель этого сырья: за 2020 год около 60% минтая было экспортировано в КНР. В январе 2022 г. Китай снял ограничения на экспорт российской рыбы²¹. По мнению аналитиков, решение было связано как с тем, что китайские рыбообрабатывающие предприятия лишились доступа к российскому сырью и несли соответствующие издержки, так и с тем, что РФ начала развивать предприятия по переработке минтая в готовую продукцию, которые в перспективе могли составить конкуренцию на мировых рынках²².

¹⁸ <Письмо> Россельхознадзора № ФС-КС-7/311 от 13.01.2020 (с изм. от 17.07.2020) <Об отмене временных ограничений на ввоз в Российскую Федерацию продукции аквакультуры с отдельных предприятий КНР> // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-rosselkhozнадзора-ot-13012020-n-fs-ks-7311-ob-otmene-vremennykh/> (дата обращения 05.08.2023).

¹⁹ China suspends seafood imports from two Russian vessels for a month // REUTERS. 26.09.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/health-coronavirus-china-food-idUSKCN26H05Z> (дата доступа 05.08.2023).

²⁰ Дальневосточные компании развивают переработку рыбы в ответ на ограничение экспорта в КНР // ТАСС. 29.01.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10575259> (дата обращения 05.08.2023).

²¹ 中国解除对俄罗斯鱼类进口的限制 [Китай снимает ограничения на импорт российской рыбы] // 国家外汇管理局 [Государственное валютное управление]. 03.03.2022. URL: <https://www.safe.gov.cn/heilonjiang/2022/0303/1821.html> (дата обращения 05.08.2023).

²² Почему Китай решил открыть свои порты // РБК. 20.01.2022. URL: <https://www.rbc.ru/business/20/01/2022/61e7e6259a794706d7413298> (дата обращения 05.08.2023).

Выводы

Рассмотренные кейсы показывают как явную рассогласованность между соответствующими надзорными ведомствами по обе стороны границы, так и высокую степень взаимозависимости отраслевых комплексов двух государств в соответствующей сфере производства. Наличие сдерживающих институциональных факторов²³ понимают обе стороны, что нашло свое отражение в прошедшей 9 июня 2022 г. встрече представителей государственных ведомств РФ и КНР и работающих в рыбной отрасли компаний, на которой китайская сторона предложила проект рамочного соглашения по взаимной торговле рыбной продукцией. На встрече была озвучена инициатива о создании совместной платформы по торговле рыбной продукцией и согласовании действий на местах²⁴.

Литература

- Александрова 2022 – Александрова М.В. COVID-19 и новые реалии российского аграрно-пищевого экспорта в КНР // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 1. С. 28–38. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-1-28-38
- Ду Цзян, 2021 – 杜江. 中俄农产品贸易合作契机与长期效益研究 / 价格月刊. 2021. No. 8. P. 70–76 [Ду Цзян. Исследование возможностей и долгосрочных выгод китайско-российского торгового сотрудничества в сфере торговли сельскохозяйственной продукцией] // Price monthly. 2021. No. 8. P. 70–76].

²³ По всей видимости, рассогласованность нормативно-правовой базы обеих сторон как сдерживающий фактор – постоянный сюжет в российско-китайском сотрудничестве в различных отраслях деятельности. См., например [Медяник, 2018].

²⁴ Россия и Китай обсудили создание совместной платформы по торговле рыбной продукцией // Федеральное агентство по рыболовству. 09.06.2022. URL: <https://fish.gov.ru/news/2022/06/09/rossiya-i-kitaj-obsudili-sovmestnoj-platformy-po-torgovle-rybnoj-produkciej/> (дата обращения 05.08.2023). Инициатива, очевидно, должна восприниматься как дополнение к уже существующей Смешанной Российско-Китайской комиссии по сотрудничеству в области рыбного хозяйства, существующей под разными названиями с 1988 г. (см.: Россия и Китай возобновили прямые переговоры в области рыболовства. Сайт Федерального агентства по рыболовству. 07.03.2023. URL: <https://fish.gov.ru/news/2023/03/07/rossiya-i-kitaj-vozobnovili-pryamyeperegovory-v-oblasti-rybolovstva/> (дата обращения 05.08.2023).

- Зыков 2019 – *Зыков А.А.* Федеральный проект «Дальний Восток в АТР» на перекрестке интересов местных властей Приморья // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 3. С. 75–84. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2019-3-75-84>
- Кашин, Янькова 2022 – *Кашин В.Б., Янькова А.Д.* Приграничное сотрудничество между Россией и Китаем: глубинные препятствия развития // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 4. С. 41–55. DOI: 10.31857/S013128120021444-9
- Красова, Сунь 2017 – *Красова Е.В., Сунь Ю.* Особенности развития экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья российских регионов на примере Дальневосточного федерального округа // Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences (RJOAS). 2017. № 4. С. 203–212.
- Медяник 2018 – *Медяник Е.И.* Взаимодействие России и Китая в области подготовки бакалавров и магистров // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 1. С. 68–85. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2018-1-68-85>
- Песцов 2021 – *Песцов С.К.* Трансграничное сотрудничество России и Китая: хаотичный расцвет и беспорядочная деградация // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2021. Т. 14. Вып. 1. С. 20–40. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.102>

References

- Alexandrova M.V. (2022), COVID-19 and new realities of Russian agricultural and food exports to China, *East Asia: Facts and Analytics*, no. 1, pp. 28–38. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-1-28-38.
- Kashin, V.B. and Yan'kova, A.D. (2022), “Cross-border cooperation between Russia and China. Deep obstacles to development”, *Far Eastern Studies*, no. 4, pp. 41–55. DOI: 10.31857/S013128120021444-9
- Krasova, E.V. and Sun, Yu. (2017), “Features of development of food products and agricultural raw materials' export in Russian regions on example of the Far Eastern federal district”, *Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences (RJOAS)*, no. 4, pp. 203–212.
- Medyanik, E.I. (2018), “Cooperation between Russia and China in the field of bachelor's and master's trainin, *RSUH/RGGU Bulletin Series “Political Science. History. International Relations”*”, no. 1, pp. 68–85, <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2018-1-68-85>
- Pestsov, S.K. (2021), “Cross-border cooperation of Russia and China. Chaotic prosperity and disorderly degradation”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 14, no. 1, pp. 20–40, <https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.102>
- Zykov, A.A. (2019), “Federal project ‘The Far East in the Asia-Pacific region’ at the intersection of interests of local authorities in Primorsky krai”, *RSUH/RGGU Bulletin*

Series "Political Science. History. International Relations", no 3, pp. 75–84. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2019-3-75-84>

杜江 (2021), 中俄农产品贸易合作契机与长期效益研究 / 价格月刊, no. 8, pp. 70–76. [Du Jiang. Study of the opportunities and long-term benefits of Chinese-Russian trade cooperation in the field of trade in agricultural products // Price monthly. 2021. No. 8. P. 70–76]

Информация об авторах

Андрей И. Вольнский, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ava3003@hotmail.com

Алена Д. Абашина, студент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; aabashina05@gmail.com

Information about the authors

Andrei I. Volynskii, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; ava3003@hotmail.com

Alena D. Abashina, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; aabashina05@gmail.com

УДК 327(560)

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-358-378

«Инициативное» поле турецкой внешней политики на современном этапе: пример Сомали

Маргарита Р. Вафина

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, margo.pita@yandex.ru*

Аннотация. В работе предпринята попытка комплексного анализа нового витка трансформации турецкой внешней политики на современном этапе на примере проводимой Анкарой политики в отношении Сомали. Опираясь на значительную источниковую базу материалов на турецком языке, в том числе на программные документы МИД Турции «На пути ко внешней политике...», а также академическую литературу, автор дает определение сравнительно новому концепту «инициативной и гуманитарной» внешней политики Турции, выявляет инструменты и оценивает эффективность реализации его «инициативного» поля на примере Сомали, где Турции удалось в короткие сроки укрепить свое влияние и занять одну из ключевых позиций среди внерегиональных игроков. Автор осмысляет опыт применения Анкарой «турецкой модели» внешнеполитического сотрудничества, а также выделяет главные направления применения этой модели в «инициативном» поле в рамках продвижения турецких национальных интересов в Сомали и на Африканском континенте в целом. Автор приходит к выводу о том, что турецкая модель сотрудничества, как демонстрирует пример Сомали, в среднесрочной и долгосрочной перспективе вполне может обеспечить Турцию в будущем необходимыми стратегическими преимуществами по сравнению с другими внерегиональными игроками благодаря эффективности организации слаженной многовекторной и многоуровневой работы государственных структур и неправительственных организаций.

Ключевые слова: Турция, внешняя политика, турецкая модель, Сомали, Африка, инициативная и гуманитарная внешняя политика

Для цитирования: Вафина М.Р. «Инициативное» поле турецкой внешней политики на современном этапе: пример Сомали // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 3. С. 358–378. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-358-378

© Вафина М.Р., 2023

The “initiative” field of Turkish foreign policy at the present stage. The case of Somalia

Margarita R. Vafina

*Ural Federal University, named after the first President of Russia, B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia,
margo.pita@yandex.ru*

Abstract. The article attempts to comprehensively analyze a new phase of transformation of Turkish foreign policy at the present stage, using Ankara’s policy towards Somalia as an example. By using a significant source base of materials in Turkish, including the program documents of the Turkish Foreign Ministry “Towards a foreign policy...”, as well as academic literature, the author defines a relatively new concept of “initiative and humanitarian” foreign policy of Turkey, identifies tools and assesses the effectiveness of the implementation of its “initiative” field on the example of Somalia, where Turkey managed to strengthen its influence in a short period of time and take one of the key positions among non-regional actors. The author comprehends Ankara’s experience of applying the “Turkish model” of the foreign policy cooperation and identifies the key lines for applying the model in an “initiative field” within the framework of promoting Turkish national interests in Somalia and on the African continent on the whole. The author concludes that the Turkish model of cooperation, as demonstrated by the example of Somalia, in the mid-term and long-term perspective may quite provide Turkey in the future with the necessary strategic advantages in comparison with other non-regional players due to the effectiveness in the organization of coordinated multi-vector and multi-level work of state structures and non-governmental organizations.

Keywords: Turkey, foreign policy, Turkish model, Somalia, Africa, initiative and humanitarian foreign policy

For citation: Vafina, M.R. (2023), “The ‘initiative’ field of Turkish foreign policy at the present stage. The case of Somalia”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, part 3, pp. 358–378, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-358-378

Введение

В последние годы внешняя политика Турции привлекает пристальное внимание исследователей и аналитиков. В значительной степени это обусловлено возрастающей ролью, которую Анкара играет в региональных и глобальных процессах, а также внешнеполитической активностью и статусом «восходящей» или «растущей»

державы. Большинство исследователей турецкой внешней политики (ТВП) сходятся в том, что за последние годы произошла постепенная смена внешнеполитических приоритетов страны с ориентации на взаимодействие с Западом на Азию и Африку, при этом все большее значение приобретали националистические, религиозные, неоосманские и неоимпериалистические идеи [Шлыков 2020].

Актуальность темы данного исследования обусловлена растущей значимостью Турции как влиятельного игрока в новой многополярной системе международных отношений XXI в. Анкаре удастся эффективно использовать преимущества своего географического местоположения, а также проводить проактивную политику одновременно на различных направлениях. Реализация амбиций государства при сравнительно ограниченной материально-ресурсной базе достигается путем оперативного ответа на возникающие угрозы и вызовы в рамках прагматизма и системного подхода к реализации внешней политики, элементом которой является концепт «инициативной и гуманитарной дипломатии». Примером успешности данного концепта является кейс Сомали, где Турции удалось в короткие сроки укрепить свое влияние и занять одну из ключевых позиций среди внерегиональных игроков.

Научные публикации, посвященные различным аспектам внешней политики Турции, довольно обширны и разнообразны. Подробной характеристике региональной политики Турции в странах Африки, а также предпосылкам ее формирования отводит место в своей работе И.А. Свистунова [Свистунова 2018]. Акцент на осмыслении и анализе турецкой внешней политики на Африканском континенте был сделан также в своих работах российскими исследователями В.С. Ягьей [Ягья, Колесникова 2018] и М.А. Колесниковой [Колесникова 2020], А. Богуславским [Богуславский 2017].

Имеющиеся в российском научном поле исследования по проблемам внешней политики Турции преимущественно рассматривают общий процесс трансформации внешнеполитического курса либо останавливаются на изучении различных региональных направлений в целом, в то время как в рамках данной работы уделено особое внимание различным аспектам реализации концепта «инициативной и гуманитарной» внешней политики Турции на примере взаимодействия с Сомали, так как именно данный кейс, по нашему мнению, стал ключевым в процессе формирования рассматриваемого концепта. В стремлении сделать вклад в развитие исследований по данной проблематике автором был выполнен анализ широкого круга источников и литературы на турецком и английском языках, ранее широко не представленных в отечественных научных публикациях. С точки зрения методологии в работе

был применен структурно-функциональный и институциональный подход к анализу нового концепта внешней политики Турции, а также для характеристики рассматриваемого региона автор прибегает к использованию геополитического анализа. С учетом наметившегося во внешней политике России «разворота» на Африку и «возвращения» на Африканский континент в качестве одного из ведущих игроков осмысление турецкого опыта приобретает не только академическую, но и политическую актуальность.

Трансформация турецкой внешней политики на современном этапе

Турция как государство, претендующее на статус лидера в регионе Ближнего Востока, находится в поиске внешнеполитической идентичности. В последние годы правления ПСР новый виток трансформации внешней политики Анкары ознаменовался началом применения концепта «инициативной и гуманитарной» внешней политики. К понятиям, которые вошли в активный оборот при правлении ПСР, исследователи относят такие термины, как «мягкая сила», «превентивная дипломатия», «челночная дипломатия», «гуманитарная дипломатия», «взаимовыгодная стратегия», «модель партнерства», «историческая ответственность» [Звягельская 2019]. Все это позволяет утверждать, что Анкара имеет серьезные внешнеполитические амбиции и намерена применять различные инструменты на пути к их реализации, к которым, в том числе, относится рассматриваемый в данной работе концепт.

Впервые концепт «инициативной и гуманитарной» внешней политики был озвучен президентом Турции Р.Т. Эрдоганом в речи на 72-м собрании Генеральной ассамблеи ООН в 2017 г. Лидер Турции заявил следующее: «Во имя мира во всем мире существует необходимость в разработке нового подхода. Ни один кризис и угроза не могут быть решены сами по себе. Для мировой безопасности и процветания все должны приложить к этому усилия. И Турция с осознанием этой цели проводит инициативную и гуманитарную внешнюю политику»¹. Однако следует отметить, что первые шаги

¹ Dünya Barışı İçin Yeni Bir Bakış Açısı Geliştirmeye İhtiyacımız Var // T.C. Cumhurbaşkanlığı Kurumsal İnternet Sayfası [Нам необходимо разработать новую перспективу мира во всем мире]. 19.09.2017. URL: <https://www.tccb.gov.tr/haberler/410/83539/dunya-barisi-icin-yeni-bir-bakis-acisi-gelistirmeye-ihtiyacimiz-var.html> (дата обращения 29.10.2023).

на пути к формированию данного подхода были сделаны и апробированы на примере взаимодействия с Сомали начиная с 2011 г. – периода восхождения африканского вектора во внешней политике Турции [Arslan 2018].

Публикуемый ежегодно в декабре документ «На пути ко внешней политике...» с анализом проделанной МИД Турции работы за год также позволяет судить о приоритетах турецкой внешней политики на текущий момент. Впервые понятие «инициативная и гуманитарная внешняя политика» было использовано при публикации данного документа в 2017 г.², и в дальнейшем концепт сохранил главенствующую позицию на протяжении последующих лет ежегодных публикаций в 2018³, 2019⁴, 2020⁵, 2021⁶ и 2022 гг.⁷ соответственно.

² 2018 Yılına Giren Girişimci Ve İnsani Dış Politikamız [Наша инициативная и гуманитарная внешняя политика на пороге 2018 года] // Т.С. Dışişleri Bakanlığı. 17.12.2017. URL: https://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2018-yilina-girerken-girisimci-ve-insani-dis-politikamiz.pdf (дата обращения 29.10.2023).

³ 2019 Yılına Giren Cumhurbaşkanlığı Hükümet Sistemine Girişimci Ve İnsani Dış Politikamız [Наша инициативная и гуманитарная внешняя политика в системе президентского правления на пороге 2019 года] // Т.С. Dışişleri Bakanlığı. 17.12.2018. URL: https://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2019-yilina-girerken-girisimci-ve-insani-dis-politikamiz.pdf (дата обращения 29.10.2023).

⁴ 2020 Yılına Giren Girişimci Ve İnsani Dış Politikamız [Наша инициативная и гуманитарная внешняя политика на пороге 2020 года] // Т.С. Dışişleri Bakanlığı. 18.11.2019. URL: https://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2020-yilina-girerken-girisimci-ve-insani-dis-politikamiz.pdf (дата обращения 29.10.2023).

⁵ 2021 Yılına Giren Girişimci Ve İnsani Dış Politikamız [Наша инициативная и гуманитарная внешняя политика на пороге 2021 года] // Т.С. Dışişleri Bakanlığı. 14.12.2020. URL: https://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2021-yilina-girerken-girisimci-ve-insani-dis-politikamiz.pdf (дата обращения 29.10.2023).

⁶ 2022 Yılına Giren Girişimci Ve İnsani Dış Politikamız [Наша инициативная и гуманитарная внешняя политика на пороге 2022 года] // Т.С. Dışişleri Bakanlığı. 04.11.2021. URL: https://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2022-yilina-girerken-girisimci-ve-insani-dis-politikamiz.pdf (дата обращения 29.10.2023).

⁷ 2023 Yılına Giren Girişimci Ve İnsani Dış Politikamız [Наша инициативная и гуманитарная внешняя политика на пороге 2023 года] // Т.С. Dışişleri Bakanlığı. 12.12.2022. URL: https://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2023-yilina-girerken-girisimci-ve-insani-dis-politikamiz.pdf (дата обращения 29.10.2023).

Для турецкой внешней политики характерна преемственность, именно поэтому реализация нового внешнеполитического курса Анкары осуществляется в соответствии с принципами основателя Турецкой Республики М.К. Ататюрка «Мир в стране, мир во всем мире», при этом отвечая на новые потребности общества и вызовы современного мира. К последним в том числе, согласно последней редакции программного документа МИД «На пути ко внешней политике в 2023 г.», следует отнести снижение уровня предсказуемости в международных отношениях, рост угроз миру и стабильности в ближайших и отдаленных регионах Турции, эрозию общепризнанных ценностей и усиление соперничества между силами разных масштабов. Также особо подчеркивается неспособность действующих международных институтов эффективно реагировать на факторы, определяющие архитектуру безопасности в различных регионах мира в условиях растущей нестабильности, социального разрыва и ускоренной цифровизации общества⁸.

В ответ на указанные выше угрозы Турция предлагает концепт «инициативной и гуманитарной» внешней политики как свое видение для разрешения проблем «на поле и за столом переговоров». При этом подчеркивается, что Турция, руководствуясь традициями дипломатии, опирается на важность своего географического местоположения, богатую историю, сильные государственные структуры, человеческие ресурсы и динамичную экономику, что позволяет ей во внешней политике выстраивать единую связь между традициями и будущим⁹. Можно заметить, что новому внешнеполитическому концепту удалось объединить в себе главные элементы ранее применяемых во внешней политике Турции подходов, что, в свою очередь, также подтверждает характер преемственности в ТВП.

Концепт «инициативной и гуманитарной» внешней политики

Рассматриваемый концепт представляет собой баланс между двумя полями внешней политики Анкары – инициативным и гу-

⁸ Türkiye'nin Girişimci Ve İnsani Dış Politikası [Инициативная и гуманитарная внешняя политика Турции] // T.C. Dışişleri Bakanlığı. URL: <https://www.mfa.gov.tr/dis-politika-genel.tr.mfa> (дата обращения 29.10.2023).

⁹ Ibid.

манитарным. По словам М. Чавушоглу, именно пропорциональное сочетание мягкой и жесткой силы по этим направлениям дает Турции право считаться «умной силой»¹⁰.

В инициативном поле внешней политики Анкара координирует действия многочисленных дипломатических миссий и подразделений, предлагая инициативы для сотрудничества в политической, экономической, военной и других сферах. Так, в настоящее время количество турецких представительств за границей достигло 260, что делает Турцию пятой в мире страной по величине дипломатической сети¹¹.

Гуманитарное поле, в свою очередь, отражается в деятельности Анкары по оказанию гуманитарной помощи и программ развития нуждающимся в поддержке странам и отвечает за создание благоприятных условий для принятия предложенных турецкой стороной инициатив. Тем самым Турция позиционирует себя как «милосердная держава»¹². В основе реализации «гуманитарного» поля внешней политики Турции лежит эффективное взаимодействие государственных организаций и НПО на всех уровнях сотрудничества.

¹⁰ Dışişleri Bakanı Sayın Mevlüt Çavuşoğlu'nun Basına Yaptığı Açıklama [Заявление министра иностранных дел г-на Мевлюта Чавушоглу для прессы] // T.C. Dışişleri Bakanlığı. 26.09.2022. URL: <https://www.mfa.gov.tr/disisleri-bakani-sayin-mevlut-cavusoglu-nun-basina-yaptigi-aciklama--26-eylul-2022.tr.mfa> (дата обращения 29.10.2023).

¹¹ Bakan Çavuşoğlu: “Dünyada diplomatik misyon sayısı bakımından biz 5'inci sıradayız” [Министр Чавушоглу: «Мы занимаем пятое место в мире по количеству дипломатических представительств»] // Hürriyet. 10.04.2023. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/bakan-cavusoglu-dunyada-diplomatik-misyon-sayisi-bakimindan-biz-5inci-siradayiz-42248738> (дата обращения 29.10.2023).

¹² Dışişleri Bakanı Çavuşoğlu: Dünyanın 5 kıtasında gözü, kulağı ve eli olan bir Dışişleri Bakanlığımız var [Министр иностранных дел Чавушоглу: У нашего Министерства иностранных дел есть глаза, уши и руки на пяти континентах мира] // Anadolu Ajansı. 11.08.2022. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/gundem/disisleri-bakani-cavusoglu-dunyanin-5-kitasinda-gozu-kulagi-ve-eli-olan-bir-disisleri-bakanligimiz-var/2659312> (дата обращения 29.10.2023).

*Кейс Сомали в контексте
«инициативного» поля
внешней политики Турции*

С точки зрения анализа концепта «инициативной и гуманитарной» внешней политики наиболее показательным и значимым является кейс Сомали, так как именно в ходе двустороннего взаимодействия с этой страной оформилась «турецкая модель» сотрудничества, которая в последующие годы и заложила основу рассматриваемого в данной работе концепта [Özkan 2014]. Отправной точкой для запуска механизмов «инициативной и гуманитарной» внешней политики стал визит в Сомали в 2011 г. на тот момент занимавшего пост премьер-министра Р.Т. Эрдогана, вслед за этим на территории Сомали развернули свою активную деятельность государственные и негосударственные турецкие организации. В рамках данного исследования мы ограничимся анализом «инициативного» поля внешней политики Турции на примере Сомали.

Поле «инициативной» внешней политики, реализуемой Турцией на сомалийском направлении, включает военно-техническое сотрудничество, сотрудничество по энергетическим вопросам и реализацию экономических проектов, в том числе связанных со строительным сектором, где сохраняется доминирующее положение турецких инвесторов. Однако, прежде чем перейти к разбору кейса применения концепта «инициативной и гуманитарной» внешней политики в отношении Сомали, следует проанализировать общую конъюнктуру региона Африканского Рога, в котором располагается рассматриваемое государство.

Проходящие через Красное море и Аденский залив важнейшие для международной торговли морские пути делают критически важным для мировой системы безопасности регион Африканского Рога благодаря его геостратегическому расположению. Обострение военно-политической и экономической конкуренции между внешними игроками в совокупности с имеющимися в регионе дестабилизирующими факторами, такими как терроризм, пиратство и межгосударственные конфликты, представляют собой угрозу для мировой судоходной системы в целом и реализации национальных интересов внерегиональных держав в Африке. Соответственно, решение проблемы региональной безопасности является ключевым в политике внешних игроков в Африке.

Зона нестабильности в регионе обусловлена такими факторами, как пиратство у побережья, действия террористической группировки «Аль-Шабаб» в Сомали, гражданская война в Йемене и Южном Судане, значительные протестные движения в Эфиопии

и затяжные региональные пограничные конфликты [Коновалов 2014]. Общей проблемой государств региона Африканского Рога является неспособность центральной власти к осуществлению полного контроля над конфликтными зонами и сохранение влияния клановых связей при распределении доступа к власти. Вероятность дальнейшей эскалации внутренних конфликтов и факт того, что страны Африканского Рога являются одновременно субъектами и объектами международного терроризма представляют собой угрозу региональной безопасности [Пискунова 2014].

Страны региона стабильно попадают в рейтинг несостоявшихся государств, ежегодно составляемый американским Фондом мира и журналом *Foreign Policy*. Так, по состоянию на 2023 г. Сомали находится на 1-й позиции, Эфиопия – на 11-й, Эритрея – на 19-й, Джибути – на 45-й¹³. Несостоявшиеся государства неспособны обеспечить контроль над своими территориями, что ведет к росту преступности и распространению международного терроризма по всему региону.

Упомянутые вызовы в сфере безопасности Африканского Рога являются одной из причин возрастания иностранного военного присутствия в регионе. С одной стороны, внешние игроки провозглашают борьбу с терроризмом и пиратством главной целью размещения своего военного контингента, с другой стороны, строительство военных баз является первым шагом на пути к продвижению национальных военно-политических и экономических интересов. В свою очередь, расширение иностранного военного вмешательства ведет к росту конкуренции между глобальными игроками, что негативно отражается на процессах взаимодействия на уровне африканских стран и повышает градус напряженности в регионе.

По мере того, как усиливается концентрация военного присутствия иностранных держав, возрастает важность региона и стремление обеспечить безопасность портов для стабильной работы логистических систем. В целом в настоящее время на территории Африканского Рога расположены военные базы 11 иностранных государств, в том числе в Джибути – военные базы США, КНР, Японии, Германии, Франции, Италии и Испании, в Эритрее – базы Израиля и ОАЭ, в Сомали – Турции, ОАЭ, Великобритании и США [Melvin 2019]. Поиск Турции своего места в сложном раскладе сил в регионе Африканского Рога в значительной степени является частью общей тенденции, при этом за данное направление турецкой внешней политики отвечает инициативное поле рассмат-

¹³ Fragile states index heat map // The Fund for Peace. 2023. URL: <https://fragilestatesindex.org/analytics/fsi-heat-map/> (дата обращения 29.10.2023).

риваемого нами концепта, среди элементов которого следует выделить строительство военных баз и непосредственное размещение военного контингента, экспорт вооружений, подготовку военных кадров, миротворческую деятельность.

На протяжении длительного периода для Анкары важно было сохранить имидж страны-посредника в урегулировании региональных конфликтов, а также показать приверженность принципам мирного урегулирования. Так, турецкие ВС участвовали в следующих операциях по обеспечению мира на Африканском континенте: операция ООН 1993–1994 гг. в Сомали (*UNOSOM*), миссия ООН в ДР Конго в 2006 г. (*MONUC*), миссия ООН в Судане в 2005–2010 гг. (*UNMIS*), совместная защитная операция НАТО в Ливии в 2011 г., операция ООН и Африканского союза в Дарфуре в 2005–2007 гг., операция НАТО «Океанский щит» по борьбе с сомалийскими пиратами в период 2008–2016 гг., миссия ООН по помощи Сомали 2013 г. – наст. вр.¹⁴

Согласно данным Стокгольмского института исследования проблем мира, за последние годы уровень турецкого экспорта оружия в мире вырос на 30%, а показатели импорта, в свою очередь, снизились на 59%. По мнению экспертов, это связано с политикой правительства Турции по укреплению военного потенциала страны, в рамках которой была поставлена задача снижения зависимости от импорта вооружений путем наращивания объемов национальной оборонной промышленности¹⁵.

Анкара также уделяет много внимания усовершенствованию вооружения, делая акцент на внедрении новейших систем и технологий. Путем разработки крупных проектов Турция пытается создать развитую и интегрированную систему ВВС и ПВО, оснащенную новейшей военной техникой и вооружением. В данном контексте перспективным для Анкары является расширение военно-технического сотрудничества в регионе Африканского Рога и со странами Африки в целом. Африканский континент

¹⁴ Türkiye'nin Barışı Destekleme Harekâtına Katkıları [Вклад Турции в Операцию по поддержанию мира] // Türk Silah Kuvvetleri. URL: <https://www.tsk.tr/Sayfalar?viewName=BarisiDestekleme> (дата обращения 29.10.2023).

¹⁵ International arms transfers level off after years of sharp growth; Middle Eastern arms imports grow most, says SIPRI // Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). 15.03.2021. URL: <https://www.sipri.org/media/press-release/2021/international-arms-transfers-level-after-years-sharp-growth-middle-eastern-arms-imports-grow-most> (дата обращения 29.10.2023).

представляет собой масштабный рынок, высокий потенциал которого может быть использован турецким правительством для сбыта оружия собственного производства, а также для увеличения числа взаимодействий по линии реализации обменных программ подготовки военных специалистов, и Сомали в данном случае служит ключом к выходу на этот рынок. Так, в настоящее время сомалийские военные используют турецкие штурмовые винтовки МРТ-76¹⁶. В августе 2020 г. также была осуществлена поставка 12 турецких бронемашин *Kirpi I* вооруженным силам Сомали, при этом их стоимость была покрыта выделенным Министерством обороны Турции грантом в рамках поддержки сомалийских войск в борьбе с террористической группировкой «Аль-Шабаб»¹⁷.

Подход «равнозначного и взаимовыгодного партнерства», провозглашаемый Турцией, транслируется и в турецкой политике в сфере безопасности по отношению к Сомали. Анкара стремится проводить политику «открытых дверей», что подразумевает готовность сотрудничать с каждой из стран региона вне зависимости от существующих между ними внутренних противоречий. Начиная с 2011 г. Анкара вновь открыла в г. Могадишо посольство, а в 2014 г. в автономной области Сомалиленд в г. Харгейса начало свою деятельность Генеральное консульство Турецкой Республики¹⁸.

В настоящий момент между Сомали и Турцией действуют соглашения о сотрудничестве в сферах безопасности¹⁹, оборонной

¹⁶ Milli tüfek sınırları aşdı [Отечественная винтовка пересекла границы] // Anadolu Ajansı. 31.10.2017. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/ekonomi/millitufek-sinirlari-asti/952261> (дата обращения 29.10.2023).

¹⁷ Türkiye, Somali Ordusuna 12 adet Kirpi MKKA hibe etti [Турция передала в дар сомалийской армии 12 броневедомостей Kirpi] // Defence Turk. 28.08.2020. URL: <https://www.defenceturk.net/turkiye-somali-ordusuna-12-adet-kirpi-mkka-hibe-etti> (дата обращения 29.10.2023).

¹⁸ Somali Cumhuriyeti [Сомалийская Республика] // Ankara Ticaret Odası. 20.08.2020. URL: <https://www.atonet.org.tr/Uploads/Birimler/Internet/Alt%20Tan%C4%B1t%C4%B1m/2020-08-20-%C3%9Ckle%20Raporlar%C4%B1/Somali.pdf> (дата обращения 29.10.2023).

¹⁹ Türkiye Cumhuriyeti Hükümeti ile Somali Federal Cumhuriyeti Hükümeti Arasında Güvenlik İşbirliği Anlaşması [Соглашение о сотрудничестве в области безопасности между правительством Турецкой Республики и правительством Федеративной Республики Сомали] // Resmi Gazete. 12.02.2013. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2018/04/20180404-4.pdf> (дата обращения 29.10.2023).

промышленности²⁰, подготовки военных кадров²¹ и полицейского состава²².

Поворотным моментом в развитии военно-стратегического сотрудничества Турции со странами Африканского Рога стало открытие первой зарубежной турецкой базы на территории Сомали в г. Могадишо в 2017 г. На базе постоянно находится 200 турецких военнослужащих, а на ее строительство было затрачено 50 млн долл.²³ На основании подтвержденного Советом Безопасности ООН соглашения между Турцией и Сомали будет выполнена подготовка 10 тыс. сомалийских военных, при этом внимания заслуживает факт того, что первым этапом их обучения будет изучение турецкого языка, таким образом, в ближайшей перспективе треть сомалийских вооруженных сил будет подготовлена Турцией,

²⁰ Türkiye Cumhuriyeti Hükümeti ile Somali Federal Cumhuriyeti Hükümeti Arasında Savunma Sanayi İşbirliği Anlaşması [Соглашение о сотрудничестве в оборонной промышленности между правительством Турецкой Республики и правительством Федеративной Республики Сомали] // Resmi Gazete. 30.01.2016. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2016/05/20160510-1.pdf> (дата обращения 29.10.2023).

²¹ Türkiye Cumhuriyeti Hükümeti ile Somali Cumhuriyeti Hükümeti Arasında Askeri Eğitim İş Birliği Anlaşması [Соглашение о сотрудничестве в военной подготовке между правительством Турецкой Республики и правительством Республики Сомали] // Resmî Gazete. 10.10.2012. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2012/10/20121010-4.htm> (дата обращения 29.10.2023).

²² Türkiye Cumhuriyeti Hükümeti ile Somali Federal Cumhuriyeti Hükümeti Arasında Polis Eğitimi İşbirliği Protokolü [Протокол о сотрудничестве в области подготовки полицейских между правительством Турецкой Республики и правительством Федеративной Республики Сомали] // Resmi Gazete. 03.06.2016. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2018/01/20180112M1-2.pdf> (дата обращения 30.05.2023); Türkiye Cumhuriyeti Hükümeti ile Somali Federal Cumhuriyeti Hükümeti Arasında Polis Eğitimi İlişkin Protokolü [Протокол между правительством Турецкой Республики и правительством Федеративной Республики Сомали о подготовке полицейских] // Resmî Gazete. 04.04.2020. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2020/04/20200404-11.pdf> (дата обращения 29.10.2023).

²³ Türkiye'nin Somali'de açtığı yurt dışındaki en büyük üssü hakkında tüm merak edilenler [Все самое важное о крупнейшей базе Турции за рубежом, открытой в Сомали] // T24. 29.04.2018. URL: <https://t24.com.tr/haber/turkiyenin-somalide-actigi-yurt-disindaki-en-buyuk-ussu-hakkinda-tum-merak-edilenler,457968> (дата обращения 29.10.2023).

что также благотворно скажется на сомалийско-турецкой кооперации в военной сфере²⁴.

Согласно официальным заявлениям Анкары, следует рассматривать турецкую военную базу в Могадишо в качестве «военного тренировочного лагеря», главная цель которого – помощь федеральному правительству Сомали в обеспечении стабильности в стране²⁵. Однако в ходе анализа ситуации с созданием и функционированием турецкой базы на региональном и надрегиональном уровне, можно заметить, что это не что иное, как вызов Турции арабским интересам в регионе с потенциальным риском эскалации соперничества за влияние и напряженности, также следует учитывать тот факт, что турецкие интересы в военной сфере в регионе Африканского Рога не ограничиваются Сомали.

Таким образом, сфера военно-технического сотрудничества с Сомали является одним из перспективных направлений внешней политики Турции в регионе и соответствует амбициям Анкары по расширению рынка сбыта вооружения отечественного производства. Однако высокий уровень иностранного военного присутствия в регионе создает риски роста напряжения в случае дальнейшей активизации турецкой деятельности. В настоящее время нет предпосылок для расширения военного присутствия Турции за пределы Сомали, тем не менее вероятно углубление сотрудничества с остальными странами Африканского Рога по линии реализации образовательных программ и семинаров в военной сфере, а также проведения совместных учений и тренировочных сборов.

Другой важной составляющей «инициативного поля» внешней политики Турции в отношении Сомали является проводимая Анкарой экономическая политика. Благодаря своему расположению в непосредственной близости к Баб-эль-Мандэбскому

²⁴ Türkiye'nin Mogadişu Büyükelçisi Yılmaz: Somali Ordusunun 3'te 1'ini Türkiye Eğitmiş Olacak [Посол Турции в Могадишо Йылмаз: Турция обучит 1/3 сомалийской армии] // Stratejik Düşünce Enstitüsü. 04.08.2020. URL: <https://www.sde.org.tr/afrika/turkiyenin-mogadis-u-buyukelcisi-yilmaz-somali-ordusunun-3te-1ini-turkiye-egitimis-olacak-haberi-17836> (дата обращения 29.10.2023).

²⁵ Cumhurbaşkanlığı Sözcüsü Kalın: "Türkiye'nin Ulusal Güvenliği, Asla Müzakere ve Pazarlık Konusu Edilemez" [Пресс-секретарь президента Калын: «Национальная безопасность Турции никогда не будет предметом переговоров и торга»] // T.C. Cumhurbaşkanlığı Kurumsal İnternet Sayfası. 26.02.2016. URL: <https://www.tccb.gov.tr/haberler/410/39933/cumhurbaskanligi-sozcusu-kalin-turkiyenin-ulusal-guvenligi-asla-muzakere-ve-pazarlik-konusu-edilemez> (дата обращения 29.10.2023).

проливу, одной из важнейших судоходных артерий в мире, регион Африканского Рога имеет большое значение для международной экономической системы. Торгово-экономическое сотрудничество Турции с Сомали развивается по следующим направлениям: сельское хозяйство, инвестиции, транспортные проекты, энергетический сектор.

Турецко-сомалийское экономическое сотрудничество регулируется такими документами, как Соглашение о сотрудничестве в сфере торговли и экономики 2016 г.²⁶, Соглашение об избежании двойного налогообложения по налогам на прибыль 2016 г.²⁷, Соглашение о сотрудничестве в сфере экономического развития 2017 г.²⁸

Активное участие в развитии экономики Сомали способствует формированию позитивного имиджа Турции в регионе. Широкое освещение в СМИ получило принятое 4 ноября 2020 г. решение Турции о взносе в размере 2 372 189 усл. ед. из специальных прав заимствования стран (СДР)²⁹ в пользу погашения части долга

²⁶ Türkiye Cumhuriyeti Hükümeti ile Somali Federal Cumhuriyeti Hükümeti Arasında Ticari ve Ekonomik İşbirliği Anlaşması [Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Правительством Турецкой Республики и Правительством Федеративной Республики Сомали] // Resmî Gazete 24.01.2020. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2020/01/20200125-3.pdf> (дата обращения 29.10.2023).

²⁷ Türkiye Cumhuriyeti Hükümeti ile Somali Federal Cumhuriyeti Hükümeti Arasında Gelir Üzerinden Alınan Vergilerde Çifte Vergilendirmeyi Önleme Anlaşmasının Onaylanması Hakkında Karar [Решение об одобрении Соглашения между Правительством Турецкой Республики и Правительством Федеративной Республики Сомали об избежании двойного налогообложения в налогах на доходы] // Resmî Gazete. 05.03.2020. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2020/03/20200305-4.pdf> (дата обращения 29.10.2023).

²⁸ Türkiye Cumhuriyeti Hükümeti ile Somali Federal Cumhuriyeti Hükümeti Arasında Kalkınma İş Birliği Anlaşması ve Anlaşmada Değişiklik Yapılmasına Dair Notaların Onaylanmasının Uygun Bulduğuna Dair Kanun [Закон об утверждении Соглашения о сотрудничестве в целях развития между Правительством Турецкой Республики и Правительством Федеративной Республики Сомали и примечаний относительно поправок к Соглашению] // Resmî Gazete. 11.03.2021. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2021/03/20210311-2.htm> (дата обращения 29.10.2023).

²⁹ Специальные права заимствования (СДР) представляют собой один из инструментов для расчета в рамках МВФ, а их стоимость определяется совокупностью портфеля на основе пяти валют: долл., евро, китайского юаня, японской иены и фунта стерлингов. Специальные права заимствования (СДР) // Международный валютный фонд. 18.02.2021.

Сомали перед Международным валютным фондом³⁰. Помощь была оказана в рамках инициативы содействия бедным странам с высоким уровнем задолженностей (НПС) МВФ и Всемирного банка, начатой для облегчения негативных последствий пандемии коронавируса на экономику этих стран³¹.

Примечателен также тот факт, что среди официальных лиц Сомали одним из первых благодарность турецкой стороне выразил министр юстиции Сомали А.М. Нур, выпускник программы *Türkiye Bursları*, опубликовав сообщение на турецком языке в социальной сети X: «Я выражаю благодарность Уважаемому Президенту Р.Т. Эрдогану и дружеской и братской Турции в его лице за погашение из собственных средств накопившегося у Сомали долга перед МВФ»³². Учитывая сложное экономическое положение, в котором в настоящее время находится сама Турция, этот жест свидетельствует о стратегическом значении,

URL: <https://www.imf.org/en/Topics/special-drawing-right#:~:text=The%20SDR%20is%20an%20international,provide%20a%20country%20with%20liquidity> (дата обращения 29.10.2023).

³⁰ Somali Federal Cumhuriyeti'nin Uluslararası Para Fonuna Olan Vadesi Geçmiş Borçlarının Silinebilmesi Amacıyla Fonun İhtiyat Hesaplarında Biriken Ülkemiz Payından 2.372.189 Özel Çekme Hakkı (SDR) Tutarında Nakdi Hibe Verilmesine Dair 5/10/2020 Tarihli İlişik Hibe Anlaşmasının Yürürlüğe Girmesi Hakkında Karar [Решение о вступлении в силу прилагаемого Грантового соглашения от 10.05.2020 на предоставление денежного гранта в размере 2 372 189 специальных прав заимствования (СПЗ) из доли нашей страны, накопленной на резервных счетах Фонда, в целях аннулирования просроченной задолженности Федеративной Республики Сомали перед Международным валютным фондом] // Resmî Gazete. 05.11.2020. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2020/11/20201105-1.pdf> (дата обращения 29.10.2023).

³¹ Türkiye Somali'nin IMF borcunu neden ödedi, karar Afrika politikası açısından ne anlama geliyor? [Почему Турция погасила долг Сомали МВФ и что означает это решение для африканской политики?] // Cumhuriyet Gazetesi. 09.11.2020. URL: <https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/turkiye-somalinin-imf-borcunu-neden-odedi-afrika-politikasi-acisindan-ne-anlama-geliyor-1789599> (дата обращения 29.10.2023).

³² Somali Adalet Bakanı Abdulkadir Muhammed Nur: Başkan Erdoğan'a ve Türkiye devletine teşekkür ederim [Министр юстиции Сомали Абдулкадир Мохамед Нур: Я благодарю президента Эрдогана и Турцию] // A Haber. 06.11.2020. URL: <https://www.ahaber.com.tr/dunya/2020/11/06/somali-adalet-bakani-abdulkadir-muhammed-nur-baskan-erdogana-ve-turkiye-devletine-tesekkur-ederim> (дата обращения 29.10.2023).

придаваемом Анкарой развитию сотрудничества и углублению связей с Сомали.

Еще одним мотивом Турции, объясняющим стремление к налаживанию экономического взаимодействия с Сомали, является заинтересованность в разработке запасов нефти на шельфе Могадишо. В 2020 г. был опубликован отчет международной геофизической исследовательской компании *TGS-NOPEC*, согласно которому на исследованном участке шельфа размером в 122 тыс. км² предполагается наличие не менее 30 млрд баррелей нефти, готовых для добычи³³.

Несмотря на то что президент Турции допускал высказывания о том, что Анкара получила предложение от правительства Сомали на разведку участка, по заявлению министра нефти и горной промышленности Сомали, до настоящего момента велась подготовка соответствующего законодательства в сфере добычи энергоресурсов, поэтому до открытия тендеров и подписания контракта не может идти речь о каких-либо преференциях для турецких компаний вне зависимости от доброжелательных отношений между двумя странами³⁴. В феврале 2020 г. правительством Сомали был ратифицирован новый закон в сфере добычи нефти, вслед за ним последовало открытие первого офшорного лицензионного раунда, который продлился до 30 июня 2021 г.³⁵ Турецкая компания английского происхождения *Genel Energy* являлась одним из главных претендентов на получение контракта, и в 2023 г. стало известно, что она будет вести разработку найденных в регионе месторождений нефти³⁶.

³³ Somalia awakens as East Africa's oil province // TGS. 13.05.2021. URL: <https://storymaps.arcgis.com/stories/c6dd39c1ba864fa8913db123f0598cf1> (дата обращения 29.10.2023).

³⁴ Somali'de petrol rezervi ne kadar? Erdoğan'ın 'Teklif geldi' açıklamasına Somali Petrol Bakanı ne diyor? [Каковы запасы нефти в Сомали? Что говорит министр нефти Сомали на заявление Эрдогана «Было получено предложение»?] // T24. 22.01.2020. URL: <https://t24.com.tr/haber/somali-de-petrol-rezervi-ne-kadar-erdogan-in-teklif-geldi-aciklamasina-somali-petrol-bakani-ne-diyor,857211> (дата обращения 29.10.2023).

³⁵ Licensing Round // Somali Petroleum Authority. URL: <https://hbs.gov.so/exploration-production/licensing-round/> (дата обращения 29.10.2023).

³⁶ Somaliland'de ilk petrol keşfi: Üretimi Genel Enerji yaracak [Первое исследование нефтяных запасов в Сомалиленде: добычу будет осуществлять General Energy] // Sputnik Türkiye. 09.01.2023. URL: <https://sputniknews.com.tr/amp/20230109/somalilandde-ilk-petrol-kesfi-uretimi-ingiliz-genel-enerji-yaracak---1065540984.html> (дата обращения 29.10.2023).

В энергетической сфере турецкой компанией *Genel Energy* ведутся исследования шлейфа Сомалиленда на пространстве размером в 40,3 тыс. км², договор на проведение работ был подписан сторонами в 2012 г.³⁷ Согласно данным отчета, размещенного компанией на своем сайте, участок имеет высокий ресурсный потенциал. По оценкам *Genel Energy*, у побережья Сомалиленда имеются залежи нефти в размере не менее 2 млрд баррелей³⁸.

При рассмотрении вопроса о сотрудничестве Турции и Сомали в сфере транспорта и инфраструктуры следует обратить внимание на то, что два главных инфраструктурных объекта страны – морской порт и аэропорт г. Могадишо – находятся под управлением турецких компаний. Компания *Albayrak Group* в 2014 г. получила права на управление морским портом Могадишо на 20 лет, а в 2020 г. этот срок был увеличен еще на 14 лет. Также, по условиям нового соглашения, турецкой стороной планируется осуществление восстановительных работ и реализация инвестиционной программы на общую сумму в размере 50 млн долл. для увеличения транспортно-логистического потенциала страны³⁹. Управление международным аэропортом Аден Абдулле в г. Могадишо было передано турецкой компании *Favori* в 2013 г. также сроком на 20 лет с возможностью продления⁴⁰.

Важную роль в обеспечении диалога между представителями турецкого бизнеса и странами Африканского Рога играют организованные для каждой из стран рассматриваемого региона деловые советы в рамках деятельности Совета по внешнеэкономическим связям Турции⁴¹. Совет по внешнеэкономическим связям Турции в

³⁷ Audited results for the year ended 31 December 2020 // Genel Energy. 18.03.2021. URL: https://genelenergy.com/wp-content/uploads/2021/03/GENL_Audited-FY-Results-2020_180321.pdf (дата обращения 29.10.2023).

³⁸ Somaliland // Genel Energy. URL: <https://genelenergy.com/operations/pre-production/somaliland/> (дата обращения 29.10.2023).

³⁹ Somali, Mogadişu Limanı için Türk şirketle 14 yıllık imtiyaz anlaşması- na imza attı [Сомали подписало с турецкой компанией концессионное соглашение сроком на 14 лет для порта Могадишо] // Anadolu Ajansı. 08.10.2020. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/ekonomi/somali-mogadisulimani-icin-turk-sirketle-14-yillik-imtiyaz-anlasmasina-imza-atti-/2000236> (дата обращения 29.10.2023).

⁴⁰ Navalimanı işletmeciliği [Управление аэропортом] // Favori İşletmecilik. URL: <https://www.favori-airports.com/#> (дата обращения 29.10.2023).

⁴¹ İş Konseyleri [Деловые советы] // Dış Ekonomik İlişkiler Kurulu (DEİK). URL: <https://www.deik.org.tr/is-konseyleri> (дата обращения 29.10.2023).

Сомали начал функционировать в 2015 г.⁴² Проведение совместных бизнес-форумов, саммитов и встреч на различных уровнях способствует расширению экономических связей и быстрому урегулированию возникающих вопросов.

В целом объем торгового оборота между Турцией и Сомали в 2022 г. составил 389 млн долл., а учитывая последние проекты по сотрудничеству в экономической сфере и при благоприятном развитии событий, ожидается, что к концу 2023 г. показатели торговли превысят прошлогодние⁴³. Торговый оборот Турции с Сомали характеризуется дисбалансом. Количество ввозимых Турцией в Сомали товаров значительно превышает количество импортируемых продуктов. При сохранении подобной динамики в среднесрочной перспективе объемы торгового оборота достигнут своего предела, а для преодоления периода стагнации Турции необходимо будет изменить подход к ведению торговли и предоставить представителям мелкого и среднего бизнеса больше возможностей для осуществления поставок.

Заключение

«Инициативная и гуманитарная» внешняя политика разменявшей свое первое 100-летие Турецкой Республики обеспечивает национальные интересы страны и вносит весомый вклад в продвижение и защиту общечеловеческих ценностей. Рассматриваемый концепт является частью общего процесса трансформации внешнеполитического курса Анкары в XXI в., при этом отвечая традициям турецкой политической преемственности и предлагая новые пути для достижения поставленных турецким руководством краткосрочных и долгосрочных стратегических целей. Рассмотренный нами кейс Сомали усиливает широко транслируемую лидером Турции Р.Т. Эрдоганом в политическом дискурсе на международной политической арене позицию «покровителя тех, у кого никого нет»⁴⁴, таким образом, мы можем говорить не только о

⁴² Türkiye-Somali İş Konseyi [Турецко-Сомалийский деловой совет] // Dış Ekonomik İlişkiler Kurulu (DEİK). URL: <https://www.deik.org.tr/turkiye-afrika-is-konseyleri-turkiye-somali-is-konseyi?pm=&sm=kunye> (дата обращения 29.10.2023).

⁴³ Somali Ülke Profili [Профиль страны Сомали] // T.C. Ticaret Bakanlığı. 2023. URL: <https://ticaret.gov.tr/data/5b885d7baf23be7c5c10c692/Somali%20%с3%9cİlke%20Profili%202023.pdf> (дата обращения 29.10.2023).

⁴⁴ Cumhurbaşkanı Erdoğan: “Kimsesizlerin kimsesi” olarak doğan Cumhuriyet’imizi ilelebet payidar kılmak en önemli vazifemizdir” [Президент Эрдоган:

реальных прикладных результатах проводимой Анкарой на данном направлении внешней политики, но и о важном имиджевом статусе предпринимаемых шагов, что в рамках рассматриваемого концепта также имеет приоритетное значение для турецкого руководства и позволяет апеллировать к роли «защитника» и в других сферах внешней политики, тем самым выстраивая необходимый для реализации национальных интересов «образ».

Турция придает большое значение развитию «инициативного поля» во внешней политике в Сомали, рассматривая привлекаемые инвестиции и реализуемые проекты как основу для дальнейшего укрепления роли в регионе Африканского Рога, чему будет способствовать доступ к главным транзитным маршрутам, пролегающим вдоль побережья Аденского залива и Индийского океана. Особенностью турецкого подхода является многовекторная политика по привлечению инвесторов в регион, финансирование и строительство инфраструктурных объектов, активная реализация программ по обмену опытом в сфере торговли и экономики, расширение сети дипломатических представительств и сотрудничество по линии ВПК. Все это в совокупности, несмотря на высокий уровень конкуренции в регионе, создает благоприятный климат для развития сотрудничества между Анкарой и странами региона и на примере Сомали подтверждает потенциал с точки зрения практической эффективности реализуемого концепта «инициативной и гуманитарной» внешней политики.

Литература

- Богуславский 2017 – *Богуславский А.* Турция: «прыжок» в Африку // РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/turtsiya-pryzhok-v-afriku/?sphrase_id=112932119 (дата обращения 29.10.2023).
- Звягельская 2019 – *Звягельская И.Д., Кожанов Н.А, Свистунова И.А., Сурков Н.Ю.* Государства Ближнего Востока в поисках внешнеполитической идентичности // *Мировая экономика и международные отношения.* 2019. Т. 63. № 9. С. 93–103.

«Наш самый важный долг – сделать так, чтобы наша Республика, которая родилась как “покровитель беззащитных”, существовала вечно»] // Т.С. İletişim Başkanlığı. 29.10.2023. URL: <https://www.iletisim.gov.tr/turkce/haberler/detay/cumhurbaskani-erdogan-kimsesizlerin-kimsesi-olarak-dogan-cumhuriyetimizi-ilelebet-payidar-kilmak-en-onemli-vazifemizdir> (дата обращения 29.10.2023).

- Колесникова 2020 – *Колесникова М.А.* Вызовы и риски развитию турецко-африканского сотрудничества в XXI веке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Общественные науки». 2020. № 1 (838). С. 42–51.
- Коновалов 2014 – *Коновалов И.П.* Войны Африканского Рога. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. 192 с.
- Пискунова 2014 – *Пискунова Н.И.* Африканский Рог: современные проблемы безопасности. М.: Lambert Academic Publishing, 2014. 209 с.
- Свистунова 2018 – *Свистунова И.А.* Региональная политика Турции: стратегия в отношении стран Африки // Международная политика. Проблемы национальной стратегии. 2018. № 4 (49). С. 67–80.
- Шлыков 2020 – *Шлыков П.В., Лукьянов Ф.А., Бакланов А.Г., Сучков М.В.* «Стратегическая глубина» Эрдогана: внешняя завоевательная политика как результат дефицита внутривнутриполитических успехов? // Россия в глобальной политике. 2020. № 6. С. 5–25.
- Ягья, Колесникова 2018 – *Ягья В.С., Колесникова М.А.* «Три кита» турецкой политики в Африке // Сравнительная политика. 2018. № 1. С. 37–59.
- Arslan 2018 – *Arslan K.* Türkiye'nin Yeni Pazar Arayışları İçinde Afrika Ülkelerinin Yeri ve Önemi [Место и значение африканских стран в поиске Турцией новых рынков] // *Verimlilik Dergisi*. 2018. No. 2. P. 133–162.
- Melvin 2019 – *Melvin J.N.* The foreign military presence in the Horn of Africa Region // Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). 04.04.2019. URL: <https://www.sipri.org/publications/2019/sipri-background-papers/foreign-military-presence-horn-africa-region> (дата обращения 29.10.2023).
- Özkan 2014 – *Özkan M.* Doğu Afrika Jeopolitiği ve Türkiye'nin Somali Politikası [Геополитика Восточной Африки и политика Турции в Сомали] // SETA. 2014. URL: http://file.setav.org/Files/Pdf/20141021153934_40_somali_web.pdf (дата обращения 29.10.2023).

References

- Arslan, K. (2018), “The place and role of African countries in Turkey’s search for new markets”, *Verimlilik Dergisi*, no. 2, pp. 133–162.
- Boguslavskii, A. (2017), “Turkey. ‘Jump’ to Africa”, in *Russian International Affairs Council*. 17.05.2017, available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/turtsiya-pryzhok-v-afriku/> (Accessed 29 Oct. 2023).
- Kolesnikova, M.A. (2020), “Challenges and risks to Turkish-African cooperation in the 21st century”, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya “Obshchestvennye nauki”*, vol. 838, no. 1, pp. 42–51.
- Kononov, I.P. (2014), *Voyny Afrikanskogo Roga* [The Horn of Africa Wars], Tsentr strategicheskoi kon’yunktury, Pushkino, Russia.

- Melvin, J.N. (2019), "The foreign military presence in the Horn of Africa Region", *Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI)*, available at: <https://www.sipri.org/publications/2019/sipri-background-papers/foreign-military-presence-horn-africa-region> (Accessed 29 Oct. 2023).
- Özkan, M. (2014), "East African geopolitics and Turkey's Somalia policy", *SETA*, available at: http://file.setav.org/Files/Pdf/20141021153934_40_somali_web.pdf (Accessed 29 Oct. 2023).
- Piskunova, N.I. (2014), *Afrikanskii Rog: sovremennye problemy bezopasnosti* [The Horn of Africa. Contemporary security challenges], Lambert Academic Publishing, Moscow, Russia.
- Shlykov, P.V., Luk'yanov, F.A., Baklanov, A.G. and Suchkov, M.V. (2020), "Erdogan's 'strategic depth'. A foreign conquest policy as a result of a deficit of domestic political successes?", *Rossiia v global'noi politike*, no. 6. pp. 5–25.
- Svistunova, I.A. (2018), "Turkey's regional policy. Strategy towards Africa", *Mezhdunarodnaya politika. Problemy natsional'noi strategii*, vol. 49, no. 4, pp. 67–80.
- Yagia, V.S. and Kolesnikova, M.A. (2018), " 'Three Keystones' of Turkish Policy in Africa", *Comparative Politics Russia*, no. 1. pp. 37–59.
- Zvyagel'skaya, I.D., Kozhanov, N.A., Svistunova, I.A. and Surkov, N.Yu. (2019), "Middle Eastern states in search of foreign policy identity", *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 63, no. 9, pp. 93–103.

Информация об авторе

Маргарита Р. Вафина, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; Россия, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; margo.pita@yandex.ru

Information about the author

Margarita R. Vafina, Ural Federal University, named after the first President of Russia, B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, 19, Mira St., Ekaterinburg, Russia, 620002; margo.pita@yandex.ru

Международные отношения: история, историография, методология

УДК 327(470)

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-379-392

Скобелевский план похода в Британскую Индию как отражение русско-английского соперничества

Завен А. Арабаджян

*Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
arabzava@yandex.ru*

Аннотация. В статье проводится разбор представлений видного русского военачальника М.Д. Скобелева о том, как должен быть организован военный поход России в Индию. Автор показывает, что данная операция задумывалась как вспомогательная акция для достижения стратегической задачи России – овладения Босфором и Константинополем, но постепенно М.Д. Скобелев стал придавать ей гораздо большее значение и пришел к выводу о том, что прекращение господства Великобритании на Индостанском субконтиненте может положить конец ее мировому господству. Важная роль им отводилась Афганистану, правитель которого эмир Шир Али-хан в то время крайне тяготился влиянием правительства Британской Индии на его страну и был весьма дружественно настроен по отношению к России.

Рассматривая планы Белого Генерала, автор приходит к выводу о ясном стратегическом видении им задач и целей экспедиции, четком определении маршрутов движения, понимании необходимости нанесения комбинированных ударов и пр., с одной стороны, а с другой – о явной недооценке сил и средств, которые понадобятся для их достижения русской армии, и ресурсов, которыми противник будет располагать на потенциальном театре военных действий. Автор статьи высказывает предположение о причинах такой недооценки и рассматривает факторы, которые могли бы благоприятствовать русскому успеху и препятствовать ему.

Ключевые слова: М.Д. Скобелев, русско-английские отношения, Британская Индия, русский план похода в Индию, Шир Али-хан, А.Н. Куропаткин, Наполеон Бонапарт

Для цитирования: Арабаджян З.А. Скобелевский план похода в Британскую Индию как отражение русско-английского соперничества // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 3. С. 379–392. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-379-392

© Арабаджян З.А., 2023

Skobelev's plan for a campaign in British India as a reflection of Russian-English rivalry

Zaven A. Arabadzhyan

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, arabzava@yandex.ru*

Annotation. The article analyzes the views of the prominent Russian military commander M.D. Skobelev on the organization of Russia's military campaign in India. The author shows that although such an operation was conceived as an auxiliary action to achieve Russia's strategic goal – to capture the Bosphorus and Constantinople, but gradually M.D. Skobelev began to give it much more importance and came to the conclusion that it can challenge Great Britain's dominance in the Hindustan subcontinent and put an end to its world domination. Skobelev assigned an important role to Afghanistan, whose ruler, Emir Shir Ali Khan, at that time was extremely concerned by the influence of the government of British India on his country and was very friendly towards Russia.

Analyzing the plans of the White General, the author concludes that Skobelev had a clear strategic vision of the tasks and goals of the expedition, a clear definition of moves, an understanding of the need for combined strikes, etc., but at the same time, clearly underestimated the means required by the Russian army and the resources that the enemy will have in a potential theater of operations. The author proposes the reasons for such an underestimation and considers the factors that could favor Russian success and hinder it.

Keywords: M.D. Skobelev, Russian-English relations, British India, Russian plan for a military campaign in India, Shir Ali Khan, A.N. Kuropatkin, Napoleon Bonaparte

For citation: Arabadzhyan, Z.A. (2023), "Skobelev's plan for a campaign in British India as a reflection of Russian-English rivalry", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, part 3, pp. 379–392, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-379-392

Введение

Как известно, по определению Карла фон Клаузевица, войны есть продолжение политики другими средствами. Они начинаются тогда, когда имеющиеся между государствами противоречия невозможно урегулировать политико-дипломатическими способами. Русско-английское противостояние в Азии, имевшее место на протяжении длительного времени и, по мнению некоторых авторов, продолжающееся и поныне, вошло в историю под названием Большая игра, которая породила многочисленную литературу, под

разными углами освещающую данную проблему [Сергеев 2016; Халфин 1957; Lintner 2015].

Однако эти противоречия обычно не доходили до прямого военного столкновения между указанными державами. Правда, после Крымской войны (1853–1856 гг.) в России стали серьезно задумываться о необходимости иметь возможность контригры против Англии в самом уязвимом для нее месте, где она не сможет использовать колоссальное преимущество своих военно-морских сил. Таким местом была Средняя Азия, дававшая возможность грозить Индии – бриллианту в короне Британской империи. Это понимали и англичане, поэтому генералы обеих сторон стали готовить и совершенствовать планы будущих военных кампаний.

Вопросам разбора военных планов сторон уделялось гораздо меньше внимания, чем Большой игре как таковой. Одной из наиболее фундаментальных английских работ по данной теме является произведение генерал-квартирмейстера Ч.М. Мак-Грегора, много лет прослужившего в Британской Индии¹. В нем он скрупулезно подсчитывает численность войск, которые Россия может выделить для Индийского похода, оценивает маршруты и скорость движения русских отрядов, намечает ряд военных мер, необходимых для предотвращения российского вторжения, а также совокупность политических союзов, прежде всего в Европе, целесообразных для Англии и способных создать большие трудности русским на их западной границе. Из российских исследований на эту тему можно отметить труд генерала Т.В. Лебедева, который анализировал возможности России по проведению военной экспедиции в Индию, маршруты и скорость движения, оценивал силы, необходимые для ее проведения, и предполагаемые действия англичан по отражению русской армии². Вскоре выходят объемные труды русского военного и востоковеда А.Е. Снесарева, в 1899–1900 гг. посетившего Британскую Индию с целью сбора информации разведывательного характера о путях в эту страну из Средней Азии и положения в ней, где в том числе анализировалось отношение местного населения к англичанам и созданной ими системе управления³.

¹ *MacGregor C.M.* The defense of India. A strategical study. Simla: Government Central Branch Press, 1884. 267 p.

² *Лебедев Т.В.* В Индию. Военно-статистический и стратегический очерк: Проект будущего похода. СПб.: Тип. А.А. Пороховщикова, 1898. С. 134.

³ *Снесарев А.Е.* Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе: Взгляд туземцев Индии на англичан и их управление. СПб.: Тип. А.С. Суворина. 1906; *Он же.* Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе: Избранные статьи. М.: РГО, 2017.

Важный вклад в рассмотрение военных планов по подготовке «Индийского похода» внесла и современная отечественная исследовательница Т.Н. Загородникова, собравшая и опубликовавшая большой массив архивных документов, связанных с этой проблематикой⁴.

До Скобелева

Движение России на юг имело место давно, но с петровских времен оно стало смещаться и в юго-восточном направлении. Здесь достаточно вспомнить несчастливую экспедицию (1714–1717 гг.) князя Бековича-Черкасского в Хивинское ханство, многочисленные экспедиции Ф.И. Соимонова по исследованию Каспийского моря, составившего первую полную карту этого водоема, присоединение Северного Казахстана к Российской империи (1731 г.) и пр.

Основным движущим мотивом раннего движения на юго-восток был поиск сухопутного пути в Индию и организация с его использованием русско-индийской торговли. Российские правящие круги рассчитывали на то, что такая торговля обогатит русское купечество и казну как за счет установления непосредственных связей с этой страной, так и благодаря тому, что торговый путь через Россию сможет конкурировать с морскими средствами доставки грузов между Европой и Индией и даст хорошие поступления государству за счет транзитных пошлин. Эти идеи господствовали практически весь XVIII в., что было во многом справедливо в начале того столетия, но иллюзорно уже в его конце, когда в 1896 г. начиналось последнее военное предприятие эпохи Екатерины II – персидский поход русской армии под командованием графа В.А. Зубова.

Причиной этого явились драматические изменения в положении самой Индии, которую с середины XVIII в. англичане начали силовыми методами превращать в свою колонию. Особо сильный импульс этому процессу дало падение империи Великих моголов (1739 г.) под ударами персидской армии Надир-шаха Афшара. Легкость, с которой рухнула внешне могучая держава, продемонстрировала англичанам ее слабость и только разогрела их аппетиты. Другим важным этапом завоевания Индии стало поражение Франции в Семилетней войне (1756–1763 гг.), по итогам которой

⁴ «Большая игра» в Центральной Азии: Индийский поход русской армии: Сборник архивных документов / Сост., авт. вступ. ст. Т.Н. Загородникова. М.: ИВ РАН, 2005.

французские колонии на Индостанском полуострове перешли Великобритании.

После этого в Индии у англичан практически не осталось конкурентов, и они методично подбирали под себя еще оставшиеся суверенными местные княжества. Индия превращалась в самую крупную и богатую британскую колонию, сказочно обогащавшую свою метрополию. Неслучайно уже с начала XIX в. у противников Британии стало формироваться мнение о необходимости ее изгнания из Индии, что явилось бы сильнейшим ударом по ней и подорвало бы основы английского преуспеяния. Первым такая идея посетила Наполеона, предложившего Павлу I совместный франко-русский поход в Индию, и Павел Петрович успел выслать сильный казачий отряд, который успел к моменту убийства императора (март 1801 г.) дойти до Оренбурга.

По замыслу Бонапарта казаки должны были стать фланговым обеспечением объединенной армии, дойти до Хивы и Бухары. Возможно, позднее эти земли могли войти в состав России. Планировалось, что русские войска по Волге спустятся к Астрахани, пересекут Каспийское море и высадятся на его юго-восточном побережье. Французы же по Черному морю прошли бы к устью Дона, затем должны были добраться до Волги и по ней и Каспийскому морю достичь точки, где находились бы русские войска (городок Астрабад). От нее объединенная армия сухопутным путем уже двинулась бы в Индию.

Некоторые английские авторы утверждают, что во время встречи Наполеона и Александра I в Тильзите французский император повторил предложение о совместном походе в Индию: «И в то время, как сторонники Александра и Наполеона предавались веселым развлечениям, а светские мероприятия и благотворительность были в полном разгаре, эти монархи проводили вместе тихие вечера, обсуждая свои планы на будущее и продумывая совместные планы завоеваний. Именно тогда они обдумывали вторжение в Индостан их армий, объединяющихся на равнинах Персии. Люсьен Бонапарт, брат новоявленного императора, был определен для выполнения миссии в Тегеране; и намерение двух великих европейских властелинов начать следующей весной враждебную демонстрацию “против владений Ост-Индской компании” не скрывалось»⁵.

С того времени идея Индийского похода надолго была снята с повестки дня русской военно-политической мысли, поскольку постепенно нарастали противоречия России с великими державами

⁵ *Kaye J.W.* History of the war in Afghanistan. L.: Allen and Co., 1874. P. 51.

в Европе, вылившиеся в конце концов в Крымскую войну, которая показала, что самой уязвимой частью Российской империи является Черноморское побережье. С этого момента главной задачей для Российской империи стало закрытие Черноморских проливов, находившихся в руках слабевшей Турции, подверженной влиянию потенциальных противников России. Да и само это государство нельзя было причислить к российским доброжелателям.

Планы М.Д. Скобелева

В связи с этим после окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Главном штабе постоянно прорабатывались планы Босфорской операции, целью которой являлся захват Константинополя и закрытие проливов. Однако было ясно, что такие действия не могут не привести к резкому противостоянию с Великобританией, способному легко перерасти в войну. Поскольку английские ресурсы были велики, а флот многократно сильнее русского, то требовалось навязать британцам борьбу и в другом месте, чтобы сковать их силы. Но место это должно было быть таким, чтобы не дать им воспользоваться своим преимуществом морской державы, т. е. в далеком от океанских просторов регионе. И здесь самой привлекательной идеей стало нанесение удара по Индии – бриллианту в короне Британской колониальной империи, которой во многом Великобритания была обязана своим экономическим процветанием и превосходством.

Российские военные считали, что «...следовало бы предпринять ряд мер, которые клонились бы к тому, чтобы приковать их (англичан. – З. А.) внимание исключительно к индийской границе. И чтобы убедить ее (Великобританию. – З. А.) в том, что ее противодействие нам на Босфоре ничуть не спасет ее положения в Индии и в Афганистане, а напротив усиливает угрозу ее власти в богатых ее владениях»⁶.

Данная идея стала основанием для разработки целой серии планов русского похода в Индию. Первые достаточно серьезные наброски плана такого похода были сделаны М.Д. Скобелевым. 25 декабря 1876 – 6 января 1877 г. им была написана записка под названием «Туркестан и английская Индия»⁷, т. е. еще до начала русско-турецкой войны. Автор призывал внимательно посмотреть на средства и преимущества, которые дает недавно приобретенный

⁶ РГВИА Ф. 400. Оп. 4. 1887. Д. 586. Л. 35об. – 36.

⁷ См.: Исторический вестник. 1882. Т. 10. С. 275–294.

Россией Туркестанский край и отмечает, что Средняя Азия является стратегической базой, дающей возможность решиться в будущем на военные предприятия, соответствующие потенциалу этого региона, явно имея в виду движение в Афганистан и далее в Индию.

Афганистан, где в то время на престоле сидел эмир Шир Али-хан, являлся ключом к Британской Индии, но формально находился в зависимости от ее правительства и, казалось бы, должен в случае конфликта выступить на английской стороне, тем более что эмир получал от британцев щедрые ежегодные субсидии, оружие и пр. Страна его гориста, во многих частях почти непроходима для крупных армейских соединений с их обозами и артиллерией, а отдельные районы маловодны. С учетом этого и сопротивления афганской армии проход через нее для русских был бы непросто. Однако мысль автора записки делает неожиданный поворот: «В горной стране утвердиться трудно – это, пожалуй, верно, но нам не придется этого делать»⁸. Здесь явно имеется в виду политика эмира Шир Али-хана, склонявшегося постепенно к сближению с Россией. Касательно же восприятия афганцами английских субсидий, он вполне обоснованно отмечал: «На субсидию, выплачиваемую Англией Шир-Али, в Азии смотрят как на нечто вроде дани»⁹.

Автор, высказывая свои мысли о положении англичан в Индии, отмечает, что они управляют 190 млн человек, которые враждебны своим завоевателям. Особенно враждебны к ним мусульмане. Все население Индии, проживающее на огромной площади, контролируется лишь 70-тысячной английской армией, при том, что на войска сипаев и отряды местных владетельных князей положиться нельзя. В случае войны в Европе (этот фактор постоянно держался в уме всех русских генералов, разрабатывавших планы в отношении Индии) перебросить войска с европейского театра военных действий будет невозможно. При появлении в Индии противников англичан там произойдет восстание против них.

Такое мнение действительно было широко распространено, и не только в России. Л. Жаколио – писатель, путешественник и судья во французских колониях – в одном из своих произведений отмечал: «В тот день, когда русские, продвигаясь через Афганистан, войдут в долины Гималаев и Верхней Бенгалии, для того чтобы изгнать англичан из Индостана, они сразу же найдут готовых союзников в количестве 25–30 млн человек из числа местного населения, которые, желая отомстить, восстанут по первому сигналу»¹⁰.

⁸ Там же. С. 278.

⁹ Там же. С. 279.

¹⁰ *Jaccoliot L. Voyage au pays des perries*. P.: E. Dentu, 1879. P. 29.

М.Д. Скобелев, как человек до крайности увлеченный своей идеей, сильно преувеличивал роль туркестанского генерал-губернаторства, поскольку решения, которые он предлагал, принимались на гораздо более высоком уровне и требовали большого сосредоточения сил и средств, но общая мысль превратить Туркестан в Дамоклов меч, постоянно угрожающий Британской Индии, была безусловно верной. Однако рассмотренный материал еще нельзя назвать планом вторжения в Индию. Это всего лишь изложение идеи такого движения в увязке с общей ситуацией в русско-английских отношениях и теми возможностями в принципиальном плане, которые давало России присоединение среднеазиатских регионов.

М.Д. Скобелев был так увлечен идеей индийского похода, что уже 27 января – 8 февраля 1877 г., находясь в Коканде, пишет одному из своих родственников подробное письмо, в котором развивает указанную тему¹¹.

Он считает, что так как теперь Россия твердо стоит в Туркестане, то после полного овладения им, превратив его в надежную операционную базу, сможет «нанести Англии не только решительный удар в Индии, но и сокрушить ее в Европе»¹². Русские силы в Туркестане на момент написания рассматриваемого документа составляли 40 000 человек, из которых для похода можно было выделить 10–12 тыс. человек. При переброске сил из Оренбурга экспедиционный корпус достиг бы 14–15 тыс. человек, и будучи переброшен через Гиндукуш, «может сделать многое»¹³. Английский отряд, который возможно двинуть навстречу русским, он оценивал в 25 тыс. человек, считая, что при подходе к Герату он еще уменьшится, поскольку из-за беспокойного характера афганцев им (англичанам. – З. А.) придется оставлять гарнизоны по ходу следования армии¹⁴.

Одним из действенных средств достижения нужного результата он считал привлечение на свою сторону афганцев, для чего предлагал направить посольство к эмиру Шир Али-хану в Кабул с целью заключения союза с ним, а также установление контактов с силами, недовольными англичанами в Индии. Вероятность такого поворота событий была реальна, поскольку Шир Али-хан ранее отклонил приглашение посетить Дели для участия в торжественных мероприятиях провозглашения «Императрицы Индии», состоявшихся 1 мая 1876 г., когда этот титул приняла на себя королева Викто-

¹¹ Исторический вестник. 1882. Т. 14. С. 545–555. (1879).

¹² Там же. С. 545.

¹³ Там же. С. 546.

¹⁴ Там же. С. 549.

рия. Но для большей убедительности предлагалось одновременно направить сильный русский отряд через Бамиан к Кабулу.

Сам же поход к берегам Инда М.Д. Скобелев делил на два этапа. Первый – период стремительных действий, когда должны были проходить дипломатические переговоры с Афганистаном при одновременном быстром движении русского отряда к Кабулу. Второй – «выжидательный». В это время следовало войти в контакт с недовольными англичанами силами в самой Индии и постараться организовать их в военном плане. Последнее было крайне важным, поскольку, проанализировав причины поражения восстания сипаев, генерал Скобелев считал, что «главная причина неудачи восстания 1857 г. заключалась в недостатке регуляризации усилий инсургентов»¹⁵, т. е. в отсутствии должной организации, системности и продуманности их действий. Также на втором этапе было необходимо «организовать массы азиатской кавалерии, которую во имя крови и грабежа, направить в пределы Индии, в виде авангарда, возобновив времена Тимура»¹⁶. Данный пункт он считал крайне важным («и это главное»).

Несмотря на значительное продвижение России в Средней Азии, автор считал целесообразным начинать поход к берегам Инда из Астрабада – персидского города на юго-востоке Каспийского моря, т. е. он предлагал стартовую точку ту же самую, что и Петр I, а позднее Екатерина II, видевшие Астрабад исходным пунктом русской торговли (но не военного похода!) с Индией. Другим важным и новым для русских военно-политических деятелей моментом в данном документе является ставка не только на силу русского оружия и доблесть армии, но и на местное население, которое должно восстать против британской колониальной администрации. В прежние времена власть в России никогда не поощряла выступления народных масс против своих властителей. Так было даже во время войны греков за независимость от Османской империи 1821–1829 гг. Несмотря на сочувствие русского общества греческому делу, официальная позиция России состояла в том, что независимость грекам от Турции должны дать европейские державы, но не восстания народа против своих, пусть и иноземных, правителей.

Повторно к указанной теме М.Д. Скобелев вернулся 17–29 января 1878 г., когда находился при русской армии в городке Люлебургаз (недалеко от Стамбула) по завершении военных действий Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в ожидании заключения Сан-Стефанского мирного договора. В своих общих чертах его но-

¹⁵ Там же. С. 548.

¹⁶ Там же.

вая записка повторяла некоторые положения предыдущего документа¹⁷, но появились и новые моменты, некоторые из высказанных ранее положений в ней были лучше прописаны.

Взвешивая риски похода на Индию, М.Д. Скобелев отмечал, что при потере Индии может начаться и падение самой Британской империи, которая получает огромные выгоды от торговли с Востоком, превратившимся для нее в рынок сбыта английских товаров и источник дешевого сырья для своей промышленности: «Для внешней торговли Англии имеют огромное значение Восточные страны (Япония, Китай, Австралия, Индостан, Персия, Турция); эти страны служат ей весьма выгодными и обширными рынками для сбыта. Чтобы убедиться в этом, приведем следующие цифры: с Турциею и Египтом Англия имеет ежегодно торговых оборотов на сумму 255 948 000 руб. серебром. Обороты Англии с прочими странами Востока простираются на сумму 687 019 000 руб. серебром. Итак, общий годовой оборот Англии с Востоком доходит до громадной цифры 942 967 000 руб. серебром. Вот ключ к разгадке Восточного вопроса»¹⁸.

Он рассматривал и возможность поражения России, но в этом случае, по его мнению, она сможет уступить только свои владения в Туркестане, цена которых возрастет: «...при необходимости заключить несчастный мир России предстоит, быть может, откупиться ценою Туркестана, поднявшегося в цене. Не может быть сравнения между тем, чем мы рискуем, решаясь демонстрировать против англичан в Индии, и мировыми последствиями, которые будут достоянием в случае успеха нашей демонстрации. Громадная разница в результатах в случае успеха, существующая между нами и неприятелем, должна побуждать нас смело идти вперед»¹⁹.

Новым в этом плане было то, что предлагалось связать действия отряда в 16 тыс. человек, выделенного из состава войск туркестанского военного округа, с движением войск численностью в 30 тыс. человек²⁰, которые могут быть высажены на «Гязском берегу»²¹ около Астрабада. Эти войска должны были быть перебросены

¹⁷ О том, например, что из 40-тысячной армии в Туркестане достаточно выделить корпус в 16 тыс. человек, о шаткости положения англичан в Индии, ненадежности «туземных» войск и пр.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 3385. Л. 3.

¹⁹ Там же. Л. 3–4.

²⁰ Там же. Л. 1–2.

²¹ Гязским берегом в то время называли пристани в районе городка Бендер-Гяз (ныне – Бендер-Туркмен), расположенного в Астрабадском заливе.

с Кавказа, и важным логистическим центром предполагалось сделать Баку. Откуда армия (при наличии достаточного числа судов) оказалась бы доставленной в Персию (в Астрабад). Если исходить из численности двух группировок, то астрабадский отряд должен был стать главной ударной силой, в то время как туркестанский, скорее, второстепенной, хотя и очень важной. Из Астрабада войска двинулись бы на Мешхед, а далее – на Кабул или Кандагар. Туркестанский отряд через Бамиан – к Кабулу. Также к Кабулу должно было прибыть русское посольство, имевшее целью заключить союз с эмиром Шир Али-ханом. Посольство следовало обставить с максимальной пышностью, чтобы проверить, какое впечатление оно произведет на соседнюю Индию. Таким образом, речь шла о нанесении комбинированного удара с двух стратегических направлений.

М.Д. Скобелев приводил три достаточно веские причины, по которым союз с афганцами против англичан был вполне возможен: «а) неизгладимость впечатлений погрома англичан в 1842 г.; б) недоверие к их политике, которое доказывается тем, что Шир-Али не допускает до сих пор у себя официального английского резидента; в) вековые притязания Афганистана на Пейшаур (Пешавар – автор), а главное, надежда, в союзе с русскими, грабить обетованную Индию, чего, конечно, с Англией рассчитывать нельзя»²². Если же Шир Али-хан не встанет на сторону России, то предлагалось привлечь к действиям против афганцев войска бухарского эмира и персидского шаха. Шаху за содействие пообещать Герат, а эмиру – часть афганских земель. При этом предполагалось, что численность войск бухарского эмира может составить до 80 тыс. человек²³.

Оценивая три записки М.Д. Скобелева о походе в Индию, следует отметить, что они были довольно оптимистичны и не отражали в полной мере всех трудностей и аспектов предлагаемого предприятия. К их реализации предлагалось привлечь достаточно скромные силы и средства, явно недостаточные для успеха в достижении поставленной цели²⁴. Проблема в значительной степени состояла в том, что автор приведенных записок находился под впечатлением

²² АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 3385. Л. 5.

²³ Там же. Л. 10.

²⁴ Чрезмерность оптимизма предположений М.Д. Скобелева оказалась подтверждена опытным путем в 1878 г., когда для оказания давления на Англию в Балканском вопросе и для поддержки афганского эмира Шир Али-хана в Афганистан двинулось несколько отрядов. Первый туркестанский отряд должен был идти на Кабул, а второй – кавказский – по направлению к Мерву, где с ним должен был соединиться амударьинский отряд. Но имелись опасения, что последний не дойдет до цели, и его раз-

достижений России, малыми средствами успешно присоединявшей огромные, хотя и редконаселенные территории Средней Азии. Кроме того, он, вероятно, еще не успел прочувствовать, что мир переживает переломный этап, и войны между Великими державами начинают переходить в совершенно иное качество. На сцену выходят многосоттысячные, если не миллионные армии.

Тем не менее в пользу планов Белого Генерала говорило положение Афганистана, сильная неудовлетворенность эмира Шир Али-хана плотной опекой англичан и его определенное тяготение к сближению с Россией. При таких обстоятельствах Афганистан мог стать союзником русских в их движении к Индии. В последующем этот фактор изменится, и афганская армия станет рассматриваться в России как противник, а не союзник. Военное министерство России, Главный штаб и штаб Туркестанского генерал-губернаторства начали составлять новый всеобъемлющий план похода в Индию, который был подготовлен к 1902 г.

А как мог бы закончиться поход?

Хотя международная ситуация и отношения между Россией и Англией складывались таким образом, что Индийский поход русской армии никогда не состоялся, а в истории нет сослагательного наклонения, все же возникает искушение порассуждать о его гипотетических результатах, случись данное предприятие в конце XIX в. или в первые годы XX в. Важным фактором, способным повлиять на его исход, явилась бы фигура главнокомандующего армии, двинутой в Индию через Афганистан. Этот фактор скорее всего играл бы против русского успеха, поскольку почти наверняка возглавить поход назначили бы генерала А.Н. Куропаткина, значительная часть карьеры которого проходила в Средней Азии, в том числе он был командующим войсками Закаспийской области. А.Н. Куропаткин в молодости проявил себя как очень храбрый

вернули в сторону Чарджоу. Туркестанскому отряду пришло приказание не переходить бухарскую границу, а кавказскому – не идти на Мерв, а занять Чат. Это являлось разумным решением, поскольку туркестанский отряд был невелик: 12 тыс. человек при 46 орудиях (РГВИА. Ф. 400. Оп. 14. 1901. Д. 749. Л. 5об.), а пройти до цели ему нужно было более 900 км, преодолевая сложнейшие перевалы Гиндукуша. В условиях отсутствия связи с основными базами снабжения на Амударье в течение нескольких месяцев, при столкновении со свежими английскими войсками маловероятно, что были бы достигнуты положительные для русской стороны результаты.

офицер, а за время службы на высоких постах в Азии и в Военном министерстве – как человек, обладавший стратегическим мышлением и вдумчивый штабист. Однако он не обладал качествами, необходимыми полководцу в прямом смысле этого слова, что особенно ясно проявилось в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. Правда, не следует забывать, что эта война оказалась для России внезапной, и плана действий для нее подготовлено не было, в то время как к индийскому походу готовились тщательно.

Аргументом в пользу благоприятного исхода Индийской экспедиции является то, что в конце 80-х и начале 90-х годов XIX в. Россия в технологическом плане еще не так сильно отставала от наиболее передовых государств Европы, как это случилось к началу Первой мировой войны, когда она уже не могла в должной мере освоить последние промышленные новации. Великобритания же не могла бы применить на просторах Афганистана и Индии самую сильную часть своих вооруженных сил – крупнейший и мощнейший в мире военный флот.

В такой ситуации важным фактором в определении исхода столкновения стали бы позиция и поведение населения Индии: поднимись хотя бы часть его, вдохновленная надеждой сбросить колониальное ярмо, против англичан, и результат оказался бы предрешен. Обоснованные надежды на восстание имелись, тем более что вопреки традиционному стремлению российской власти не поощрять народы к бунтам против своих правителей, в высоких петербургских кабинетах вызревало понимание целесообразности поддержки и поощрение антианглийских настроений среди индийцев. О таком движении мысли в высоких кабинетах российской столицы говорят записки и ремарки на документах того же А.Н. Куропаткина в бытность его военным министром и министра иностранных дел Российской империи В.Н. Ламсдорфа²⁵.

Литература

- Сергеев 2016 – *Сергеев Е.Ю.* Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: КМК, 2016. 455 с.
- Халфин 1957 – *Халфин Н.А.* Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е гг. XIX в.). Ташкент: Среднеазиатский государственный ун-т, 1957. 251 с.
- Lintner 2015 – *Lintner B.* Great game: India, China, and the struggle for Asia's most volatile frontier. New Haven: Yale University Press, 2015. 343 p.

²⁵ АВПРИ. Ф. 47. Оп. 485. Д. 1029. Л. 183об.

References

- Sergeev, S.Yu. (2016), *Bol'shaya igra 1856–1907: mify i realii rossiisko-britanskikh otnoshenii v Tsentralnoi Azii* [The Great game 1856–1907. Myths and realities of Russian-British relations in Central and East Asia], КМК, Moscow, Russia.
- Khalfin, N.A. (1957), *Angliiskaya kolonial'naya politika na Srednem Vostoke (70-e gg. XIX v.)* [English colonial policy in the Middle East (70s of the 19th century)], Sredneaziatskii gosudarstvennii universitet, Tashkent, USSR.
- Lintner, B. (2015), *Great game. India, China, and the straggle for Asia's most volatile frontier*, Yale University Press, New Haven, USA.

Информация об авторе

Zaven A. Arabadzhyan, кандидат экономических наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка д. 12; arabzava@yandex.ru

Information about the author

Zaven A. Arabadzhyan, Cand. of Sci. (Economics), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 12, Rozhdestvenka St., Moscow, Russia, 107031; arabzava@yandex.ru

УДК 327(532+569.4)

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-393-406

Саудовская Аравия и Государство Израиль в контексте палестино-израильского противостояния

Игорь В. Рыжов

*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия,
ivr@fmo.unn.ru*

Анна А. Комаха

*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия,
kotakha99@mail.ru*

Мария Ю. Бородина

*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия,
borodina.m-u@yandex.ru*

Аннотация. Королевство Саудовская Аравия и Израиль являются очень значимыми игроками в регионе Ближнего Востока и влияют на региональную повестку. Официально страны никогда не имели дипломатических отношений, а Саудовская Аравия и вовсе отрицает право Израиля на существование. Официальной причиной отказа от установлений контактов между странами являются разногласия государств в вопросе урегулирования палестино-израильского конфликта. Королевство Саудовская Аравия, носящая статус защитника всего исламского мира, планомерно выступает за возвращение Израиля к границам 1967 г., считая помощь палестинцам своим священным долгом. Однако современные реалии региональной политической повестки внесли свои коррективы в непримиримую позицию КСА, что позволяет предположить, что саудовско-израильские отношения в скором времени потеплеют, не без участия США. Данный фактор не может не отразиться на состоянии дел всего ближневосточного региона, что придает крайнюю актуальность рассматриваемой теме. Авторы исследуют эволюцию позиции саудовских властей к палестино-израильскому противостоянию, анализируют неформальные

© Рыжов И.В., Комаха А.А., Бородина М.Ю., 2023

двусторонние контакты, а также заявления официальных лиц по данной проблематике. Проанализирован вклад США в возможную нормализацию двусторонних отношений, а также сделан прогноз на краткосрочную перспективу.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, Израиль, палестино-израильский конфликт, Мухаммед ибн Салман Аль Сауд, международные отношения

Для цитирования: Рыжов И.В., Комаха А.А., Бородина М.Ю. Саудовская Аравия и Государство Израиль в контексте палестино-израильского противостояния // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 3. С. 393–406. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-393-406

Saudi Arabia and State of Israel in the context of the Palestinian-Israeli confrontation

Igor V. Ryzhov

*National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia, ivr@fmo.unn.ru*

Anna A. Komakha

*National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia, komakha99@mail.ru*

Maria Yu. Borodina

*National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia, borodina.m-u@yandex.ru*

Abstract. The Kingdom of Saudi Arabia (KSA) and Israel are very significant players in the Middle East region and influence the regional agenda. Officially, the countries have never had diplomatic relations, and Saudi Arabia denies Israel's right to exist at all. The official reason for the refusal to establish contacts between the countries is the disagreement of the States on the settlement of the Palestinian-Israeli conflict. The Kingdom of Saudi Arabia, which has the status of the protector of the entire Islamic world, systematically advocates the return of Israel to the 1967 borders, considering assistance to the Palestinians its sacred duty. However, the current realities of the regional political agenda have made their own adjustments to the irreconcilable position of the KSA, which suggests that Saudi-Israeli relations will soon warm up, not without the participation of the United States. Such a factor cannot but affect the state of affairs of the entire Middle East region, which gives extreme relevance to the topic under consideration. The authors investigate the evolution

of the position of the Saudi authorities towards the Palestinian-Israeli confrontation, analyze informal bilateral contacts, as well as statements by officials on the issue. The contribution of the United States to the possible normalization of bilateral relations is analyzed, and a forecast for the short-term perspective is made.

Keywords: Saudi Arabia, Israel, the Palestinian-Israeli conflict, Mohammed bin Salman Al Saud, international relationships

For citation: Ryzhov, I.V., Komakha, A.A. and Borodina, M.Yu. (2023), "Saudi Arabia and State Israel in the context of the Palestinian-Israeli Confrontation", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, part 3, pp. 393–406, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-393-406

Введение

Палестино-израильское урегулирование традиционно имеет очень важное значение для Королевства Саудовской Аравии (КСА) в силу позиционирования себя покровителем всего мусульманского мира, в том числе и палестинцев. В силу этого отношения Израиля и Саудовской Аравии весьма сложные и противоречивые из-за разных подходов к урегулированию палестино-израильского конфликта. Крайне показателен тот факт, что между государствами до сих пор не установлены дипломатические отношения.

Двойственная стратегия саудовского руководства в отношении палестино-израильского конфликта

С момента создания Государства Израиль Эр-Рияд не признавал его право на существование и поддерживал палестинцев. Правители Саудовской Аравии инвестировали значительные средства для подготовки первого вооруженного столкновения, организованного палестинским движением ФАТХ на израильской земле, что произошло 1 января 1965 г. С этого момента данная организация официально провозгласила свое существование [Косач, Мелкумян 2003].

Саудовское королевство стремилось оказать влияние на урегулирование конфликта, опираясь на свои экономические возможности и нефтегазовые ресурсы. В этой связи Эр-Рияд, вместе с другими странами-членами ЛАГ, бойкотировал Израиль экономически вплоть до введения эмбарго на продажу нефти западным

государствам, поддерживающим израильтян в 1973 г. С конца 1970-х гг. Саудовская Аравия принимает активное участие в поиске мирного урегулирования палестино-израильского противостояния. В 1981 г. саудовский король Фахд предоставил текст мирной инициативы по урегулированию конфликта, которая состояла из 8 пунктов. Причем главным из них был пункт о ликвидации израильской власти на территориях Палестины вместе с Восточным Иерусалимом, которые были захвачены израильтянами в 1967 г. в «Шестидневной войне». Данное предложение по мирному урегулированию было первым со стороны арабских стран.

В 2002 г. в рамках ЛАГ наследный принц Саудовской Аравии Абдалла выдвинул еще одну мирную инициативу (так называемая Арабская инициатива), суть которой по-прежнему сводится к возвращению Израиля к границам 1967 г. Это условие стало принципиальным моментом в позиции КСА по отношению к урегулированию палестино-израильского конфликта.

В 2009 г. сначала в *New York Times*, а затем в лондонской *Asharq Al-Awsat* была размещена статья, автором которой был принц Турки ибн Фейсал, влиятельная фигура в саудовском истеблишменте. В ней принцем была изложена позиция саудовского королевства на текущие тенденции и перспективы мирного урегулирования израильско-палестинского конфликта. По его мнению, движение в сторону нормализации отношений КСА и Израиля в настоящее время неприемлемо для саудовских руководителей, несмотря на упорное стремление Израиля поменять точку зрения Саудовской Аравии. Принц подчеркивает, что Эр-Рияду нельзя контактировать с Тель-Авивом, пока Израиль не уйдет с противозаконно захваченных им земель (сектор Газа, Западный берег реки Иордан, сирийские Голаны и ливанские фермы Шебаа). Тем не менее КСА не отрицает право Израиля на существование и признает его как страну, достаточно долго существующую в ближневосточном регионе¹.

Реальность «арабской весны», а также приход к власти принца Мухаммеда ибн Салмана и Авраамские соглашения, инициируемые США, радикально изменили региональную динамику. Намечилось некоторое сближение позиций Израиля и КСА, особенно в период ирано-саудовского противостояния.

Как уже отмечалось выше, Саудовская Аравия исторически была одним из крупнейших сторонников палестинского дела и

¹ *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия и ближневосточный мирный процесс: статья Турки Аль-Фейсала // Институт Ближнего Востока. 2009. URL: <http://www.iimes.ru/?p=9350> (дата обращения 15.08.2023).

неоднократно заявляла, что ей необходимо увидеть палестинское государство, прежде чем двигаться вперед к потенциальной нормализации отношений с Израилем. Хотя Королевство официально не комментировало Авраамские соглашения – мирную инициативу между Израилем и рядом арабских государств, тем не менее, к началу третьего десятилетия XXI в. появились признаки оттепели в отношениях.

Саудовская Аравия долгое время не желала демонстрировать никаких признаков разрядки с Израилем. Однако наследный принц Мухаммед ибн Салман не раз заявлял об амбициозных планах в отношении своей страны. Он старается создать образ Саудовской Аравии как открытого миру государства в политическом, экономическом и культурном аспектах при сохранении стратегического партнерства с Вашингтоном². Притом КСА стремится к определенной независимости на международной арене, старается расширять круг международных партнеров, о чем говорит ее желание присоединиться к БРИКС, даже невзирая на участие Ирана в этой организации.

В апреле 2018 г. наследный принц Мухаммед ибн Салман в интервью журналу “The Atlantic” сообщил, что как израильтяне, так и палестинцы имеют право на собственную территорию, сказав: «У нас много общих интересов с Израилем, и, если есть мир, появится взаимодействие между Израилем и государствами Совета сотрудничества стран Персидского залива»³. Данное заявление было воспринято в качестве существенного изменения саудовской дипломатической позиции и как знак стремления сблизиться с Израилем. В ходе интервью саудовский принц также заявил, что для прочной стабильности в регионе необходимо достижение конкретного мирного соглашения с учетом прав как израильтян, так и палестинцев. Таким образом, Мухаммед ибн Салман дал понять, что развитие отношений королевства с Тель-Авивом возможно только после достижения серьезного прогресса в мирном урегулировании. Саудовская Аравия, которая является лидером суннитского мира и чей правитель имеет титул «служитель двух благородных свя-

² *Marteu E.* Israël et les pays du Golfe: les enjeux d'un rapprochement stratégique // L'Institut Français des Relations Internationales. 2018. URL: <https://www.ifri.org/fr/publications/etudes-de-lifri/israel-pays-golfe-enjeux-dun-rapprochement-strategique> (дата обращения 23.10.2023).

³ *Golberg J.* Saudi Crown Prince: Iran's Supreme Leader 'Makes Hitler look good' // TheAtlantic. 2018. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2018/04/mohammed-bin-salman-iran-israel/557036/> (дата обращения 13.02.2023).

тынь», не может отойти от своей привычной позиции в отношении израильско-палестинского конфликта без существенных уступок со стороны Израиля.

Позднее в прессу стала просачиваться информация, согласно которой наследный принц критикует руководство Палестины за многолетние упущенные возможности и отвергнутые мирные инициативы по урегулированию ближневосточного кризиса.

Но если наследный принц – это молодое и прогрессивное поколение, ставящее перед собой амбициозные планы, где на первую роль выходит благополучие королевства, защита национальных интересов и реализация программы «Видение 2030», то король Салман считает, что, обладая титулом служителя двух святынь – Мекки и Медины, КСА обязуется защищать «истинный» ислам [Магазинникова, Рыжов 2022] и все еще придерживается мнения, что Саудовская Аравия просто обязана оказывать повсеместную поддержку палестинцам, в том числе и финансовую. По словам генерального руководителя Центра спасения и гуманитарной деятельности (ЦСГД) имени короля Салмана, Саудовская Аравия начиная с 2000 г. выделила 6 млрд долларов палестинцам в качестве финансовой поддержки. В 2018 г. король Салман обещал предоставить Палестине дополнительно 200 млн долл. финансовой помощи. Несмотря на то что Эр-Рияд признает право Израиля на существование, тем не менее король Салман в телефонном разговоре с Дональдом Трампом еще раз подтвердил свою позицию в отношении дела Палестины и законных прав палестинского народа на создание своего независимого государства с Иерусалимом (Аль-Кудс) в качестве его столицы.

Кроме того, король Салман принял участие в 29-м саммите ЛАГ в 2018 г. в саудовском городе Дахран, где был сделан акцент на необходимости прочного и стабильного мира во всем ближневосточном регионе, чему должна послужить Арабская мирная инициатива, разработанная КСА и одобренная на саммите ЛАГ в Ливане в 2002 г. Выступая в Дахране, король раскритиковал решение США о признании Иерусалима в качестве столицы Израиля. Впрочем, не только саудовский лидер, но и все остальные участники встречи осудили решение Трампа о переносе американского посольства из Тель-Авива в Иерусалим, а также заявили, что мировое сообщество должно воспрепятствовать нарушениям прав мусульман со стороны Израиля при посещении мечети Аль-Акса.

В результате мы можем наблюдать двойственную стратегию саудовского руководства в отношении израильско-палестинского конфликта. В то время как король стремится сохранить традиционную пропалестинскую позицию Королевства, не желая ком-

прометировать себя в глазах арабского мира, наследный принц продвигает более прагматичную и реформистскую концепцию, не испытывая серьезных чувств к палестинской проблеме.

Саудовская Аравия и Государство Израиль на пути примирения

Аналитические центры США инициировали открытые конференции ради налаживания взаимодействия между Саудовской Аравией и Израилем, на которые приглашались бывшие чиновники и военные двух стран. В частности, можно вспомнить Вашингтонскую конференцию, организованную с подачи Совета по международным отношениям в июне 2015 г., где участвовали Анвар Эшки, бывший генерал армии Саудовской Аравии, а также Дори Голд, дипломат, бывший генеральный директор министерства иностранных дел Израиля. На этой конференции они открыто заявили, что контактируют уже больше года. В 2016 г. состоялся визит Анвара Эшки в Израиль, где он публично встретился с Дори Голд в возглавляемом им Иерусалимском центре по связям с общественностью.

В октябре следующего года бывший посол КСА в Великобритании и США и бывший директор саудовской разведки Турки ибн Фейсал приехал в Израиль на Еврейский политический форум. Там он встретился с бывшим директором Моссада Эфраимом Халеви, вместе с которым он рассмотрел основные аспекты соглашения по иранской ядерной программе.

Публичные встречи различных представителей Израиля и Саудовской Аравии подтверждают, с одной стороны, что стороны готовы продолжать двусторонний диалог, а с другой стороны, пытаются донести свои взгляды до Вашингтона.

Стоит отметить, что тайное сотрудничество между саудовцами и израильтянами началось в начале 1960-х гг., когда они поддерживали роялистов в Йемене против республиканского правительства в Санае, поддерживаемого Египтом и СССР. Их спецслужбы координировали поставки оружия и специалистов для роялистов, которые базировались в Саудовской Аравии. Однажды руководители «Моссада» и саудовской разведки встречались в лондонском отеле «Дорчестер». Соглашение в Осло 1993 г. способствовало расширению кулуарных контактов.

В 2020 г. стало известно о тайном визите премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху в Саудовскую Аравию для встречи с наследным принцем Мухаммедом ибн Салманом. И хотя офици-

альных подтверждений визита Б. Нетаньяху в КСА до сих пор нет, но многие израильские масс-медиа этот визит освещали.

Также саудовское королевство старается бороться с распространением в мире негативным стереотипом о том, что оно якобы спонсирует международный терроризм и притерживается радикального подхода в политике. С этой целью Эр-Рияд активно привлекает инвестиции и в целом выстраивает свой презентабельный имидж в мире. Такая более осторожная и осмотрительная политика осуществляется Мухаммедом ибн Салманом. Она подразумевает также смягчение позиции к Израилю.

Так, уже в апреле 2018 г. Саудовская Аравия дала разрешение флагманскому перевозчику Индии Air India на транзитный пролет над своей землей с целью прилететь в Израиль (до этого полеты в эту страну иностранным авиакомпаниям через территорию королевства были запрещены). План «Видение – 2030», который поставил во главу своей внутренней политики наследный принц Саудовской Аравии Мухаммед ибн Салман, предполагает не только существенную перестройку социально-экономической структуры государства, но и взаимные экономические отношения с соседями, политическую стабильность по периметру границ и огромные инвестиции, в том числе и со стороны израильских бизнесменов. Поэтому, если в политическом взаимодействии сдвиги не такие уж значительные, то в экономическом поле они более масштабны. Согласно американскому деловому журналу “The Wall Street Journal”, в мае 2022 г. Суверенный фонд Саудовской Аравии, созданный для инвестирования от имени саудовского правительства и возглавляемый Мухаммедом ибн Салманом, вложил 2 млрд долл. в поддержку компаний-стартапов Израиля, работающих в сфере технологий. Необходимо подчеркнуть, что до этого момента не было таких масштабных вложений королевства в израильскую экономику [Бородина, Рыжов, Савичева 2023]. Предварительно КСА посетила делегация израильских бизнесменов, въехав в страну по паспортам со специальными въездными визами.

Нормализация саудовско-израильских отношений в политической сфере до сих пор труднодостижима. Многие факторы говорили о том, что страны установят дипломатические отношения уже в краткосрочной перспективе, однако надо понимать, что сотрудничество Израиля и КСА в политической сфере сводилось в основном к совместному противостоянию Ирану. Но, как известно, при посредничестве Китая в марте 2023 г. состоялась эпохальная встреча, на которой главные региональные соперники КСА и ИРИ подписали соглашение о возобновлении дипломатических отношений.

Однако США по-прежнему не оставляют попыток помирить Саудовскую Аравию и Израиль, преследуя свои собственные интересы в регионе. Советник Байдена по национальной безопасности Джейк Салливан отмечает, что мир между Саудовской Аравией и Израилем – это важное дело. В связи с этим наследный принц Мухаммед ибн Салман Аль Сауд в обмен на восстановление отношений с Тель-Авивом потребовал от США ряд уступок, среди которых содействие в разработке ядерной программы КСА, снятие санкций, введенных из-за убийства Хашогги, а также подписание нового оборонного соглашения с США. Однако даже если Саудовской Аравии удастся выторговать максимальные преференции, то ожидаемое установление дипломатических отношений с Израилем все же скорее всего не случится, до тех пор, пока у стран сохраняется очень противоречивая позиция по отношению к урегулированию палестино-израильского конфликта.

Таким образом, несмотря на активизацию дипломатических усилий, перспектива нормализации отношений между Государством Израиль и Королевством Саудовская Аравия остается сложной из-за региональной политической динамики. Постоянные разговоры о предстоящей сделке по нормализации отношений между Израилем и Саудовской Аравией в последнее время занимают много места как в СМИ, так и в тиши дипломатических кабинетов. Катализатором этого стали дипломатические усилия администрации президента США Дж. Байдена.

Постепенный – пусть и медленный – процесс нормализации отношений между Израилем и Саудовской Аравией идет уже некоторое время. Эр-Рияд принял стратегическое решение осторожно двигаться в сторону улучшения отношений с Израилем. Действительно, в последние годы наблюдается медленное движение в сторону большей открытости этих отношений, о чем свидетельствуют заявления и действия на местах, направленные на то, чтобы проверить ситуацию и постепенно приучить саудовское общественное мнение к возможным более тесным отношениям с Израилем в будущем при условии принятия его условий для достижения прогресса.

Для Королевства необходима осторожность во всех аспектах нормализации отношений с Израилем, в том числе из-за его статуса в мусульманском мире, положения в арабском мире, антиизраильских настроений среди саудовской общественности и религиозно-консервативного характера страны. Тем не менее Саудовская Аравия заинтересована в улучшении отношений с Израилем и в тех дивидендах, которые она может получить на этот счет, в частности от США. В результате можно предположить, что отношения

между Израилем и Саудовской Аравией будут существовать, но не по модели Авраамских соглашений – процесс будет развиваться медленнее и с другими параметрами, чем, например, в отношениях Израиля с Бахрейном и ОАЭ, и с учетом специфики и особенностей королевства.

Переговоры по нормализации отношений Израиля и Саудовской Аравии под угрозой

Основой растущей близости между Израилем и Саудовской Аравией в последние два десятилетия является схожее (хотя и не идентичное) восприятие стратегической обстановки, и прежде всего общая озабоченность растущей мощью Ирана. Схожие потребности Саудовской Аравии и Израиля в области безопасности будут и впредь оставаться главным фактором сближения, хотя для полностью открытых отношений необходимы и другие элементы. Растущая иранская угроза и сомнения саудовцев в поддержке безопасности королевства со стороны США способствуют налаживанию каналов диалога между Эр-Риядом и Тегераном и возобновлению официальных отношений между их странами. Для саудовцев этот шаг призван умиротворить Иран, чтобы снизить опасность конфликта с ним. Таким образом, Иран также является фактором, влияющим на отношения между Израилем и Саудовской Аравией, а также препятствующим развитию этих отношений. Действительно, возобновление отношений между Ираном и Саудовской Аравией в определенной степени вредит попыткам Израиля создать анти-иранский лагерь в регионе. Тем не менее само по себе возобновление отношений не является препятствием для будущей нормализации отношений с Израилем. Похоже, что связи в сфере безопасности между Саудовской Аравией и Израилем действительно усилили заинтересованность Тегерана в снижении напряженности в отношениях с Эр-Риядом.

В течение некоторого времени между Саудовской Аравией и Израилем существовали спокойные отношения в сфере безопасности. Этот канал безопасности послужил основой для постепенного развития более открытых отношений, но они будут продолжаться и без такой открытости в силу общих интересов безопасности. Как правило, секретные элементы в отношениях между странами следует отличать от более публичных, к которым в последние годы относятся межконфессиональный диалог; признание Саудовской Аравией Холокоста; пропаганда толерантности и изменения в учебниках (особенно в части антисемитского дискурса); публичные

встречи бывших высокопоставленных лиц обеих сторон, в основном на международных конференциях; более прагматичные заявления саудовских официальных лиц об Израиле; более позитивное освещение Израиля и Авраамских соглашений в саудовских СМИ (включая публикацию статей израильских писателей-ветеранов на саудовских сайтах и наоборот); более критическое отношение к Палестинской автономии; разрешение на полеты израильских самолетов над Саудовской Аравией; фактическое смягчение условий для ведения бизнеса с израильянами.

В августе 2023 г. президент Дж. Байден направил трех своих ведущих советников в Эр-Рияд для встречи с наследным принцем Мухаммедом ибн Салманом. Целью встречи было обсуждение двусторонних и региональных вопросов, включая инициативы по продвижению общего видения более мирного, безопасного, процветающего и стабильного ближневосточного региона, взаимосвязанного со всем миром.

Официальный представитель МИД Ирана Насер Канаани прокомментировал сообщения о возможной нормализации отношений, сделал акцент на том, что саудовско-израильское сближение нанесет ущерб миру и стабильности в регионе.

Премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху крайне заинтересован в нормализации связей с Саудовской Аравией, чтобы компенсировать нынешний внутренний кризис, связанный с судебными реформами. В одном из своих интервью американскому телеканалу ABC он заявил: «Мы работаем над этим».

20 сентября наследный принц Саудовской Аравии Мухаммед ибн Салман в своем первом англоязычном телеинтервью Бретту Байеру из “Fox News” заявил, что перспективы нормализации отношений между Саудовской Аравией и Израилем находятся в процессе реализации: «Каждый день мы становимся ближе». Хотя он добавил, что «для нас палестинский вопрос очень важен» и требует решения, его комментарий по Израилю укрепил мнение о том, что переговоры о «сделке века» идут полным ходом. Утечки в СМИ, описывающие контуры трехсторонних переговоров по вопросам обороны, энергетики и гражданской ядерной энергетики, усилили ощущение того, что саудовские, израильские и американские официальные лица настойчиво добиваются прорыва, который, по словам принца Саудовской Аравии, станет «крупнейшей исторической сделкой со времен окончания холодной войны».

Однако 7 октября 2023 г. произошло нападение ХАМАС на Израиль, что поставило под сомнение успешное завершение переговоров по нормализации отношений Израиля и Саудовской Аравии.

Была ли сделка так близка, как казалось официальным лицам в администрации Дж. Байдена, возможно, никогда не станет до конца очевидным, но развитие ситуации на местах в Газе, безусловно, пробило брешь в повествовании, которое было скорее ориентировано на США, чем на Саудовскую Аравию. Из Эр-Рияда также поступали неоднозначные сигналы, когда министр иностранных дел Фейсал бин Фархан Аль Сауд вновь заявил о поддержке Саудовской Аравией независимого палестинского государства на Генеральной Ассамблее ООН в Нью-Йорке. Недавно назначенный посол Саудовской Аравии в Палестине Найеф аль-Судайри также подтвердил позицию Королевства во время исторического первого визита на Западный берег в конце сентября.

В телефонном разговоре 9 октября 2023 г. Мухаммед ибн Салман заверил президента Палестинской автономии Махмуда Аббаса, что Саудовская Аравия по-прежнему «поддерживает палестинский народ» и его чаяния. После атаки ХАМАС и ответных мер Израиля министр иностранных дел Фейсал бин Фархан, в частности, активно взаимодействовал со своими египетскими, иорданскими и катарскими коллегами, а также с госсекретарем США Энтони Блинкеном и верховным представителем Европейского союза по внешней политике и политике безопасности Жозепом Бореллем. Фейсал бин Фархан подчеркнул необходимость разработки «совместного плана действий» для предотвращения эскалации и распространения конфликта, и, возможно, саудовское руководство видит в этом шанс поставить королевство в центр регионального дипломатического ответа на разворачивающийся кризис в Газе.

Заключение

Исторически сложилось так, что Саудовская Аравия и Израиль не имеют официальных дипломатических отношений и не поддерживают никаких официальных контактов. Они считаются противниками из-за израильско-палестинского конфликта и различий в региональных интересах. Но все же многие эксперты, до событий октября текущего года, склонны были верить, что в начале 2024 г. ожидалось подписание соглашения об установлении дипломатических отношений между Израилем и Саудовской Аравией. Незадолго до эскалации палестино-израильского конфликта перспективы нормализации отношений между Саудовской Аравией и Израилем были главной темой ближневосточной повестки, что нашло отражение на неделе высокого уровня Генассамблеи ООН, состоявшейся в сентябре 2023 г. Расхождение во взглядах

двух государств сводились лишь к одному вопросу – о правах палестинского народа. Теперь же ситуация существенным образом поменялась, и станет ли возможным дальнейшее сближение позиций Израиля и КСА – покажет развитие ситуации в палестино-израильском противостоянии.

Благодарности

«Исследование выполнено в соответствии с госзаказом Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского FSWR-2022-0001 “Фактор Палестины в процессе трансформации международных отношений и многосторонней дипломатии современной России” в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению “Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи” Минобрнауки РФ и МОО “ИППО” в 2023 г.».

Acknowledgements

The study has been carried out in accordance with the state task of the Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod – National Research University FSWR-2022-0001 “The Palestine factor in the process of transformation of international relations and multilateral diplomacy of modern Russia” as part of the Program of Fundamental Scientific Research in the direction “Russia and the Middle East: Historical, Political and Cultural Contacts and Relationships” of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the International Public Organization “IPPO” in 2023.

Литература

- Бородина, Рыжов, Савичева 2023 – *Бородина М.Ю., Рыжов И.В., Савичева Е.М.* Трансформация внешнеполитического курса КСА на Ближнем Востоке 2015–2022 гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 2. С. 81–93.
- Косач, Мелкумян 2003 – *Косач Г.Г., Мелкумян Е.С.* Внешняя политика Саудовской Аравии: приоритеты, направления, процесс принятия решения. М., 2003. 236 с.
- Магазинникова, Рыжов 2022 – *Магазинникова Е.А., Рыжов И.В.* Процесс принятия внешнеполитических решений в Королевстве Саудовская Аравия: основные институты и факторы влияния // *Via in tempore. История. Политология.* 2022. № 4. С. 915–923.

References

- Borodina, M.Yu., Ryzhov, I.V. and Savicheva, E.M. (2023), "Transformation of the KSA's Foreign Policy course in the Middle East 2015–2022", *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 2, pp. 81–93.
- Kosach, G.G. and Melkumyan, E.S. (2003), *Vneshnyaya politika Saudovskoi Aravii: prioritety, napravleniya, protsess prinyatiya resheniya* [Saudi Arabia's foreign policy. Priorities, directions, decision-making process], Moscow, Russia.
- Magazinnikova, E.A. and Ryzhov, I.V. (2022), "The process of making foreign policy decisions in the Kingdom of Saudi Arabia. The key institutions and factors of influence", *Via in tempore. History and political science*, no. 4, pp. 915–923.

Информация об авторах

Игорь В. Рыжов, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия; 603000, Россия, Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2; ivr@fmo.unn.ru

Анна А. Комаха, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия; 603000, Россия, Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2; komakha99@mail.ru

Мария Ю. Бородина, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия; 603000, Россия, Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2; borodina.m-u@yandex.ru

Information about the authors

Igor V. Ryzhov, Dr. of Sci. (History), professor, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia; 2, Ulyanov St., Nizhny Novgorod, Russia, 603000; ivr@fmo.unn.ru

Anna A. Komakha, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia; 2, Ulyanov St., Nizhny Novgorod, Russia, 603000; komakha99@mail.ru

Maria Yu. Borodina, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia; 2, Ulyanov St., Nizhny Novgorod, Russia, 603000; borodina.m-u@yandex.ru

УДК 327(470+55)

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-407-422

К вопросу о российском ультиматуме 1911 г.
и его влияние
на внутривосточную ситуацию в Персии

Мохаммад Нахаии

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Mohammad.nakhaei1992@gmail.com*

Аннотация. В 1910 г. персидское правительство назначило американского советника Моргана Шустера генеральным казначеем для реформирования финансовой системы страны. Действия Шустера с самого начала его миссии поставили под угрозу положение некоторых влиятельных персидских политиков, а также вызвали недовольство Российской империи, которая имела значительные интересы в Персии. Противоречия между американским советником и российским правительством возрастали вплоть до 1911 г., когда Россия предъявила ультиматум персидскому правительству и в нем потребовала увольнения Шустера. Ультиматум России привел к расколу среди бывших проконституционных сил и дал возможность противникам Шустера отстранить его от финансового управления и укрепить свое положение в Меджлисе, который активно поддерживал американского советника. В конце концов, под давлением России и группы влиятельных персидских политиков правительство Ирана приняло ультиматум. Морган Шустер был вынужден закончить свою миссию в Персии, а Меджлис был распущен сторонниками принятия ультиматума.

Ключевые слова: Россия, Персия, Морган Шустер, Меджлис, ультиматум, дипломатия, русско-иранские отношения, сферы влияния

Для цитирования: Нахаии М. К вопросу о российском ультиматуме 1911 г. и его влияние на внутривосточную ситуацию в Персии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 3. С. 407–422. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-407-422

© Нахаии М., 2023

On the question of the Russian ultimatum of 1911
and its impact
on the internal political situation in Persia

Mohammad Nakhaei

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, Mohammad.nakhaei1992@gmail.com*

Abstract. In 1910, the Persian government appointed an American adviser, Morgan Schuster, head of the Treasury to reform the country's financial system. Schuster's actions endangered the position of some influential politicians in Persia from the very beginning and also antagonized Russia, which had significant interests in Persia. The contradictions between the American adviser and the Russian government were growing until in 1911 Russia presented an ultimatum to the Persian government, with a demand for the dismissal of Schuster. The Russian ultimatum led to a split among the former pro-constitutional forces and provided an opportunity for Schuster's opponents to remove him and strengthen their position in the Majlis, which actively supported the American adviser. In the end, under pressure from Russia and with the support of the government and some top Persian politicians, the Persian government accepted the ultimatum, Schuster was forced to end his mission in Persia and the Majlis was dismissed by supporters of the ultimatum.

Keywords: Russia, Persia, Morgan Shuster, Majlis, ultimatum, diplomacy, Russian-Iranian relations, spheres of influence

For citation: Nakhaei, M. (2023), "On the question of the Russian ultimatum of 1911 and its impact on the internal political situation in Persia", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, part 3, pp. 407–422, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-407-422

Введение

С конца XIX в. влияние Российской империи в Персии все более возрастало. В это время Россия добилась появления многочисленных экономических концессий от персидского правительства, цель которых заключалась в укреплении положения Российской империи в Персии. В свою очередь это усиливало противостояние России с Великобританией.

Поражение в русско-японской войне, начавшаяся в Российской империи революция 1905–1907 гг. и вслед за ней иранская революция 1905 г. несколько ослабили позиции России по сравнению с ее британским соперником. Но возрастающая мощь Германии

вынудила две державы – Россию и Англию – отложить в сторону свои разногласия и прийти к соглашению о разделе своей сферы влияния в Персии (соглашение 1907 г.). Подписание этого соглашения фактически привело к слову независимости Персии и превращению ее в полукOLONиальное государство. Через год после подписания соглашения 1907 г., в 1908 г., иранский шах Мохаммад Али с помощью казачьей бригады разбомбил Меджлис и восстановил полноценную власть в своих руках, после чего парламент был распущен. Закрытие Меджлиса продлилось недолго. В 1909 г. сторонники революции, в ряды которых входили конституционалисты, просветители, духовенство, вожди влиятельных племен, смогли объединиться и свергнуть Мохаммад Али Шаха.

Бурные события первого десятилетия XX в. привели к тому, что финансовая система Персии к тому времени находилась в тяжелом состоянии. Депутаты вновь созданного Меджлиса взялись за восстановление финансовой системы страны. С этой целью был приглашен американский советник Уильям Морган Шустер, с именем которого связаны события 1911 г. и российский ультиматум.

Начало противоречий Шустера и русского правительства

В конце 1910 г. персидское правительство приняло решение пригласить иностранного советника с целью реформировать финансовую систему страны. Для того чтобы не вызывать недовольство ни у России, ни у Англии, персидское правительство было вынуждено искать советника в тех странах, чьи интересы в Персии не могли стать угрозой как для Императорской России, так и для Англии. В результате был приглашен американский советник Морган Шустер.

Действия Шустера с самого начала его деятельности стали вызывать недоверие у российского правительства вплоть до ультиматума 1911 г.: представители страны активно выступали с требованиями об отставке американского советника. Изначально Россия приняла осторожную позицию в отношении Шустера. Министр иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонов воспринял идею позвать американца без восторга, опасаясь, что это может быть расценено другими крупными державами как прецедент [Ларин 2021, с. 13]. Исполняющий обязанности министра иностранных дел России А.А. Нератов также считал, что решение персидского правительства действовать вопреки российским и британским советам и привле-

коть на службу подданных другой великой державы является опасным прецедентом [Казем-Заде 2004, с. 468].

Действия Моргана Шустера привели лишь к усилению негативного отношения Российской империи к нему. Первый его конфликт с Россией произошёл на фоне разногласий между Шустером и Морнараром – бельгийским начальником таможи Персии. Шустер был намерен получить право контролировать таможенные доходы и расходы. Морнарар, однако, увидел в этом ограничение своих полномочий. Учтывая, что у Морнарара были хорошие отношения с Россией, требование Шустера вызвало негативную реакцию русской миссии в Тегеране. Российский посланник в Персии Д.С. Поклевский так описывает позицию России в этом конфликте: «...очень странным представляется, что Шустер начал свою деятельность в Персии с попытки подчинить себе и дискредитировать уже правильно организованную европейскую администрацию... Мне кажется, следуя традиционной нашей политике в этом вопросе, нам необходимо самым энергичным образом поддержать бельгийцев»¹. О конфликте между Морнараром и Шустером А.А. Нератов написал русскому послу в Лондоне Бенкендорфу: «Мы согласились допустить приглашение Шустера и его сотрудников лишь из желания не обострять отношений с персидским правительством, и считая, что деятельность их будет ограничена ролью советников; предоставлять же им фактически полное распоряжение всеми финансами, а через то и вообще всеми делами страны, мы считаем безусловно опасным и потому совершенно недопустимым. В противном случае в Персии неизбежно возникло бы влияние третьей державы, устранение какового является одной из основ нашей совместной политики с Англией в этой стране»². Это событие положило начало ухудшению отношений России с Шустером.

Шустер, однако, на этом не остановился. Он решил учредить финансовую жандармерию и во главе нее назначить британского подданного майора Стокса. Это решение также вызвало недовольство у России, которая рассматривала это как возможное расширение влияния Англии в Персии. Наконец последнее событие, которое полностью испортило отношения Шустера с русской миссией и впоследствии привело к его отставке, произошло 4 октября 1911 г. Меджлис поручил Шустеру конфисковать особняк Шоа-ос-Салатане, брата свергнутого шаха, который организовал поход на столицу для возвращения бывшего шаха к власти. Особняк охранялся русскими

¹ Сборник дипломатических документов касающихся событий в Персии. СПб., 1913. Вып. 6. С. 197.

² Там же. С. 199–200.

казаками, и российское правительство утверждало, что здание было заложено в российском Учетно-ссудном банке. Захват особняка Шоа-ос-Салатане вызвал большой протест и негодование у российского правительства. Россия потребовала официального извинения от персидского правительства и выход жандармов Шустера из здания Шоа-ос-Салатане. Шустер, проигнорировав требования России, сделал еще один шаг, который вызвал гневную реакцию России. Он назначил Лекоффра (британского подданного) на должность финансового инспектора в Тебризе, т. е. в зоне влияния России. Такое решение не могло остаться без внимания, так как, по утверждению Казем-Заде, Лекоффр привлекал внимание русского дипломатического представительства как русофоб и участник национально-революционного движения [Казем-Заде 2004, с. 501]. Таким образом, противоречия между Шустером и Россией достигли своего пика.

Российский ультиматум 1911 г.

11 ноября Российское правительство потребовало отозвать жандармов Шустера из имения Шоа ос-Салтане, принести извинения работникам русского консульства и отозвать Лекоффра. Персидский премьер-министр попросил Шустера немедленно отозвать своих жандармов, но его просьба была отвергнута Шустером под предлогом того, что указа премьера недостаточно и нужно согласие всех министров. Это привело к отставке и падению всего иранского правительства. Нератов, узнав о падении персидского правительства, приказал немедленно объявить о прекращении отношений с Персией. Он интерпретировал отставку правительства как уклонение от выполнения ультиматума [Казем-Заде 2004, с. 503].

Спустя два дня, 13 ноября, по предложению регента правительство снова было сформировано. Однако промедление с выполнением требований России привело к тому, что 29 ноября 1911 г. секретарь русской миссии вручил иранскому правительству второй ультиматум с требованиями в течение 48 часов уволить Шустера и Лекоффра и дать обязательство более не приглашать иностранных советников без предварительного согласования с российским и британским представительствами, а также возместить России расходы за проведенную военную экспедицию³.

Российский ультиматум 1911 г. возымел большое влияние на внутривосточную ситуацию в Персии. Страна фактически оказалась перед выбором: согласиться с требованиями России, что

³ Там же. Вып. 7. С. 259.

фактически означало нарушение суверенитета страны, или отвергнуть ультиматум, что могло привести к вводу российских войск на территорию Персии и более тяжелым последствиям для страны.

Внутриполитический раскол в Персии после получения ультиматума

Ультиматум России вызвал различную реакцию у Меджлиса, духовенства и общества с одной стороны, и правительства – с другой. Ультиматум, по сути, стал инструментом для политических кругов Персии в вопросе устранения соперников и укрепления своих позиций. Правительство во главе с Сам-само-Алсалтане и также Насер-Алмулк (регент шаха) выступало за принятие требований России. Такой позиции придерживались еще главы бахтиариев⁴. Однако Меджлис, без утверждения которого правительство не могло принять ультиматум, упорно возражал принятию российского ультиматума и активно выступал за продолжение миссии Шустера.

Общественное мнение было на стороне Меджлиса и имело ярко выраженный антироссийский характер. Это усложняло принятие требований России для персидского правительства. Сразу после получения ультиматума в стране начались массовые демонстрации: улемы призвали народ бойкотировать покупку российских товаров, священники Неджефа во главе с одним из лидеров революции Ахунд Хорасани объявили джихад против России и отправились в Персию. Однако внезапная смерть Ахунд Хорасани остановила их поход. Козловский так описывает ситуацию в Тегеране после получения ультиматума: «...по городу вчера вечером разгуливали тысячи толпы студентов и народ с криками смерть или свобода и умереть за свободу. Сегодня производятся еще более многочисленные манифестации. Начинается террор»⁵.

Под давлением Меджлиса Восуг од-Довла, министр иностранных дел Персии, начинает предпринимать действия, чтобы убедить Россию пересмотреть свои требования. Но в итоге ему пришлось признать, что эти действия оказались безрезультатными⁶. Стоит

⁴ Группа влиятельных племен, которые играли значительную роль в восстановлении конституции после событий 1909 г.

⁵ Сборник дипломатических документов, касающихся Персии. Вып. 7. С. 268.

⁶ روزنامه رسمی کشور شاهنشاهی ایران. تهران، 1326، صص. 1921 1923. [Официальной газеты шаханшахского государства Ирана. Тегеран, 1947. С. 1921–1923].

отметить, что со второй половины XIX в. Персия периодически пыталась найти третью внешнюю силу, чтобы сбалансировать влияние России и Англии. Такая же попытка была предпринята в ходе кризиса 1911 г. После российского ультиматума министр иностранных дел Персии обратился за советом к США. Но Госдепартамент США считал, что решение этого вопроса не отвечает интересам США, и американский Конгресс не стал реагировать на просьбы иранского правительства [Abadian 2004, p. 440]. Иранский историк Мехди Малекзаде пишет, что депутаты Меджлиса были намерены дать США концессию на железнодорожное строительство, чтобы сделать США заинтересованной стороной в вопросе внутренних дел Персии. Однако рассмотрение США как возможного противника России в Персии оказалось всего лишь иллюзией и пустой надеждой [Malekzadeh 1992, с. 1471]. США на просьбу министра иностранных дел Персии помочь стране выйти из этой ситуации официально ответили следующее: «...правительство США признает, что указанные сложности для правительства Персии создаются политическими проблемами, в отношении которых государственный секретарь не считает возможным предлагать какие-либо решения» [Казем-Заде 2004, с. 508–509]. Обращение иранского правительства к Англии за советом тоже оказалось безрезультатным. Министр иностранных дел Англии Г. Грэй на встрече с иранским послом отмечал, что персидское правительство должно без промедления принять российские требования⁷.

В условиях, когда попытки убедить Россию отступить от своих требований и привлечь третью страну для оказания помощи Персии оказались безрезультатными, правительству оставалось лишь продолжать убеждать Меджлис принять ультиматум.

Правительство предупредило Меджлис о том, что промедление в вопросе принятия ультиматума может привести к тому, что Россия выдвинет новые требования. На первом заседании Меджлиса после получения российского ультиматума иранский депутат Мохаммад Хиябани яростно выступал против принятия требований России и призывал правительство прислушаться к мнению Меджлиса: он выразил надежду, что российское правительство отзовет ультиматум и выполнит свои обещания по уважению суверенитета Ирана⁸. На том же заседании иранский депутат Сулейман Мирза, похвалив работу иностранных советников в Иране, выразил мне-

⁷ Сборник дипломатических документов, касающихся Персии. Вып. 7. С. 270. См. также [Bashiri 1986, p. 1365].

⁸ 1918. *روزنامه رسمی کشور شاهنشاهی ایران*. تهران, 1326, *صص* 1918. [Официальной газеты шаханшахского государства Ирана. Тегеран, 1947. С. 1918].

ние, что удовлетворение первого и второго условий российского ультиматума (освобождение от должности генерального казначея Шустера и обязательство не приглашать иностранных советников без согласия России и Англии) является нарушением независимости страны⁹.

Другой иранский депутат Матин-Алсалтане выражал более умеренную позицию. Разделив условия ультиматума на те, которые нарушают независимость Ирана (обязаться не приглашать иностранных советников без согласия), и те, которые не нарушают ее (освобождение от должности генерального казначея Шустера и возмещение расходов России, если они не высокие), Матин-Алсалтане предлагал ради спасения страны частично выполнить условия ультиматума¹⁰. При этом были и радикальные предложения со стороны части депутатов Меджлиса. Демократическая фракция, которая имела социалистические взгляды, призывала к вооруженному сопротивлению [Казем-Заде 2004, с. 511]. Тем не менее в одном были едины все депутаты Меджлиса: выполнение ультиматума в его нынешнем виде недопустимо. Убеждая Меджлис принять условия ультиматума, министр иностранных дел Восуг од-Довла попросил российскую сторону изменить формулировку второй статьи, но Россия не собиралась уступать. 12 декабря Поклевский проинформировал Восуг од-Дойлы, что ультиматум не является предметом переговоров [Казем-Заде 2004, с. 515].

В итоге в конце первого заседания Меджлиса по рассмотрению условий требований большинство проголосовало за отказ принять все три условия и призвало правительство приложить новые усилия для его отмены. Противостояние Меджлиса с правительством по вопросу одобрения требований России привело к отставке министров, но их отставка была заблокирована регентом Шаха, что заставило прежнее правительство вновь вернуться к переговорам с Россией.

Спустя 17 дней Меджлис снова провел заседание по рассмотрению ультиматума. Выступив перед депутатами, министр иностранных дел описывал ситуацию в стране опаснее, чем когда страна в 1909 г. боролась с Мохаммад Али шахом. По его словам, в стране не было достаточно финансовых ресурсов, не было политической стабильности и не было сильного правительства. Критикуя Меджлис перед депутатами, он сказал: «Министры не имеют полномочия, со всех сторон их окружают проблемы... их обвиняют в том, что они хотят договориться с иностранцами и продать Родину... этим

⁹ Ibid. P. 1918.

¹⁰ Ibid.

они и призывают народ к протесту... в такой тяжелой ситуации, когда внутри страны беспорядки и иностранные войска находятся недалеко от столицы, вместо того, чтобы помогать правительству, рассылают телеграфы по всему миру, даже в США, и обвиняют правительство в том, чтобы оно получило деньги, чтобы договориться с иностранцами... В такой ситуации эти действия и эти заявления – самая большая беда для страны»¹¹. В условиях, когда срок ультиматума подходил к концу, правительство и Меджлис так и не смогли достичь консенсуса. Для того чтобы решить эту ситуацию, правительство предложило три выхода: 1) либо принять отставку министров; 2) либо создать полномочную комиссию, которая будет принимать окончательное решение; 3) либо дать полные полномочия министрам¹². Однако все эти предложения были отвергнуты Меджлисом.

На последнем заседании по рассмотрению ультиматума министр иностранных дел, критикуя Меджлис за промедление и отсутствие четкого плана по решению данного вопроса, утверждал, что благодаря усилиям МИДа удалось убедить Россию в том, что в случае принятия ультиматума войска не будут продвигаться в сторону Тегерана, а Санкт-Петербург не будет выдвигать новые условия¹³. В это время в стране произошло событие, которое усилило позиции правительства. В Персию из Европы возвращается Сардар Асад, авторитетный революционер из бахтиарских племен и брат главы правительства. Сардар Асад выступал за принятие ультиматума. Его возвращение объединило ряд высших должностных лиц, которые выступали за принятие ультиматума, и усилило их лагерь. Газета «Хабл-Алматин» о нем пишет: «Сардар Асад в Париже встретился с послами России и Англии. Когда он увидел сопротивление Меджлиса, немедленно отправился в Персию и начал настаивать на принятии ультиматума»¹⁴. По мнению Казем-Заде, вожди бахтиаров имели претензии и к Шустеру, и к Меджлису. Самсам ос-Салтане, премьер-министр, и его брат Сардар Асад давно согласились бы на все требования русских, если бы не генеральный казначей и его радикальные сторонники [Казем-Заде 2004, с. 511]. Английский посланник в Тегеране Баркли в депеше министру иностранных дел сообщает о планах премьер-министра противостоять Шустеру. Он пишет о том, что премьер-министр

¹¹ Ibid. P. 1921–1922.

¹² Ibid. P. 1928.

¹³ Ibid. P. 1934.

¹⁴ روزنامه حبل المتین. 16 دی 1290. ش. 26. صص. 3-4. [Газета Хабл-ал матин, 7 января 1912 г., № 26, с. 3–4].

ищет человека, который мог бы противостоять Шустеру, но найти такого человека крайне сложно. Были совершены попытки ограничить полномочия Шустера, но оппозиция из числа демократической фракции помешала осуществить эту цель¹⁵.

На фоне российской ультиматума тайная борьба за власть между бывшими союзниками в борьбе с Мохаммад Али Шахом стала выходить наружу. Иранский историк Мансур Банкдариян утверждает, что иранское правительство считало деятельность Шустера и его роль в укреплении контроля Меджлиса над финансами страны причиной падения влияния правительства [Bankdarian 2013, p. 404]. По словам самого Шустера, глава правительства стал негативно к нему относиться после того, как он отказал ему в получении денег из казны [Etthadie 1997, p. 139]. Понимая негативное отношение некоторых высших персидских чиновников к Шустеру, Поклевский сообщает Нератову: «...движение наших войск на Казвин, и особенно на Тегеран, вдохновит всех оппонентов нынешнего дискредитированного режима и врагов Шустера» [Казем-Заде 2004, с. 505]. Депутат Хиябани на втором заседании Меджлиса по рассмотрению ультиматума, похвалив работу Шустера, сказал, что его деятельность не в интересах всех, что и вызывает недовольство некоторых заинтересованных сторон¹⁶. Такое высказывание можно расценить как намек в адрес правительства и сторонников принятия ультиматума. Правительство обвиняли в том, что оно заинтересовано в ультиматуме, так как это дает им косвенно избавиться от Шустера. Не случайно министр иностранных дел Персии Восуг од-Довла на втором заседании Меджлиса по рассмотрению российского ультиматума, отвергая эти обвинения, утверждал, что правительство вело много переговоров с Россией для того, чтобы Шустер остался, но переговоры по этому вопросу оказались безрезультатными¹⁷. Кроме того, иранский историк Джанет Афари отмечает, что успешная деятельность Шустера и поддержка его демократической фракцией постепенно ослабила позицию регента в Меджлисе, тем более что американский советник решил снизить бюджет двора [Afari 2006, pp. 410–411]. Это не могло не вызвать недовольство регента. Министр иностранных дел тоже был не из

¹⁵ بشیری احمد. کتاب آبی؛ گزارشات محرمانه وزارت خارجه انگلیس درباره انقلاب مشروطه ایران. ج. 6. تهران. 1336-1335. صص. [Башири Ахмад. Синяя книга; Конфиденциальные отчеты МИД Великобритании о конституционной революции в Иране. Т. 6. Тегеран. 1986 г. С. 1335–1336].

¹⁶ روزنامه رسمی کشور شاهنشاهی ایران. تهران، 1326، صص 1925. [Официальная газета шаханшахского государства Ирана. Тегеран, 1947. С. 1925].

¹⁷ Ibid. P. 1922.

числа сторонников Шустера. Иранский историк Абадьян описывает Восуг од-Довла как политика, который поддерживал баланс между влиянием России и Англии в Персии и рассматривал это как способ сохранения независимости страны [Abadian 2004, p. 358]. Естественно, некоторые авантюристические действия Шустера противоречили политике министра иностранных дел. Кроме того, Джанет Афари указывает на личные мотивы недовольства Восуг од-Довла реформами Шустера. По ее утверждению, министр иностранных дел и его брат Гавам Алсалтане (министр финансов) испугались назначения Лекоффра на должность главы таможни Тебриза, так как их отец был главным собирателем налогов в этом городе, а такое решение Шустера стало угрозой для их семейного богатства [Afari 2006, p. 429]. Таким образом, представляется, что круг иранских политиков считал российский ультиматум возможностью избавиться от Шустера и укрепить свое влияние.

Роспуск Меджлиса и отставка Шустера

В условиях упорного противостояния с депутатами для правительства и регента роспуск Меджлиса стал последним практическим решением, которое давало выход из сложившейся ситуации. Стоит отметить, что такое решение кризиса приветствовала и Россия. Нератов пишет русскому послу в Лондоне следующее: «...предотвратить наше выступление в столицу мог бы только какой-либо переворот или роспуск Меджлиса»¹⁸. Влиятельные бахтиарские ханы во главе с Сардаром Асадом также поддерживали роспуск Меджлиса. Русский посланник Поклевский отмечает: «Из слов посетивших сегодня меня бахтиарских ханов заключаю, что бахтиары хотят оказать давление на Меджлис, добиться от него согласия на наши требования. В случае неуспеха они попытаются захватить Меджлис...»¹⁹.

Однако в условиях, когда общественное мнение было достаточно сильно настроено против России и ее ультиматума, правительство не могло распустить Меджлис и взять на себя ответственность за принятие ультиматума. Недаром персидский министр иностранных дел на встрече с русским посланником просит его в случае роспуска Меджлиса немедленно отозвать русские войска с территории Персии, чтобы министры имели возможность оправдаться

¹⁸ Сборник дипломатических документов, касающихся Персии. Вып. 7. С. 269.

¹⁹ Там же. С. 278.

перед народом за роспуск Меджлиса²⁰. Тем не менее такой выбор был бы весьма непростым для правительства, и оно какое-то время пыталось найти мирное решение для выхода из ситуации.

Сначала была совершена попытка убедить некоторых умеренных депутатов подать в отставку. Это могло привести к нарушению кворума парламента и стать поводом для его роспуска²¹. Однако под давлением общественности депутаты не пошли по этому пути. Общественный деятель и свидетель иранской революции Катузиан Техрани утверждает, что депутаты понимали существовавшие на тот момент у страны проблемы, в том числе и с отсутствием внешней поддержки. На секретных встречах они говорили, что можно принять некоторые из условий ультиматума, но в Меджлисе всячески отвергали это, чтобы не брать ответственность за его принятие на себя [Katuziyan Tehrani 2000, pp. 847, 850–851]. В итоге попытка нарушения кворума закончилась неудачей для сторонников принятия ультиматума.

При этом русские войска продолжали продвигаться дальше и занимать крупные персидские города. В Тебризе происходили кровавые бои между небольшими отрядами персов и российскими войсками. И.А. Зиновьев сообщает о массовых нападениях на русские воинские части в Тебризе, Реште и Энзели и критикует бездействие персидского правительства²².

Наконец из-за возрастающего напряжения от происходящих в Иране событий и под давлением Сардара Сада и также Ефрем Хана (глава полиции) Меджлис на последнем своем заседании согласился создать полномочную комиссию с участием пяти депутатов для принятия решения о судьбе российского ультиматума. А когда созданная комиссия узнала о продвижении российских войск, то утвердила решение о принятии ультиматума. Позиция правительства в обществе была все еще слаба, поэтому, чтобы устранить возможные провокации и возражения со стороны части депутатов Меджлиса, было принято решение о его роспуске. Как пишет газета «Хабл-ал-матин»: «Правительство пугали три вопроса: реакция духовенства на принятие ультиматума, сопротивление революционеров в больших городах и дальнейшее возражение Меджлиса. Но эти вопросы были решены. Российские войска подавили сопротивление революционеров, духовенству даны были обещания, которые

²⁰ Там же. С. 316.

²¹ دهخوارقانی شیخ رضا. از اسناد منتشر نشده مشروطیت ایران، وقایع ناصری و توضیح مرآة. 1356. تهران. صص 101-102. [Деххаргани Шейх реза. Из неопубликованных документов касающихся конституционной революции в Иране. Тегеран, 1978. С. 101–102].

их успокоили, и вопрос Меджлиса был решен его роспуском»²³. В итоге правительственные отряды и полицейские силы Ефрем Хана захватили Меджлис, после чего регент объявил о его роспуске. После роспуска Меджлиса Персия на некоторое время практически осталась без центральной власти, и Меджлис три года в стране не функционировал. На севере Персии русские войска стали действовать как фактические органы власти, взяв управление этой частью страны под свой контроль. В других регионах группы патриотов пытались взять события под свой контроль, но их действия оказались не особо успешными. Были закрыты демократические энджумены и клубы, некоторые депутаты были арестованы и сосланы. Хотя Конституция формально существовала и не была отменена, фактически она прекратила свое существование [Иванов 1957, с. 501].

Таким образом, можно сделать вывод, что российский ультиматум 1911 г. привел к расколу между основными движущими силами революции. Внутренний союз конституционалистов, который свергнул Мохаммад Али Шах и управлял страной, рухнул под давлением русского ультиматума. Учитывая, что по действовавшей на тот момент Конституции Персии ни шах, ни правительство не имели права распустить Меджлис, его закрытие являлось не чем иным, как государственным переворотом. Иранский журналист Хасан Модир Халладж в своей книге об истории иранской революции пишет: «...после русского ультиматума и поддержки Англии из России, регент шаха использовал возникающую возможность и распустил Меджлис» [Modirhallaj 1933, p. 69]. Другими словами, регент, опередив Меджлис, сохранил свою власть. Депутат Меджлиса Деххаргани отмечает: «...влиятельные депутаты чувствовали измену регента и правительства... если бы Меджлис не закрыли, то он безусловно отстранил бы регента и поменял бы правительство»²⁴. Это подтверждает еще и депеша русского посланника в Персии. 17 ноября 1911 г. Козлевский пишет: «...ходят упорные слухи о скором отъезде регента. Для замещения этого поста демократами уже выдвигаются кандидатуры...»²⁵ Хрупкую позицию регента почувствовали и англичане. 20 ноября 1911 г. Нератов пишет русскому посланнику

²³ روزنامه حبل المتین. 16 دی 1290. ش. 26. صص. 4، 3. [Газета Хабл-ал матин, 7 января 1912 г., № 26, с. 3–4].

²⁴ دهخوارقانی شیخ رضا. از اسناد منتشر نشده مشروطیت ایران، وقایع ناصری و توضیح مراسم. تهران. 1356. صص 110–111. [Деххаргани Шейх реза. Из неопубликованных документов, касающихся конституционной революции в Иране. Тегеран, 1978. С. 110–111].

²⁵ Сборник дипломатических документов, касающихся Персии. Вып. 7. С. 265.

в Тегеране следующее: «Правительство Великобритании выразило пожелание, чтобы Вы условились с Сэрмом Джорджем Барклаем относительно покровительства Насер-Алмульк, если бы ему стала угрожать какая-либо опасность»²⁶. Эту угрозу понимали хорошо и Насер-Алмульк, и правительство. Именно поэтому и Сардар Асад присоединился к ним, чтобы сохранить власть бахтиаров²⁷. Иными словами, русский ультиматум стал объединяющим фактором для ряда влиятельных политических сил, которые были заинтересованы в ослаблении Меджлиса и отставке Моргана Шустера.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что действия Шустера в Персии вызывали большое недовольство у некоторых высших иранских чиновников. Его многочисленные конфликты с Россией привели к предъявлению ультиматума персидскому правительству. Российский ультиматум 1911 г. привел к расколу между бывшими союзниками в борьбе с Мохаммад Али шахом. Со одной стороны – Меджлис, поддерживавший Шустера и выступавший за отказ принимать ультиматум, а с другой стороны – правительство, которое настаивало на его принятии. К правительству присоединился круг противников Шустера, которые были заинтересованы в его отставке, а также в ослаблении Меджлиса. Это противостояние закончилось в пользу сторонников выполнения условий ультиматума. С помощью ультиматума противники Шустера (правительство, регент и бахтиары) смогли добиться его отставки и укрепить свое положение в соперничестве с Меджлисом.

Литература

- Иванов 1957 – *Иванов М.С.* Иранская революция 1905–1911 гг. М.: Изд-во ИМО, 1957. 560 с.
- Казем-Заде 2004 – *Казем-Заде Ф.* Борьба за влияние в Персии: Дипломатическое противостояние России и Англии: [1864–1914]. М.: Центрполиграф, 2004. 542 с.

²⁶ Там же. С. 275.

²⁷ دهخوارقانی شیخ رضا. از اسناد منتشر نشده مشروطیت ایران، وقایع ناصری و توضیح مرآة. 111-110. صص 1356. تهران. [Деххаргани Шейх реза. Из неопубликованных документов, касающихся конституционной революции в Иране. Тегеран, 1978. С. 110–111].

- Ларин 2021 – Ларин А.Б. Перипетии согласованного курса: Россия, Британия и персидский кризис 1911 г. // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2021. Т. 21. № 2. С. 11–19. DOI: 10.37482/2687-1505-V083
- Abadian 2004 – ص. 664. 1383. تهران. بحران مشروطیت در ایران. [Абадьян Х. Кризис конституционной революции в Иране. Тегеран, 2004. 664 с.].
- Afari 2006 – ص. 572. 1385. تهران. ترجمه رضا رضایی. ایران. انقلاب مشروطه ایران. [Афари Дж. Иранская конституционная революция / Пер. с англ. яз. Тегеран, 2006. 572 с.].
- Bankdarian 2013 – سیاست و انقلاب مشروطه ایران (1906-1911) [Банкдарьян М. Британия и Иранская конституционная революция (1906–1911) внешняя политика, империализм и оппозиция. Тегеран, 2013. 768 с.].
- Etthadie 1997 – مجلس و انتخابات از انقلاب مشروطه تا پایان قاجاریه. تهران. [Иттихадие М. Меджлис и выборы с начала конституционной революции до конца эпохи Каджаров. Тегеран, 1997. 376 с.].
- Katuziyan Tehrani 2000 – کاتوزیان تهرانی محمد علی. مشاهدات و تحلیل اجتماعی و سیاسی. [Катузьян Техрани М.А. Наблюдения и социально-политический анализ истории конституционной революции Ирана. Тегеран, 2000. 1128 с.].
- Malekzadeh 1992 – ملکزاده مهدی. تاریخ انقلاب مشروطه ایران. ج. 7. تهران. 1371. [Малекзадех Мехди. История конституционной революции Ирана. Т. 7. 1992. 1698 с.].
- Modirhallaj 1933 – مدیرحلاج ح. تاریخ نهضت در ایران. تهران. 1312. 179 ص. [Модир Халладж Х. История движения в Иране. Тегеран, 1933. 179 с.].

References

- Abadian, H. (2004), *The crises of constitutionalism in Iran*, Tehran, Iran.
- Afari J. (2006), *The Constitutional Revolution of Iran (1906–1911)*, Biston publication, Tehran, Iran. (In Persian language.)
- Bankdarian M. (2013), *Britain and the Iranian Constitutional Revolution (1906–1911)*, Foreign policy, imperialism and opposition, Tehran, Iran.
- Etthadie M. (1997), *Majlis and election from Constitutional Revolution to end of Qajar era*. Tarikh-e Iran publication, Tehran, Iran. (In Persian language.)
- Ivanov, M.S. (1957), *Iranskaya revolyutsiya 1905–1911 gg.* [The Iranian Revolution of 1905–1911], Izdatel'stvo Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, USSR.
- Katuziyan Tehrani M. (2000), Observations, social and political analyses about Constitutional Revolution of Iran. Sherkat sahami entishar publication, Tehran, Iran. (In Persian language.)
- Kazem-Zadeh, F. (2004), *Bor'ba za vliyanie v Persii: Diplomaticheskoe protivostoyanie Rossii i Anglii: [1864–1914]* [Struggle for Influence in Persia: Diplomatic Confrontation between Russia and England. <1864–1914>], Tsentrpoligraf, Moscow, Russia.

- Larin, A.B. (2021), "The vicissitudes of the agreed course. Russia, Britain and the Persian crisis of 1911", *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*, vol. 21, no. 2, pp. 11–19, DOI: 10.37482/2687-1505-V083.
- Malekzadeh M. (1992), *The history of Constitutional Revolution*. Vol. 7, Elmi publications, Tehran, Iran. (In Persian language.)
- Modirhallaj H. (1933), *History of the movement in Iran*, Tehran, Iran. (In Persian language.)

Информация об авторе

Мохаммад Нахаии, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Mohammad.nakhaei1992@gmail.com

Information about the author

Mohammad Nakhaei, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; Mohammad.nakhaei1992@gmail.com

Генезис германо-японских двусторонних отношений во второй половине XIX в.

Олег Ю. Семенов

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия,
horrin@mail.ru*

Аннотация. В работе проведен ретроспективный исторический обзор становления и развития двусторонних отношений Германии и Японии во второй половине XIX в. на основании документов и материалов, преимущественно не вводившихся ранее в отечественный научный оборот. На примере мероприятий по случаю 160-летнего юбилея со дня подписания первого дипломатического договора показана актуальность предмета исследования, позволяющего более четко понять логику и особенности современного диалога двух стран. Исследованы предпосылки и исторические условия генезиса взаимодействия, договорная и фактологическая основа сотрудничества. Отмечены подготовительный этап, переговорный процесс, практические результаты и стратегические последствия экспедиции графа Фридриха цу Ойленбурга 1859–1862 гг. и заключения Договора о дружбе, торговле и мореплавании между Пруссией и Японией, вклад миссии Ивакуры 1871–1873 гг. в политическое и культурное сближение Японии и Германии, роль майора Клеменса Меккеля в модернизации японской армии, помощь юриста Германа Рёслера в формировании японской государственности Мэйдзи, властных институтов и нормативно-правовой базы. Показано влияние немецких военных врачей на развитие японской военной медицины, проиллюстрировано отражение японской тематики в германской общественной жизни и искусстве.

Ключевые слова: Пруссия, Германия, Япония, Договор о дружбе, торговле и мореплавании, экспедиция Ойленбурга, Меккель, Рёслер

Для цитирования: Семенов О.Ю. Генезис германо-японских двусторонних отношений во второй половине XIX в. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 3. С. 423–433. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-423-433

German-Japanese bilateral relations genesis in the second half of the 19th century

Oleg Yu. Semenov

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia, horrin@mail.ru*

Abstract. The paper provides a retrospective historical overview of forming and developing bilateral relations between Germany and Japan in the second half of the 19th century on the basis of documents and materials, previously largely not introduced into Russian scientific discourse. Taking as an example the commemorative events marking the 160th anniversary of the first diplomatic treaty, the relevance of the research subject which allows a clearer logic and features understanding of the modern dialogue between the two countries. The prerequisites and historical conditions for the interaction genesis as well as the contractual and factual basis of cooperation are studied. The article highlights the preparatory stage, negotiation process, practical results and strategic consequences of the expedition of Friedrich zu Eulenburg in 1859–1862 as well as the Treaty of Friendship, Trade and Navigation conclusion between Prussia and Japan, the contribution of Iwakura 1871–1873 mission in the political and cultural rapprochement between Japan and Germany, the role of Major Clemens Meckel in the modernization of the Japanese army, the assistance of lawyer Hermann Roesler in forming Japanese Meiji statehood, government institutions and legal framework. The influence of German military doctors on the development of Japanese military medicine is shown as well as the reflection of Japanese topics in German public life and art is illustrated.

Keywords: Prussia, Germany, Japan, Treaty of Friendship, Trade and Navigation, Eulenburg expedition, Meckel, Roesler

For citation: Semenov, O.Yu. (2023), “German-Japanese bilateral relations genesis in the second half of the 19th century”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, part 3, pp. 423–433, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-423-433

Введение

Германо-японские отношения имеют полуторавековую богатую историю сотрудничества в самых различных сферах – от политики и экономики до науки и культуры. В 2021 г. отмечался 160-летней юбилей со дня подписания первого дипломатического договора между Японией и Германией, а в честь такого знакового

события состоялась памятная встреча онлайн (в силу ковидных ограничений) министров иностранных дел (от Японии – Мотэги Тосимицу, от ФРГ – Хейко Маас) и обороны (от Японии – Киси Нобуо, от ФРГ – Аннегрет Крамп-Карренбауэр) двух стран в формате «2 + 2», на котором представители обеих сторон обсудили многообразие и историю германо-японского взаимодействия и будущее сотрудничество¹.

По случаю празднования юбилея со дня установления двусторонних дипломатических отношений японский посол в ФРГ Хидэнао Янаги отметил безусловную важность дальнейшего развития дружественных отношений на основе исторической преемственности и совместного реагирования на современные вызовы², что свидетельствует о ключевом значении истории двустороннего взаимодействия для Японии и Германии, а ее изучение обуславливает актуальность настоящего исследования.

Становление германо-японских отношений и миссия графа цу Ойленбурга

Следует отметить, что в отличие от других ведущих западных стран Пруссия в XIX в. начала развивать отношения с Японией несколько позже остальных, так как у нее существовали определенные трудности, прежде всего на европейском континенте, связанные с объединением немецких государств вокруг Берлина [Spang, Wiprich 2006, p. 17]. До 1850 г. в Пруссии было опубликовано всего чуть более 30 книг, посвященных Японии, из которых лишь 18 были написаны на немецком языке [Zöllner 2002, S. 53] (самыми значимыми из них следует считать работы Энгельберта Кемпфера и Филиппа Франца фон Зибольда) [Henker 1993], т. е. около половины были иностранными – такое малозаметное положение восточноазиатской страны среди немецких издателей, а соответственно, в определенной степени и немецкого общества, и политической элиты изменится только после прусской экспедиции и подписания двустороннего договора.

¹ Ministry of Foreign Affairs of Japan (2021), “Japan-Germany Foreign and Defense Ministers’ Meeting (‘2 + 2’)”, URL: https://www.mofa.go.jp/press/release/press4e_002994.html (дата обращения 22.08.2023).

² Grußbotschaft von Herrn Botschafter Yanagi zum Auftakt von “160 Jahre Freundschaft Japan-Deutschland” // Botschaft von Japan in Deutschland (2021), URL: https://www.de.emb-japan.go.jp/itpr_de/160jd_GrussbotschaftYanagi210124.html (дата обращения 22.08.2023).

Даже когда 12 июля 1851 г. в газете “Kölnische Zeitung” появилось первое объявление о предстоящем намерении США открыть Японию для торговли и создания станций снабжения для китобойных судов [Zöllner 2002, S. 73], интерес прусских политиков (в отличие, кстати, от надеявшихся на значительную прибыль от азиатской торговли купцов) оставался довольно сдержанным. Только когда Австро-Венгрия и Швейцария также направили свои миссии в Азию, чтобы не остаться в стороне от развивающейся торговли, 15 августа 1859 г. прусское руководство решило снарядить свою собственную экспедицию [Auslin 2004, p. 15].

При этом следует помнить, что, хотя некоторые сторонники экспедиции в Берлине были убеждены в доходности будущей немецко-азиатской торговли, которая могла бы еще более расширяться с помощью соглашений с Китаем и Сиамом, не торговые амбиции в конечном итоге предопределили решение о направлении экспедиции, а скорее военные цели прусского флотского командования, точнее – проверка возможности приобретения заморских колоний (например, Формозы). Примечательна и личность главы экспедиции – из-за разногласий относительно размера заработной платы первоначальный руководитель Эмиль фон Рихтгофен отказался от своей должности, и ему на замену был приглашен граф Фридрих (Фриц) Альбрехт цу Ойленбург (в некоторых транскрипциях – Эйленбург) – впоследствии министр внутренних дел Пруссии и объединенной Германии³. В 1850-х гг. он был генеральным консулом в Варшаве и не имел опыта в азиатских делах, но считался, по свидетельствам современников, «остроумным, красноречивым, быстро усваивающим информацию, всегда умеющим найти лучший выход из ситуации, обладающим железным терпением и упорством, дружелюбным в общении», хотя ему также приписывали временами леность и склонность к развлечениям [Die Bedeutung 1993, S. 29]. Таким образом, 10 октября 1859 г. Ойленбург получил официальное задание руководить Восточноазиатской экспедицией Пруссии и заключить дружественное, торговое и судоходное соглашение с Китаем, Сиамом и Японией.

Отметим особо, что Пруссия в лице данной миссии впервые представляла общенемецкие интересы на международном уровне отношений с этой миссией и даже более того – имела полномочия выступать от имени государств Германского таможенного союза и

³ *Struckmann J.C.* Preußische Diplomaten im 19. Jahrhundert. Biographien und Stellenbesetzung der Auslandsposten 1815–1870. Berlin: Trafo, 2003. S. 95.

ганзейских городов (ввиду отсутствия у них собственных военных кораблей, способных оказать немалое влияние на решения по договорам в Азии).

Несмотря на ряд трудностей с комплектованием судов, дезертирством и долгим морским переходом (один из четырех кораблей экспедиции затонул за день до прибытия в Эдо), прусская миссия достигла Японии 4 сентября 1860 г. Начались долгие и тяжелые переговоры: Ойленбург настаивал на равных правах для Пруссии по сравнению с уже заключенными Японией договорами, японцы же просили отсрочку в открытии морских портов Осаки и Хёго и несколько раз отклоняли предлагавшиеся им тексты документа [Pantzer 2011, S. 47].

Когда в январе 1861 г. был убит переводчик прусского посольства голландец Генри Хойскен, дипломатическое давление со стороны представителей всех западных держав на японцев усилилось многократно, и в результате 24 января 1861 г. был заключен «Договор о дружбе, торговле и мореплавании» между Пруссией и Японией, однако государства Таможенного союза и ганзейские города не были включены в договор – японцы были готовы подписать документ только между двумя субъектами права, а разговоры Ойленбурга о еще 39 акторах не нашли понимания у японских переговорщиков [Pantzer 2011, S. 62].

Тем не менее договор являлся несомненным успехом немцев, поскольку Пруссия получила возможность открытия представительства в столице Эдо, порты Нагасаки, Йокогама и Хакодате были открыты для прусской торговли в режиме наиболее благоприятствуемой нации. Помимо этого, прусские граждане не могли быть осуждены на японской земле, так как на них распространялся принцип экстерриториальности⁴.

Таким образом, в результате деятельности экспедиции Ойленбурга был заложен фундамент германо-японских отношений, начала свой отсчет история дипломатического взаимодействия. Немецкая торговая делегация в Китае приветствовала успешное заключение договора, и в сентябре 1861 г. – феврале 1862 г. последовало подписание торговых и политических соглашений Пруссии с Китаем и Сиамом.

⁴ Treaties and conventions concluded between the Empire of Japan and foreign nations. Together with regulations and communications, 1854–1874. Tokyo: Nisshu-sha Printing Office, 1874. P. 186–194.

*Динамика двустороннего взаимодействия
1870–1890-х гг.*

В 1870-х гг. в Японии начался период преобразований под названием «Реставрация Мэйдзи», который повлек за собой большие изменения в стране, поскольку японцы осознали высокую степень их системного отставания от Запада и необходимость создания сильного централизованного модернизированного государства, способного отстаивать свои интересы и не стать жертвой экспансионистских стремлений великих держав. Под лозунгом «фукоку кэхэй» (богатая страна, сильная армия) были набраны западные специалисты, так называемые «оятой гайкокудзин», которые должны были внести вклад в модернизацию Японии во всех областях. В результате этого набора количество немецких специалистов увеличилось весьма значительно, достигнув к середине 1870-х гг. почти 40 человек и уступая лишь британцам и французам [Siemes 1975, S. 145].

Важным шагом в становлении японо-германских отношений предстает также знаменитая миссия Ивакуры (1871–1873 гг.), которая была направлена на политическое и культурное сближение Японии с западной цивилизацией. Японские государственные деятели путешествовали по США и Европе, чтобы найти подходящую модель модернизации, и были очень впечатлены Германией. Опыт участников этой миссии, включая аудиенцию у императора Вильгельма I и императрицы 11 марта 1873 г., а также встречу с канцлером Отто фон Бисмарком и немецкими офицерами, включая начальника Генерального штаба Гельмута фон Мольтке, сделал Германию образцом для будущего развития Японии, она «стала рассматриваться как модель для достижения связи с западным миром» [Wattenberg 2002, S. 117].

Особенно важные результаты миссия Ивакуры имела с точки зрения модернизации японской армии, поскольку японцы под впечатлением франко-прусской войны 1870–1871 гг. стремились привлечь немецкого советника, способного подготовить армию Японии к будущим столкновениям за гегемонию в Азии, и им в итоге стал майор Клеменс Вильгельм Якоб Меккель, ученик фон Мольтке [Krebs 2002, S. 12]. Переориентация армии Страны восходящего солнца с Франции на Германию была обусловлена также высокой степенью интеграции и отлаженным взаимодействием прусской военной машины и системы обучения с производителями вооружения и военных технологий, такими как концерн «Фридрих Крупп АГ».

Под руководством Меккеля в 1885–1890 гг. была создана современная японская командная структура Генерального штаба, он лично обучил порядка 50 студентов Военной академии Японии

в таких важнейших областях военного искусства, как мобилизация, логистика, организация снабжения и медицинской службы. Помимо заложения основ современной и успешной армии Японии, он также уделял внимание созданию армейской инфраструктуры в области военной промышленности, соответствуя тем самым курсу «фукуоку кэхэй».

Усилия немецкого офицера в конечном итоге увенчались успехом, и японская армия стала реальной не только региональной, но и глобальной силой, которая была способна эффективно применять на практике изученные европейские подходы, что наиболее ярко проявилось при японских победах в войне с Китаем 1894–1895 гг. и русско-японской войне 1904–1905 гг.

Одним из ключевых аспектов генезиса японо-германских отношений стало также формирование японской государственности по европейскому образцу. Япония и Германия имели определенное сходство в данной сфере: обе страны долгое время не имели сильной централизованной власти, продолжительное время находясь в фазе междоусобного соперничества. В связи с этим при решении проблемы государственного строительства Япония опиралась на успешный прусско-германский опыт формирования властных институтов и соответствующей нормативно-правовой базы. Результатом этого стало принятие японской конституции, над которой работали немецкие эксперты из Общества по продвижению германской науки, и прежде всего юридический консультант Герман Рёслер [Балакин 2018, с. 114].

Он был направлен в Японию еще в 1879 г. как эксперт по государственному праву и описал в разнообразных письмах, опубликованных в аугсбургской газете “Allgemeine Zeitung” в период с 1879 по 1880 г., свои впечатления от далекой островной страны. Опытный юрист, который ранее уже опубликовал несколько работ по современным правовым вопросам в Германии, внес решающий вклад в разработку японской конституции Мэйдзи, которая была принята под давлением движения «За свободу и народные права» («дзию минкэн ундо») в феврале 1889 г. и вступила в силу в 1890 г., закрепив верховенство и широкие полномочия императора.

Работа Рёслера была высоко оценена японской стороной, в 1893 г. немецкого ученого благодарно проводили на родину, а от самого императора, как сообщается, он даже получил прощальный подарок и премию в 500 иен, что соответствовало почти 0,5 кг золота [Suzuki 1941, S. 53].

На развитие японской военной медицины того времени оказали существенное влияние немецкие военные врачи Теодор Эдурд Хоффманн и Бенджамин Карл Леопольд Мюллер, а Эрвин

фон Бельц основал Токийскую медицинскую школу, которая сейчас является полноценным факультетом медицины при Токийском университете [Akira 2018, p. XIII].

Экспедиция Ойленбурга и последовавший за ней бурный рост германо-японского взаимодействия нашли отражение и в германской общественной жизни – там японская тематика получила развитие в искусстве благодаря множеству эскизов, рисунков и картин, созданных участниками экспедиции – художниками Альбертом Бергом и Вильгельмом Хайне, была проведена первая японская выставка в Мюнхене в 1885 г., на немецком языке была поставлена оперетта «Микадо» в 1889 г. [Dobson 2011, S. 125].

Заключение

В заключение отметим, что германо-японские отношения второй половины XIX в. представляют собой уникальный материал для исторического анализа, позволяющий более четко понять логику и системные особенности современного диалога двух стран. Япония заимствовала у Германии лучшее в самых разных сферах государственной деятельности, адаптируя под свои традиции и идеалы, немецкие же эксперты охотно делились своими знаниями и опытом, чтобы помочь построить новое японское государство, способное конкурировать с мировыми державами, и получить надежного политического и торгового союзника в Восточной Азии.

Начиная с подписания дипломатического договора 1861 г., обе стороны прошли долгий и не всегда являвшийся предметом гордости исторический путь, в том числе в области двустороннего взаимодействия, однако сегодня, базируясь на полуторазековом фундаменте исторического опыта, Германия и Япония являются друг для друга важнейшими политическими и экономическими партнерами, эффективно выстраивающими сотрудничество в самых разных областях.

Литература

- Балакин 2018 – *Балакин В.И.* Прусское влияние на формирование японской государственности периода Реставрации Мэйдзи 1868–1888 гг. // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 4. С. 114–115.
- Akira 2018 – *Akira K.* The Japanese and German economies in the 20th and 21st centuries. Business relations in historical perspective. Folkestone, Kent: Renaissance Books, 2018. 620 p.

- Auslin 2004 – *Auslin M.* Negotiating with imperialism. The unequal treaties and the culture of Japanese diplomacy. Cambridge (Mas.S.); L.: Harvard University Press, 2004. 263 p.
- Die Bedeutung 1993 – Die Bedeutung des preußischen Innenministers Friedrich Albrecht Graf zu Eulenburg für die Entwicklung Preußens zum Rechtsstaat / G. Lange. Berlin: Duncker & Humblot, 1993. 283 S. (Quellen und Forschungen zur Preußischen Geschichte; Lib. 3)
- Dobson 2011 – *Dobson S.* Getrennte Ansichten: Wilhelm Heine und Albert Berg in Japan // Unter den Augen des Preußen-Adlers. Lithographien, Zeichnungen und Photographien der Teilnehmer der Eulenburg-Expedition in Japan (1860–1861) / Hg. S. Dobson, S. Saaler. München: Iudicium, 2011. S. 125–254.
- Henker 1993 – *Henker M.* Philipp Franz von Siebold (1796–1866). Ein Bayer als Mittler zwischen Japan und Europa. München: Haus der Bayerischen Geschichte, 1993. 182 S.
- Krebs 2002 – *Krebs G.* Japan und Preußen. Zur Einführung // *Japan und Preußen* / Hg. G. Krebs. München: Iudicium, 2002. S. 11–15. (Monographien aus dem Deutschen Institut für Japanstudien; Lib. 32)
- Pantzer 2011 – *Pantzer P.* Die Eulenburg-Expedition in Japan. Zur Unterzeichnung des Preußisch-Japanischen Freundschafts-, Handels- und Schifffahrtsvertrages am 24. Januar 1861 // Unter den Augen des Preußen-Adlers. Lithographien, Zeichnungen und Photographien der Teilnehmer der Eulenburg-Expedition in Japan (1860–1861) / Hg. S. Dobson, S. Saaler. München: Iudicium, 2011. S. 47–65.
- Siemes 1975 – *Siemes J.* Die Gründung des modernen japanischen Staates und das deutsche Staatsrecht, der Beitrag Hermann Roeslers. Berlin: Duncker & Humblot, 1975. 168 S. (Schriften zur Verfassungsgeschichte; Lib. 23)
- Spang, Wippich 2006 – *Spang C.W., Wippich R.H.* Introduction – from ‘German Measles’ to ‘Honorary Aryans’. An overview of Japanese-German relations until 1945 // *Japanese-German Relations: 1895–1945*. L.: Routledge, 2006. P. 1–18.
- Suzuki 1941 – *Suzuki Y.* Hermann Roesler und die Japanische Verfassung // *Monumenta Nipponica*. 1941. Lib. 4. S. 53–87.
- Wattenberg 2002 – *Wattenberg U.* Die Iwakura-Mission in Preussen // *Japan und Preußen* / Hg. G. Krebs. München: Iudicium, 2002. S. 103–124. (Monographien aus dem Deutschen Institut für Japanstudien; Lib. 32)
- Zöllner 2002 – *Zöllner R.* Die preußische Japan-Rezeption bis Mitte des 19. Jahrhunderts“ // *Japan und Preußen* / Hg. G. Krebs. München: Iudicium, 2002. S. 53–75. (Monographien aus dem Deutschen Institut für Japanstudien; Lib. 32)

References

- Akira, K. (2018), *The Japanese and German economies in the 20th and 21st centuries. Business relations in historical perspective*, Renaissance Books, Folkestone, Kent, UK.

- Auslin, M. (2004), *Negotiating with imperialism. The unequal treaties and the culture of Japanese diplomacy*, Harvard University Press, Cambridge (MasS.), USA, London, UK.
- Balakin, V.I. (2018), "Prussian influence on the formation of Japanese statehood during the Meiji Restoration 1868–1888", *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 114–115.
- Dobson, S. (2011), "Getrennte Ansichten: Wilhelm Heine und Albert Berg in Japan", in Dobson, S. and Saaler, S., Hg., *Unter den Augen des Preußen-Adlers. Lithographien, Zeichnungen und Photographien der Teilnehmer der Eulenburg-Expedition in Japan (1860–1861)*, Iudicium, München, Germany.
- Henker, M. (1993), *Philipp Franz von Siebold (1796–1866). Ein Bayer als Mittler zwischen Japan und Europa*, Haus der Bayerischen Geschichte, München, Germany.
- Krebs, G. (2002), "Japan und Preußen. Zur Einführung", in Krebs, G., Hg., *Japan und Preußen*, Iudicium München, Germany. (*Monographien aus dem Deutschen Institut für Japanstudien; Lib. 32*).
- Lange, G. (1993), *Die Bedeutung des preußischen Innenministers Friedrich Albrecht Graf zu Eulenburg für die Entwicklung Preußens zum Rechtsstaat*, Duncker & Humblot, Berlin, Germany. (*Quellen und Forschungen zur Preußischen Geschichte; Lib. 3*)
- Pantzer, P. (2011), "Die Eulenburg-Expedition in Japan. Zur Unterzeichnung des Preußisch-Japanischen Freundschafts-, Handels- und Schiffahrtsvertrages am 24. Januar 1861", in Dobson, S. and Saaler, S., Hg., *Unter den Augen des Preußen-Adlers. Lithographien, Zeichnungen und Photographien der Teilnehmer der Eulenburg-Expedition in Japan (1860–1861)*, Iudicium, München, Germany.
- Siemes, J. (1975), *Die Gründung des modernen japanischen Staates und das deutsche Staatsrecht, der Beitrag Hermann Roesler*, Duncker & Humblot, Berlin, Germany. (*Schriften zur Verfassungsgeschichte; Lib. 23*)
- Spang, C.W. and Wippich, R.H. (2006), "Introduction – from 'German Measles' to 'Honorary Aryans'. An overview of Japanese-German relations until 1945", in *Japanese-German Relations, 1895–1945*, Routledge, London, UK, pp. 1–18.
- Suzuki, Y. (1941), "Hermann Roesler und die Japanische Verfassung", *Monumenta Nipponica*, Lib. 4, S. 53–87.
- Wattenberg, U. (2002), "Die Iwakura-Mission in Preussen", in Krebs, G., Hg., *Japan und Preußen*, Iudicium, München, Germany, SS. 103–124. (*Monographien aus dem Deutschen Institut für Japanstudien; Lib. 32*)
- Zöllner, R. (2002), "Die preußische Japan-Rezeption bis Mitte des 19. Jahrhunderts" in Krebs, G., Hg., *Japan und Preußen*, Iudicium, München, Germany, SS. 53–75. (*Monographien aus dem Deutschen Institut für Japanstudien; Lib. 32*)

Информация об авторе

Олег Ю. Семенов, кандидат исторических наук, доцент, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия; Россия, 603022, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23; horrin@mail.ru

Information about the author

Oleg Yu. Semenov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia; 23, Gagarina Av. , Nizhny Novgorod, Russia, 603022; horrin@mail.ru

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 324(620)

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-434-452

Трансформация парламентской избирательной системы в АРЕ (2015–2020 гг.)

Анна Н. Бурова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, burova-denjak@mail.ru*

Аннотация. В работе проведено исследование трансформации парламентской избирательной системы в Арабской Республике Египет после событий «арабской весны». Проанализированы подготовка, проведение и результаты парламентских выборов 2015 и 2020 гг., происходивших в новых политических условиях, сложившихся после революционных событий 2011–2013 гг. Рассмотрены соответствующие положения Конституции 2014 г. с поправками, основные избирательные законы и внесенные в них изменения, политический ландшафт и партийная ситуация в Египте, состав действующего парламента. Избирательная система, ведущая в Египте долгую историю, в последнее десятилетие подвергалась серьезным изменениям. В частности, избирательное законодательство было изменено в период с 2014 по 2020 г. более одного раза по целому ряду критериев. Это было связано с политическим развитием данной страны, которая начиная с 2011 г. была затронута революционными потрясениями. В настоящее время происходит формирование новой избирательной системы, и данные процессы, которые все еще далеки от завершения, происходят в непростых социально-экономических условиях. Одновременно с поиском новых усовершенствованных моделей избирательной системы в данной области наблюдается сохранение исторической преемственности и традиций, характерных для политической жизни Египта.

Ключевые слова: избирательная система, парламентские выборы, избирательные округа, партийные списки, коалиции

Для цитирования: Бурова А.Н. Трансформация парламентской избирательной системы в АРЕ (2015–2020 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 3. С. 434–452. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-434-452

© Бурова А.Н., 2023

Electoral system transformation in Egypt. Parliamentary elections 2015–2020

Anna N. Burova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
burova-denjak@mail.ru*

Abstract. The author analyzes the transformation of the electoral system and electoral legislation in the Arab Republic of Egypt after the events of the Arab Spring. The article reveals electoral preparation, process and results of the 2015 and 2020 parliamentary elections that took place under the new political circumstances resulting from the 2011–2013 revolutionary developments. It considers the relevant provisions of the 2014 Constitution, as well as the fundamental electoral laws and the amendments thereto, the political and the party landscape and the current parliament composition. The electoral system, which has a long history in Egypt, has undergone major changes in the last decade; in particular, the electoral legislation has been changed several times. It was due to the political development of this country that has been affected by revolutionary upheavals since 2011. Currently, a new electoral system is being formed, and the process, which is still far from completion, is taking place in difficult socio-economic conditions. Along with the search for new advanced electoral models, there is maintenance of historical continuity and traditions specific to the political life of Egypt.

Keywords: electoral system, parliamentary elections, electoral constituencies, candidate lists, coalitions

For citation: Burova, A.N. (2023), “Electoral system transformation in Egypt. Parliamentary elections 2015–2020”, RSUH/RGGU Bulletin. “Political Studies. History. International Relations”, no. 4, part 3, pp. 434–452, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-434-452

В современной отечественной литературе, несмотря на огромное количество исследований, посвященных событиям «арабской весны» 2011–2013 гг. в Египте, парламентские выборы 2015 и 2020 гг. и соответствующие им избирательные системы не получили полного освещения. Среди отечественных исследований, в которых затрагивается данная тематика, необходимо отметить работы А.В. Коротаева [Коротаев, Гринин, Малков 2021], М.А. Сапроновой [Сапронова 2014] и В.В. Белякова [Беляков 2021]. В англоязычной и арабоязычной историографии наблюдается иная ситуация, связанная с достаточно большим количеством

исследований данной темы, которые можно условно разделить на два подхода. Сторонники первого подхода склонны оценивать происходящие в политической жизни Египта события в более идеологизированном ключе, через призму «авторитаризм – демократия». Такая точка зрения отражена в работах Х. Саллама [Sallam 2023], П. Саньял [Sanual 2016]. Сторонники второго подхода склонны уделять большее внимание внутренним процессам, связанным с взаимодействием различных политических игроков, партийной ситуации и в целом внутриэлитным отношениям. Данные аспекты, которые представляются немаловажными для более глубокого понимания характера политической системы Египта, рассмотрены в работах С.А. Абдель Мунима, С. Эссайла [Abdel Monem, Essaila 2016].

Парламентские выборы считаются одним из важнейших событий политической жизни в современном Египте – стране, которой накоплен в этом отношении значительный опыт. Первые парламентские выборы в Египте состоялись 12 января 1924 г. во время правления короля Фуада I, после того, как в 1922 г. Египет был признан независимым государством, и год спустя была принята Конституция 1923 г.

Данная конституция установила парламентский режим, основанный на разделении властей, определила характер отношений между законодательной и исполнительной властью, а также заложила основы «навыков партийной борьбы и политической полемики» [Сапронова 2014]. Кабинет министров становился подотчетным парламенту, который приобретал право выносить ему вотум недоверия, в то время как король получал право распускать парламент и созывать его к заседанию. Конституция 1923 г. предусматривала создание двухпалатного парламента, члены нижней палаты которого полностью избирались. Три пятых членов верхней палаты также избирались, а две пятых – назначались.

С 1980 г. в Египте существовал двухпалатный парламент, состоящий из Народного собрания и Совецательного совета. Летом 2012 г. Высший конституционный суд Египта признал результаты последних парламентских выборов (2011–2012 гг.) неконституционными, вследствие чего обе палаты парламента были распущены [Völkel 2017]. С этого времени и до 2015 г. Египет существовал в отсутствие действующего парламента. Как исполнительная, так и законодательная власть были сосредоточены в руках президента республики.

Подготовка и проведение парламентских выборов 2015 г.

Первыми парламентскими выборами после переворота 2013 г. и отстранения от власти президента М. Мурси стали парламентские выборы 2015 г. Данные выборы ознаменовали собой реализацию завершающего этапа «дорожной карты» от 8 июля 2013 г. Первые два этапа были представлены принятием новой Конституции и проведением президентских выборов в 2014 г., победу на которых одержал Абдель Фаттах Ас-Сиси. Важность успешного проведения парламентских выборов имела и другое измерение: властям Египта было необходимо продемонстрировать международному сообществу стабильную внутривластическую ситуацию и свое намерение выстроить новые, более демократические институты, что должно было повлечь за собой приток зарубежных инвесторов и их капиталов для поддержки экономики страны.

Конституция 2014 г. утвердила новую форму парламента: создавался однопалатный парламент, в то время как вторая палата была упразднена [Abdel Monem, Essaila 2016]. Статья 228 Конституции 2014 г. предусматривала создание Высшей избирательной комиссии (ВИК), состоявшей из 7 членов во главе с президентом комиссии. Статья 7 Закона № 45 от 2014 г. устанавливала обязанности ВИК (выражение мнения по законопроектам, связанным с парламентскими выборами, составление и своевременное обновление базы данных избирателей, установление сроков и графика выборов, выдача лицензий египетским организациям гражданского общества для наблюдения за ходом выборов и референдумов, иностранным или международным организациям и СМИ, объявление результатов выборов и референдумов). Предполагалось также создание исполнительного органа – Генерального секретариата, ответственного за исполнение постановлений и указаний ВИК.

Статья 102 Конституции 2014 г. определяла минимальное число членов парламента, условия для выдвижения кандидатур и давала право президенту назначать не более 5% депутатов. Помимо конституции, законодательные рамки выборов 2015 г. определялись постановлениями ВИК и следующими избирательными законами:

1. Закон № 45 от 2014 г. «Об организации осуществления политических прав» с поправками, внесенными Законом № 92 от 2015 г.

2. Закон № 46 от 2014 г. «О Совете депутатов» с поправками, внесенными Законом 92 от 2015 г. Данный закон устанавливал смешанную избирательную систему. Итоговое число депутатов парламента должно было составить 596 человек (до внесения

поправок – 567), из которых 448 избиралось по одномандатным округам, 120 – по системе закрытых избирательных списков, а 28 назначались президентом.

3. Закон № 202 от 2014 г. «О распределении избирательных округов» с поправками, внесенными Законом 88 от 2015 г. Согласно положениям данного закона, территория Египта была разделена на 205 избирательных округов (до внесения поправок – 237) для голосования за индивидуальные кандидаты и 4 округа для голосования за закрытые партийные списки кандидатов.

Данные выборы, в соответствии с обещанием президента, должны были состояться до конца 2015 г. Первоначально они должны были пройти с 12 марта по 7 мая 2015 г., однако данный срок был перенесен вследствие решения Конституционного суда о неконституционном характере некоторых положений законов о выборах, в особенности Закона № 202 от 2014 г. «О распределении избирательных округов»¹. Суд постановил, что необходимо пересмотреть границы избирательных округов в 13 провинциях с тем, чтобы достичь более равномерного их распределения с точки зрения числа избирателей и площади округов. В итоге был издан Закон № 88 от 2015 г. о внесении изменений и дополнений в Закон № 202 от 2014 г. Число одномандатных избирательных округов составило 205, в то время как число многомандатных округов осталось прежним – 4 округа.

Подготовка к голосованию, подача заявлений и регистрация кандидатов прошли в период с 01.09.2015 по 12.09.2015. Изначально заявки на регистрацию были поданы со стороны 5958 индивидуальных кандидатов и 15 партий и партийных блоков. После прохождения проверок и последующих отказов в регистрации осталось 5436 индивидуальных кандидатов и 13 партий и партийных блоков².

ВИК были установлены пределы для финансирования избирательной кампании по одномандатным округам в размере 500 000 египетских фунтов на первом этапе и 200 000 египетских

¹ عدم دستورية نص المادة الثالثة من قرار رئيس الجمهورية بالقانون رقم 202 لسنة 2014 في شأن تقسيم دوائر انتخابات مجلس النواب [Постановление Конституционного суда о неконституционном характере положений статьи 3 Закона № 202 от 2014 г. «О распределении избирательных округов»]. URL: <https://qadaaya.net/?p=8369> (дата обращения 15.10.2023).

² اللجنة العليا للانتخابات: ملخص تقرير الانتخابات التشريعية، مجلس النواب 2015 [Высшая избирательная комиссия Египта: Отчет Высшей избирательной комиссии Египта о парламентских выборах в Совет депутатов 2015 г. Каир, 2015].

фунтов в случае повторных выборов. Что касается избирательных списков, лимит для списков из 15 кандидатов составлял 2,5 млн египетских фунтов на первом этапе и 1 млн египетских фунтов в случае повторных выборов. Лимит для списков из 45 кандидатов составлял 7,5 млн египетских фунтов на первом этапе и 3 млн египетских фунтов в случае повторных выборов. Каждому из кандидатов было необходимо открыть счет в одном из двух египетских государственных банков (Национальном банке Египта или банке «Мыср») и своевременно проинформировать об этом ВИК³.

Парламентские выборы 2015 г. прошли в период с 28 сентября по 4 декабря в два этапа. По данным ВИК, явка избирателей на двух этапах выборов составила 28,3% (15 206 010 избирателей из общего числа 53 786 762)⁴. Мониторинг выборов осуществляли представители 81 египетской и 6 международных неправительственных организаций [Gur 2016].

В ходе первого этапа (с 28.09.2015 по 30.10.2015) было разыграно 286 мест, из которых 226 мест было предназначено для индивидуальных кандидатов (в 103 округах) и 60 мест – для избирательных списков (в двух округах – с 45 и 15 местами)⁵.

Для избрания 226 кандидатов по одномандатным округам проголосовали избиратели 14 следующих провинций Египта: Аль-Гиза (37 мест), Аль-Файюм (15 мест), Бени-Суэйф (14 мест), Аль-Минья (25 мест), Асьют (20 мест), Сохаг (22 места), Аль-Вади Аль-Джадид (4), Кена (15), Луксор (6), Асуан (8), Аль-Бахр Аль-Ахмар (4), Бухейра (27), Александрия (25), Мерса-Матрух (4).

Для избрания 60 кандидатов по системе закрытых избирательных списков проголосовали избиратели двух следующих округов:

1. Северный, центральный и южный Верхний Египет: округ состоит из 11 провинций, избираются 45 депутатов. Среди провинций места были распределены следующим образом: Аль-Гиза (11), Аль-Файюм (4), Бени-Суэйф (3), Аль-Минья (6), Асьют (5), Сохаг (6), Кена (4), Луксор (2), Асуан (2), Аль-Бахр Аль-Ахмар (1).

³ Ibid.

⁴ Egypt's elections committee announces final parliamentary results // Ahrām Online. 18.12.2015. URL: <https://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/164/173877/Egypt/Egypt-Elections-/Egypt's-elections-committee-announces-final-parliam.aspx> (дата обращения 15.10.2023).

⁵ Barsoum M. Egypt's lists running in the 2015 parliamentary marathon // Ahrām Online. 15.10.2015. URL: <https://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/164/159017/Egypt/Egypt-Elections-/Egypt's-lists-running-in-the%E2%80%93parliamentary-maratho.aspx> (дата обращения 15.10.2023).

2. Западная Дельта: округ состоит из 3 провинций, избираются 15 депутатов. Среди провинций места были распределены следующим образом: Александрия (7), Бухейра (7), Мерса-Матрух (1).

В ходе второго этапа (с 02.11.2015 по 04.12.2015) было разыграно 282 места, из которых 222 места были предназначены для индивидуальных кандидатов (в 102 округах) и 60 мест – для избирательных списков (в двух округах – с 45 и 15 местами).

Для избрания 222 кандидатов по одномандатным округам проголосовали избиратели 13 провинций Египта: Каир (49), Дакахлия (29), Кальюбия (25), Минуфия (20), Шаркия (30), Кафр-эш-Шейх (16), Гарбия (24), Думьят (7), Порт-Саид (4), Исмаилия (6), Суэц (4), Северный Синай (5), Южный Синай (3).

Для избрания 60 кандидатов по системе закрытых избирательных списков проголосовали избиратели двух следующих округов:

1. Каир/Южная и центральная Дельта: округ состоит из 6 провинций, избираются 45 депутатов. Среди провинций места были распределены следующим образом: Каир (14), Кальюбия (7), Дакахлия (8), Минуфия (5), Гарбия (7), Кафр-эш-Шейх (4).

2. Восточная Дельта: округ состоит из 7 провинций, избираются 15 депутатов. Среди провинций места были распределены следующим образом: Шаркия (7), Дамьетта (2), Порт Саид (1), Исмаилия (2), Суэц (1), Северный Синай (1), Южный Синай (1).

По итогам данных выборов, 568 депутатов однопалатного парламента были избраны путем всеобщего, прямого, тайного голосования. Большинство мест в парламенте (448 мест) было выделено для индивидуальных кандидатов. По системе закрытых избирательных списков были избраны 120 кандидатов в составе списков, содержащих квоты для представителей молодежи, женщин, христиан-коптов и рабочих.

Все эти 120 мест выиграла партийная коалиция «С любовью к Египту», которая баллотировалась во всех избирательных округах по системе закрытых избирательных списков, в то время как остальные коалиции баллотировались лишь в некоторых из них. Данная политическая коалиция появилась на египетской политической авансцене летом 2015 г., ее руководителем стал бывший служащий египетской разведки С.С. Аль-Язаль⁶. В июле 2015 г. президент Абдель Фаттах Ас-Сиси обратился к политическим партиям страны

⁶ ائتلاف «في حب مصر» يفوز بأعلى عدد من مقاعد مجلس النواب [Коалиция «С любовью к Египту» получила наибольшее число мест в Совете депутатов] // Аш-Шарк Аль-Аусат. 04.12.2015. URL: <https://aawsat.com/home/article/512436/ائتلاف-«في-حب-مصر»-يفوز-بأعلى-عدد-من-مقاعد-مجلس-النواب> (дата обращения 15.10.2023).

с призывом объединяться в коалиции с более крупными партиями и выходить на выборы с единым избирательным списком. Это объяснялось появлением большого количества новых партий в Египте после «арабской весны», многие из которых были малочисленными и не были известны избирателям. Таким образом, в политической системе Египта оказался представлен достаточно обширный спектр партий, среди которых были как крупные партии, имевшие давнюю историю политической деятельности, так и малые, более слабые партии. Согласно статистическим данным, количество партий, имеющих разрешение вести деятельность на территории Египта, в настоящее время составляет 87. До событий «арабской весны» 2011 г. количество партий составляло более 80, однако деятельность большинства из них была весьма ограниченной. После революционных событий количество партий возросло до 100, в последующие годы это число снизилось⁷.

На призыв президента откликнулись такие партии, как «Свободные египтяне»⁸, «Ан-Наср», Консервативная партия, «Конференция», «Реформа и развитие», «Будущее родины»⁹, «Новый Вафд» и т. д. Таким образом, был сформирован партийный блок «С любовью к Египту», в который вошли вышеуказанные партии, а также независимые кандидаты из числа бизнесменов, журналистов и общественных деятелей¹⁰.

Возникали и другие партийные коалиции, блоки и избирательные списки, которые также приняли участие в парламентских выборах 2015 г., крупнейшими среди которых были следующие:

- коалиция двух партийных блоков («Египетский фронт» и «Движение за независимость») баллотировалась в двух избирательных округах (Каир/Южная и центральная Дельта; Западная Дельта). Руководитель коалиции – А. Шафик (до событий 2011 г. занимал пост премьер-министра). В данную коалицию вошли такие партии, как «Египетское национальное движение», «Египет – моя страна» и пр., под руководством деятелей, представляющих режим Мубарака (бывшие министры, губернаторы провинций и т. д.);

⁷ مصر: أحزاب مع وقف التنفيذ [Аль-Асар М. Египет: партии, деятельность которых приостановлена // The New Arab. 05.05.2023]. URL: <https://www.alaraby.co.uk/politics/> (дата обращения 15.10.2023).

⁸ Либеральная египетская партия, основана в 2011 г.

⁹ Партия основана после переворота 2013 г. (в 2014 г.), изначально была малой силой, но за непродолжительное время приобрела значительное влияние и стала крупнейшей партией Египта.

¹⁰ Barsoum M. Egypt's lists running in the 2015 parliamentary marathon...

- избирательный список «Рыцари Египта», представляющий одноименную партию, баллотировался в одном избирательном округе (Западная Дельта). Основатель и глава партии: А. Дервиш. В состав данной партии, основанной в 2014 г., вошли в основном вышедшие в отставку представители высшего офицества;
- избирательный список «Республиканский Союз социальных сил» баллотировался в одном избирательном округе (Каир/Южная и центральная Дельта). Руководитель блока: Т. Аль-Гебали, ранее занимавшая пост вице-президента Высшего конституционного суда Египта. В состав данного списка вошли лица, ранее занимавшие высшие государственные должности, почти 50% которых составили кандидаты-женщины;
- блок «Египетский призыв» баллотировался в одном избирательном округе (Северный, центральный и южный Верхний Египет). Руководитель блока: Х. Аль-Анани. Ранее одноименная партия была создана в Египте в 2014 г. во главе с молодежным активистом Т. Зейданом. В состав блока вошли 17 партий и молодежных движений, в том числе «Арабская партия справедливости и равенства» и «Защитники Египта»¹¹.

Крупная левая партия «Ат-Тагамму», ведущая историю своего развития с 1976 г., первоначально также вошла в состав коалиции «С любовью к Египту», однако впоследствии покинула ее. Формированию коалиций мешал ряд обстоятельств, таких как взаимные обвинения лидеров партий, в том числе в том, что в состав партии включаются элементы прежнего режима. Также некоторые лидеры партий полагали, что формирование блоков не соответствует принципу равных возможностей и сводит на нет здоровую конкуренцию.

Ряд политических игроков (в том числе блок «Пробуждение Египта», партии «Ат-Тайар Аш-Шааби Аль-Мысри» и «Ад-Дустур») приняли решение бойкотировать выборы по различным причинам, связанным, в том числе, с требованиями к кандидатам и финансированию предвыборной кампании¹². Избирательный закон, который предусматривал выделение большинства мест в парламенте для индивидуальных кандидатов, стал объектом критики со стороны таких партий, как «Ад-Дустур», «Аль-Карам», «Ат-

¹¹ Там же.

¹² وضع التحالفات في الانتخابات التشريعية المصرية [Положение коалиций на парламентских египетских выборах] // Carnegie Endowment. 20.10.2015. URL: <https://carnegieendowment.org/sada/61690> (дата обращения 15.10.2023).

Тайар Аш-Шааби Аль-Мысри». Они выступили против данного закона, утверждая, что данная система будет способствовать победе на выборах представителей влиятельных местных элит и кланов [Völkel 2017]. В то же время другие партии, такие как «Свободные египтяне», «Ат-Тагамму», «Реформа и развитие», приветствовали данный закон, утверждая, что благодаря системе одномандатных округов в парламент войдут гражданские лица, а не представители военных. По мнению представителей данных партий, закон также обеспечивал лучшее понимание программ кандидатов и гарантировал сбалансированное представительство различных политических сил в парламенте [Abdel Monem, Essaila 2016].

Финальные результаты выборов, объявленные ВИК 18 декабря 2015 г., продемонстрировали, что большинство мест (57%) получили независимые кандидаты, в то время как 43% депутатов были аффилированы с политическими партиями. Президент по своему праву назначать не более 5% состава парламента назначил 28 человек, из которых 26 были независимыми, один представлял партию «Новый Вафд», один представлял партию «Ат-Тагамму». Парламентские выборы 2015 г. впервые в истории Египта прошли в отсутствие партии большинства, связанной с президентом. По мнению некоторых исследователей, это объяснялось, в том числе, стремлением Ас-Сиси сформировать более фрагментированный парламент, неспособный обеспечить формирование эффективной оппозиции. Поэтому президент не только не стал во главе крупной партии, но и дистанцировался от крупнейших из них – партии «Будущее родины» и коалиции «С любовью к Египту» [Sallam 2023].

Блок «С любовью к Египту» стал самой значимой силой в парламенте, получив в общей сложности более 250 мест. В составе данного блока большинство мест получили такие партии, как «Свободные египтяне» (65 мест), «Будущее родины» (53 места), «Новый Вафд» (35 мест)¹³.

Партии вне данного блока получили меньшее число мест: «Защитники родины» (18 мест), Народная республиканская партия (13 мест), «Конференция» (12 мест), «Ан-Нур» (11 мест), Консервативная партия (6 мест), «Демократический мир» (5 мест), «Патриотическое движение» (4 места), Египетская социальная демократическая партия (4 места), «Современный Египет» (4 места), «Египет – моя страна» (3 места), «Свобода» (3 места), «Реформа и развитие» (3 места), «Ат-Тагамму» (1 место), «Арабская насеристская партия» (1 место), «Ас-Сарх Аль-Мысри Аль-Хурр» (1 место), «Защитники

¹³ Egypt's elections committee announces final parliamentary results...

революции» (1 место), «Социальный мир» (1 место). Итоговый состав парламента созыва 2015 г. насчитывал 596 депутатов¹⁴.

Однако коалиция «С любовью к Египту», ставшая наиболее весомой силой в парламенте, в дальнейшем не смогла продемонстрировать устойчивость и закрепить свое доминирующее положение. После победы на выборах блок начали покидать отдельные партии, такие как «Новый Вафд» и «Будущее родины» [Abdel Monem, Essaila 2016].

С.С. Аль-Язаль пытался сформировать прочную парламентскую коалицию, и первоначально ему это удалось – блок, получивший название «В поддержку Египта», включал в себя 56% состава парламента. Однако одновременно с этим блок стал объектом резкой критики со стороны ряда независимых кандидатов и крупных партий. К нему отказались примкнуть такие значимые политические игроки, как партия «Свободные египтяне» и партия «Новый Вафд». Партия «Будущее родины» первоначально примкнула к данному блоку, однако позднее объявила о своем выходе. В 2016 г. Аль-Язаль скончался, и ему на смену начали приходиться другие деятели¹⁵. Между партиями «Свободные египтяне» и «Будущее родины» стали возникать разногласия, что привело к уходу многих депутатов в отставку и участию ряда депутатов в следующих парламентских выборах 2020 г. в качестве индивидуальных кандидатов от партии «Будущее родины».

Подготовка и проведение парламентских выборов 2020 г.

Вторым парламентским выборам после событий «арабской весны», которые состоялись в Египте в 2020 г., предшествовали значимые изменения в соответствующем законодательстве, в частности конституционная реформа 2019 г.

В феврале 2019 г. Совет депутатов проголосовал за внесение поправок в Конституцию 2014 г. [Szmolka 2020]. В период с 19 по 22 апреля 2019 г. данные поправки были вынесены на референдум, явка на котором составила 44,33% (27 193 590 голосов). Число проголосовавших «за» составило 88,83% (23 416 741 голосов), про-

¹⁴ مصر: أحزاب مع وقف التنفيذ [Аль-Асар М. Египет: партии, деятельность которых приостановлена]...

¹⁵ وفاة البرلماني المصري سامح سيف اليزل [Скончался депутат парламента Египта Самих Сейф Аль-Язаль] // Al-Jazeera. 05.04.2016. URL: <https://www.aljazeera.net/news/2016/4/5/اليزل-ساح-سيف-اليزل> (дата обращения 15.10.2023).

тив – 11,17% (2 945 680 голосов). Помимо прочего, изменения были внесены в статью 102, посвященную составу Совета депутатов. В новой редакции утверждалось, что число депутатов Совета депутатов должно составлять не менее 450 человек, избираемых всеобщим прямым тайным голосованием, таким образом, чтобы не менее 25% депутатов составили кандидаты-женщины. В соответствии с новыми положениями статьи 248 вновь создавалась верхняя палата парламента. Условия выдвижения депутатов в нее были иные, нежели в нижнюю палату: президент получал право назначения одной трети состава депутатов (180 человек), остальных депутатов было необходимо избирать¹⁶.

В 2020 г. произошли дальнейшие изменения в избирательном законодательстве, касающиеся как нижней, так и верхней палат парламента. Парламент одобрил поправки, предусматривавшие избрание 50% депутатов нижней палаты по закрытым партийным спискам (ранее – 20%). Остальные депутаты баллотировались как индивидуальные кандидаты. Таким образом, дизайн избирательной системы для выборов в нижнюю палату был изменен коренным образом.

Был также принят Закон 141 от 2020 г. о верхней палате парламента и изменен порядок избрания ее депутатов. В соответствии с новым законом верхняя палата, получившая название Советательный совет, должна была состоять из 300 чел., две трети из которых избирались прямым всеобщим тайным голосованием, а оставшуюся треть назначал президент. При этом депутатам-женщинам необходимо было выделить не менее 10% мест. Избрание 100 членов должно было происходить по системе одномандатных округов, 100 – по системе закрытых избирательных списков. Как партии, так и независимые кандидаты имели право баллотироваться по какой-либо из этих систем (ст. 2). Закон также определял специализацию верхней палаты. На депутатов Советательного совета была возложена консультативная функция с целью «укрепления основ демократии, поддержки социального мира, основных элементов общества и его высших ценностей, прав, свобод и обязанностей и углубления демократического режима» (ст. 7)¹⁷.

В период с июля по декабрь 2020 г. ВИК были организованы выборы по новым правилам в обе палаты парламента – как верхнюю, так и нижнюю.

¹⁶ دستور جمهورية مصر العربية المعدل لسنة 2019 [Конституция Арабской Республики Египет с поправками от 2019 г.]. URL: <https://manshurat.org/node/14675> (дата обращения 15.10.2023).

¹⁷ Ibid.

Выборы в верхнюю палату прошли в период с 11 по 12 августа 2020 г., повторное голосование состоялось 8–9 сентября. Для проведения выборов в верхнюю палату была утверждена следующая карта избирательных округов: территория АРЕ делилась на 27 одномандатных округов и 4 многомандатных округа (двум из которых было выделено по 15 мест и двум – по 35 мест) (ст. 3). Было необходимо, чтобы каждый избирательный список, которому выделено 15 мест, включал в себя как минимум 3 кандидатов-женщин, а каждый список, которому выделено 35 мест, – 7 кандидатов-женщин. Разрешалось включение в список представителей более одной партии и/или независимых кандидатов (ст. 4). Срок членства депутатов верхней палаты составлял 5 лет, начиная с даты первого заседания; избрание нового состава депутатов должно было происходить в течение 60 дней, предшествующих истечению срока членства (ст. 6).

По итогам данных выборов 147 депутатских мест в верхней палате получили представители партии «Будущее родины». Беспартийные кандидаты получили 95 мест. Остальные места были распределены между представителями 16 партий¹⁸.

Выборы в нижнюю палату прошли в период с 24 октября по 8 декабря 2020 г. в два этапа, так же, как выборы 2015 г. Критерии и требования к кандидатам были установлены Законом № 46 от 2014 г. «О Совете депутатов», измененным и дополненным Законом № 140 от 2020 г. «О внесении изменений в некоторые статьи Закона 45 от 2014 г. “Об осуществлении политических прав” и Закона № 46 от 2014 г. “О Совете депутатов”». Было необходимо, чтобы кандидат имел только египетское гражданство, располагал гражданскими и политическими правами, состоял в базе данных избирателей в какой-либо из провинций АРЕ, достиг возраста не менее 25 лет на момент выдвижения кандидатуры, имел диплом о базовом образовании, не был ранее исключен из парламента вследствие недобросовестного исполнения своих обязанностей. Каждому кандидату было необходимо определить избирательный округ для выдвижения своей кандидатуры¹⁹.

¹⁸ *Esseila S.* Achievements of the 2020 elections // Ahram Online. 08.01.2021. URL: <https://english.ahram.org.eg/NewsContent/4/0/398205/Opinion/Achievements-of-the--elections.aspx> (дата обращения 15.10.2023).

¹⁹ قرار رئيس جمهورية مصر العربية بالقانون رقم 46 لسنة 2014 بإصدار مجلس النواب [Закон № 46 от 2014 г. «О Совете депутатов», измененный и дополненный Законом № 140 от 2020 г. «О внесении изменений в некоторые статьи Закона № 45 от 2014 г. “Об осуществлении политических прав” и Закона № 46 от 2014 г. “О Совете депутатов”]. Впоследствии данный

В соответствии с Законом № 140 от 2020 г. «О внесении изменений в некоторые статьи Закона № 45 от 2014 г. “Об осуществлении политических прав” и Закона № 46 от 2014 г. “О Совете депутатов”», Совет депутатов должен был состоять из 568 членов, избираемых прямым всеобщим тайным голосованием. Число мест, выделенных для женщин, составляло не менее 25%. Президенту разрешалось назначить не более 5% депутатов (ст. 1). Число депутатов, избираемых по одномандатным округам, составляло 284; по системе закрытых списков (в которых могли бы присутствовать как представители партий, так и индивидуальные кандидаты) – также 284 (ст. 3)²⁰.

По системе одномандатных округов свои кандидатуры выдвинули 4006 кандидатов, позднее это число сократилось до 3964 кандидатов. Из них 3097 представляли собой независимых кандидатов (78,1%), а 867 представляли различные партии (21,9%).

По системе закрытых избирательных списков первоначально было выдвинуто 1100 кандидатов, однако позднее это число сократилось до 568 кандидатов в составе партийных блоков. В выборах приняли участие 4 партийных блока:

1. Блок «Национальный список ради Египта» баллотировался во всех четырех избирательных округах (Каир/Южная и центральная Дельта; Северный, центральный и южный Верхний Египет; Восточная Дельта; Западная Дельта). В состав блока вошли 12 партий (в первую очередь, партия «Будущее родины», которая стала основателем блока), а также молодежная политическая ассоциация и независимые кандидаты. Всего в списке фигурировало 284 позиции и были представлены следующие партии: «Будущее родины» – 145 мест, «Народная республиканская партия» – 28 мест, «Союз независимых кандидатов» – 25 мест, «Новый Вафд» – 21 место, «Защитники родины» – 19 мест, «Современный Египет» – 10 мест, «Реформа и развитие» – 9 мест, «Конференция» – 7 мест, «Египетская демократическая социальная партия» – 7 мест, «Ат-Тагамму» – 5 мест, «Свобода» – 5 мест, «Справедливость» – 2 места,

закон был изменен и дополнен Законом № 140 от 2020 г. «О внесении изменений в некоторые статьи Закона № 45 от 2014 г. “Об осуществлении политических прав” и Закона № 46 от 2014 г. “О Совете депутатов”». URL: <https://manshurat.org/node/1635> (дата обращения 15.10.2023).

²⁰ تعديل قوانين تنظيم مباشرة الحقوق السياسية ومجلس النواب والهيئة الوطنية للانتخابات 2020 بالقانون 140 لسنة 2020 [Закон № 140 от 2020 г. «О внесении изменений в некоторые статьи Закона № 45 от 2014 г. “Об осуществлении политических прав” и Закона № 46 от 2014 г. “О Совете депутатов”»]. URL: <https://manshurat.org/node/67504> (дата обращения 15.10.2023).

«Воля поколения» – 1 место²¹. Также в данный список вошли депутаты предыдущего парламента, представители молодежи и ряд общественных деятелей.

2. Блок «Призыв Египта» баллотировался в двух избирательных округах (Северный, центральный и южный Верхний Египет; Западная Дельта). Основатель блока – Т. Зейдан, глава одноименной партии, известен своим участием в революционных событиях 2011 и 2013 гг. Ранее партия участвовала в парламентских выборах 2015 г.

3. Блок «Союз независимых» баллотировался в одном избирательном округе (Каир/Южная и центральная Дельта). Руководитель блока – Х. Аль-Анани.

4. Блок «Сыны Египта» баллотировался в одном избирательном округе (Восточная Дельта). Руководитель блока – М. Вали.

Лимит на финансирование избирательной кампании для кандидатов по системе одномандатных округов составлял, как и в 2015 г., 500 000 египетских фунтов (на повторных выборах – 200 000 фунтов). Однако по системе многомандатных округов ситуация отличалась от 2015 г.: в 2020 г. для списков на 42 места лимит составлял 7 млн египетских фунтов, для списков на 100 мест – 10,6 млн фунтов. Явка на выборах 2020 г. составила, по разным данным, от 28,06%²² до 29%²³, что приблизительно соответствует аналогичному показателю 2015 г.

Результаты выборов 2020 г., организованных по новой избирательной системе, продемонстрировали иную расстановку сил, нежели чем на выборах 2015 г. В результате выборов в нижнюю палату парламента партия «Будущее родины» смогла закрепить успех, достигнутый ранее на выборах в верхнюю палату. Представительство данной партии возросло с 53 мест в 2015 г. до 316 мест в 2020 г. (54%)²⁴, причем более половины мест (171 место, 54%) партия получила через своих кандидатов, баллотировавшихся по системе одномандатных округов. Таким образом, представители

²¹ تضم كل الفئات.. 12 حزبا بالقائمة الوطنية من أجل مصر لانتخابات النواب [В состав блока «Национальный список ради Египта» вошли 12 партий для участия в выборах в Совет депутатов] // Seda Al-Balad. 12.10.2020. URL: <https://www.elbalad.news/4529565> (дата обращения 15.10.2023).

²² Turnout for Egypt parliamentary elections just 28% // Middle East Monitor. 02.11.2020. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20201102-turnout-for-egypt-parliamentary-elections-just-28/> (дата обращения 15.10.2023).

²³ Election results // IPU Parline. URL: https://data.ipu.org/node/53/elections?chamber_id=13379 (дата обращения 15.10.2023).

партии «Будущее родины» получили 61% мест, зарезервированных для индивидуальных кандидатур, что значительно превысило аналогичный показатель данной партии от 2015 г. (24% мест)²⁵.

Второе место с большим отрывом заняла Народная республиканская партия, представительство которой возросло с 13 мест в 2015 г. до 50 мест в 2020 г. (8,64%). Третье место заняла партия «Новый Вафд», представительство которой возросло с 36 мест в 2015 г. до 26 мест в 2020 г. (4,40%). Представительство партии «Защитники родины» также возросло с 18 мест в 2015 г. до 23 мест в 2020 г. (4,05%)²⁶. Значительно меньшее число мест получили такие партии, как «Современный Египет» (11 мест), «Реформа и развитие» (9 мест), «Конференция» (7 мест), «Свобода» (7 мест), «Ат-Тагамму» (6 мест), «Ан-Нур» (7 мест), «Справедливость» (2 места), «Воля поколения» (2 места). Независимые кандидаты получили 85 мест в нижней палате парламента. Партия «Свободные египтяне», пережившая внутренний кризис в 2016–2017 гг. и потерявшая лидирующие позиции, не получила представительства ни в одной из палат парламента. Таким образом, партийное представительство в парламенте созыва 2020 г. весьма существенно отличалось от ситуации 2015 г.

В январе 2021 г. истек пятилетний мандат парламента созыва 2015 г. (2016–2021 гг.) и приступил к работе новый парламента, состав которого был изменен более чем на 70% [Беляков 2021]. Свои позиции удалось сохранить 176 депутатам (40 депутатов победили в первом туре, 38 – во втором туре, 98 депутатов победили в составе «Национального списка ради Египта»). В отличие от ситуации по итогам выборов 2015 г., победивший партийный блок (блок партий, сформировавших «Национальный список ради Египта») представлял собой исключительно предвыборное образование, которое не трансформировалось в парламентаский блок. После объявления результатов выборов и формирования нового парламента данный блок прекратил свое существование.

Итоги парламентаских выборов 2020 г. изменили ситуацию, сложившуюся на карте политических партий Египта. В нижней палате парламента нового созыва наблюдалось более широкое партийное представительство – 26 партий, по сравнению с 19 партиями в 2015 г. Также наблюдалось более заметное присутствие депутатов-женщин и представителей молодежи – около 50% (в 2015 –

²⁴ *Esseila S.* Achievements of the 2020 elections...

²⁵ *Ibid.*

²⁶ Election results // IPU Parline. URL: https://data.ipu.org/node/53/elections?chamber_id=13379 (дата обращения 15.10.2023).

20%). Впервые в парламентской жизни Египта количество женщин-депутатов составило около 150 человек, представителей молодежи – около 100 человек. Что касается вновь созданной верхней палаты парламента, то назначение президентом трети депутатов было призвано обеспечить более активное присутствие в парламенте компетентных национальных кадров, технократов, а также представителей малых партий. Партия «Свободные египтяне», победившая на выборах 2015 г., в дальнейшем утратила свои позиции и не получила представительства в парламенте нового созыва. В то время как партия «Будущее родины» получила большинство мест как в нижней, так и в верхней палатах парламента и, таким образом, вышла на авансцену политической жизни страны.

Заключение

В последнее десятилетие в политической системе АРЕ наблюдаются серьезные изменения в сфере избирательного права и избирательной системы, которые подвергаются корректировкам в соответствии с возникающими вызовами и современными реалиями. После событий «арабской весны» 2011–2013 гг., предполагающих создание обновленной системы институтов власти, возникла необходимость принятия новых законопроектов, определяющих рамки и правила проведения выборов. Формирование новой избирательной системы происходит в сложных социально-политических условиях, таких как экономические реформы, политические изменения, нерешенные проблемы в сфере безопасности. В настоящее время избирательная система Египта находится в процессе трансформации, и власти Египта продолжают поиск оптимальной модели современного избирательного законодательства. В период с 2014 по 2020 г. дизайн избирательной системы был изменен по целому ряду параметров (избирательное законодательство, тип избирательной системы, форма парламента и пр.), что привело к новой расстановке сил в парламенте и изменению партийного ландшафта. С другой стороны, выборы 2015 и 2020 гг. стали частью более широкого процесса, связанного с изменением египетской политической системы. В настоящее время наблюдается тенденция на укрепление президентской власти при одновременной частичной либерализации (представленной, в том числе, в достаточно широком партийном представительстве в парламенте), которая тем не менее остается существенно ограниченной. Представляется, что в дальнейшем политический режим будет развиваться в зависимости от соотношения политических сил, в первую очередь внутриэлитных коалиций.

Литература

- Беляков 2021 – *Беляков В.В.* Парламентские выборы в Египте в 2020 г. // Вестник Института востоковедения РАН. 2021. № 1. С. 238–243. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-238-243.
- Коротаев, Гринин, Малков 2021 – Социально-политическая дестабилизация в странах Афразийской макрзоны нестабильности: Количественный анализ и прогнозирование рисков / Ред. А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин, С.Ю. Малков. М.: URSS, 2021. 726 с.
- Сапронова 2014 – *Сапронова М.А.* Египет: 90 лет конституционных трансформаций (1923–2013 гг.). М.: Ин-т Ближнего Востока, 2014. 291 с.
- Abdel Monem, Essaila 2016 – *Abdel Monem S.A., Essaila S.* Egypt's 2015 parliamentary elections. A prelude to stability? Liberal-secular parties in Arab political systems // Routledge handbook on political parties in the Middle East and North Africa. URL: <https://www.brandeis.edu/crown/publications/middle-east-briefs/pdfs/1-100/meb98.pdf> (дата обращения 15.10.2023).
- Gur 2016 – *Gur S.* The 2015 parliamentary elections in Egypt // *Electoral Studies*. Vol. 44. December 2016. P. 461–464. URL: <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2016.08.004> (дата обращения 15.10.2023).
- Sallam 2023 – *Sallam H.* “Only me”. Repression, legal engineering, and state-managed elections in Sisi's Egypt // *Routledge handbook on elections in the Middle East and North Africa* / ed. by F. Cavatorta, V. Resta. L.: Taylor & Francis Group, 2023. P. 78–93.
- Sanyal 2016 – *Sanyal P.* Parliamentary elections in Egypt, 2015 // *Contemporary Review of the Middle East*. 2016. Vol. 3. Iss. 4. P. 445–454.
- Szmolka 2020 – *Szmolka I.* Liberal-secular parties in Arab political systems // *Routledge handbook on political parties in the Middle East and North Africa* / Ed. by F. Cavatorta, V. Resta. L.: Routledge, 2020. P. 69–82.
- Völkel 2017 – *Völkel J.C.* Sidelined by design. Egypt's parliament in transition // *The Journal of North African Studies*. 2017. Vol. 22. No. 4. P. 595–619.

References

- Abdel Monem, S.A. and Essaila, S. (2016), “Egypt's 2015 parliamentary elections. A prelude to stability? Liberal-secular parties in Arab political systems”, in *Routledge handbook on political parties in the Middle East and North Africa*, available at: <https://www.brandeis.edu/crown/publications/middle-east-briefs/pdfs/1-100/meb98.pdf> (Accessed 15.10.2023).
- Belyakov, V.V. (2021), “Parliament elections in Egypt in 2020”, *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*, no. 1, pp. 238–243, DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-238-243
- Gur, S. (2016), “The 2015 parliamentary elections in Egypt”, *Electoral Studies*, vol. 44, pp. 461–464, available at: <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2016.08.004> (Accessed 15.10.2023).

- Korotayev, A.V., Grinin, L.E. and Malkov, S.Yu., eds. (2021), *Sotsial'no-politicheskaya destabilizatsiya v stranakh Afraziiskoi makrozony nestabil'nosti: Kolichestvennyi analiz i prognozirovanie riskov* [Socio-political destabilization in the countries of the Afro-Asiatic macrozone of instability. Quantitative analysis and risk forecasting], URSS, Moscow, Russia.
- Sallam, H. (2023), "Repression, legal engineering, and state-managed elections in Sisi's Egypt", in Cavatorta, F. and Resta V., eds., *Routledge handbook on elections in the Middle East and North Africa*, Taylor & Francis Group, London, UK, pp. 78–93.
- Sanyal, P. (2016), "Parliamentary elections in Egypt, 2015", *Contemporary Review of the Middle East*, vol. 3, iss. 4, pp. 445–454.
- Sapronova, M.A. (2014), *Egipet: 90 let konstitutsionnykh transformatsii (1923–2013 gg.)* [Egypt. 90 years of constitutional transformations (1923–2013)], Institut Blizhnego Vostoka, Moscow, Russia.
- Szmolka, I. (2020), "Liberal-secular parties in Arab political systems", in Cavatorta, F. and Resta, V., eds., *Routledge handbook on political parties in the Middle East and North Africa*, Routledge, London, UK, pp. 69–82.
- Völkel, J.C. (2017), "Sidelined by design. Egypt's parliament in transition", *The Journal of North African Studies*, vol. 22, no. 4, pp. 595–619.

Информация об авторе

Анна Н. Бурова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; burova-denjak@mail.ru

Information about the author

Anna N. Burova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; burova-denjak@mail.ru

Границы религиозного в изобразительном искусстве шамаиля XIX–XXI вв.

Наталья В. Луговская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, tartoon@ya.ru*

Аннотация. Большинство современных исследователей искусство шамаиля определяется в качестве «религиозного» или же «исламского» вида искусства. В работе предлагается проанализировать актуальность устоявшегося определения в отношении шамаиля для того, чтобы рассмотреть этот термин в более широких рамках, расширив его географические, культурные, религиозные и языковые границы. Подобный, более широкий подход к определению искусства шамаиля, отход от представления арабоязычного и/или арабографичного текста на шамаилях как текста исключительно религиозного характера; рассмотрение шамаиля из регионов за пределами устоявшихся границ (современной республики Татарстан) позволит в перспективе проследить эволюцию (или деградацию) искусства шамаиля, обратить более пристальное внимание на шамаиль в качестве исторического источника, поставить новые вопросы относительно функции шамаиля и их роли среди мусульман России и постсоветского пространства в прошлом и в настоящем. В работе предложены к рассмотрению ранее не публиковавшиеся образцы шамаиля: бухарцев из Тюменской области (музей села Ембаево), татар Беларуси (музей села Ивье Гродненской области), а также шамаиля крещеных татар – кряшенов, – опубликованных их автором в сети Интернет.

Ключевые слова: татарский шамаиль, шамаиль, кряшены, искусство мусульман России, арабская графика, религиозное искусство, Казань, каллиграфия

Для цитирования: Луговская Н.В. Границы религиозного в изобразительном искусстве шамаиля XIX–XXI вв. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 3. С. 453–464. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-453-464

Boundaries of the religious in the fine art of shamail the 19th – 21st centuries

Natalya V. Lugovskaya
*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, marmoon@ya.ru*

Abstract. Most of the today researchers define the art of shamail as “religious” or “Islamic” art. The paper proposes to analyze the relevance of the established definition in relation to shamail term in order to consider the term in a broader framework, extending its geographical, cultural, religious and linguistic boundaries. Such a broader approach to defining the art of shamail, a shift away from presenting the Arabic-language and/or Arabic-graphic text on shamails as a text of exclusively religious character; consideration of shamails from regions outside the established borders (of modern Republic of Tatarstan) – all that will eventually make it possible to trace the evolution or degradation of the art of shamail, to pay more attention to shamail as a historical source, to raise new questions about the functions of shamail and its role (in the past and in the present) of the art in society of Muslims in Russia and Post-Soviet spaces. The paper offers previously unpublished samples of shamails for consideration: the Bukharian one from the Tyumen region (museum of Embaevo village), Tatars of Belarus (museum of Iv’e village, Grodno region) as well as the shamails of baptized Tatars – kryashens – published by their author on the Internet.

Keywords: tatar shamail, shamail, kryashens, art of the Muslims of Russia, Arabic script, religious art, Kazan, calligraphy

For citation: Lugovskaya, N.V. (2023), “Boundaries of the religious in the fine art of shamail the 19th – 21st centuries”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, part 3, pp. 453–464, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-453-464

Введение

Среди визуального искусства мусульманских народов Российской империи одним из наиболее востребованных и, что парадоксально, наименее изученных, является шамаиль. Получивший распространение в Казани в середине XIX в., практически отсутствующий в культурной жизни мусульман в постреволюционный период и вошедший в социальные практики (в гораздо более узких рамках) только в XXI в., этот вид искусства рассматривался преимущественно с искусствоведческой точки зрения. Во-первых, это связано с некоторым исследовательским текстоцентризмом:

традиционно визуальные источники в исторических исследованиях были второстепенными относительно письменных; играли роль вспомогательного, но не основного материала исследования. Во-вторых, частично это связано с тем, что сами мусульмане воспринимают искусство шамаиля как визуальное, а не текстовое. В статье будет предложено переосмыслить границы этого термина: что такое шамайль? Уместно ли его рассматривать в тех границах, которые были предложены предыдущими исследователями? Что вообще являются собой те границы, и нужно ли их расширять, или же просто нужно определиться с тем, что подразумевается под границами – это какие-то географические, культурные, исторические, религиозные рамки, или это просто воображаемые границы исследователей, которые они сами себе и очертили?

О термине и его значениях

Искусство шамаиля описывается Р.М. Шамсутовым, крупнейшим исследователем этого вида искусства, как «станковая картина¹, религиозный по содержанию священный знак, выраженный посредством как арабских букв, так и символических изображений». Но корректно ли использование определения «религиозный по содержанию»? Конечно, религиозная составляющая шамаиля прослеживается даже в том, как именно шамайль *прежде* называли в разных регионах страны: «бети»², «йорт догасы»³, «аят», «ляуха»⁴, «накыш»⁵, «аят ал-Корси», «мугир»⁶ и так далее: эти термины так или иначе связаны с исламом, непосредственно кораническими текстами и используемым арабским языком. Однако даже при беглом изучении каталогов классического шамаиля «Татарский шамайль. Конец XIX – начало XX в.» и «Татарский шамайль. Традиции и современность», изданные в 2013 и 2015 гг. соответственно, обнаруживается огромное количество шамаилей с текстами, не имеющими к религии никакого отношения или имеющими косвенно – текстов исторического, воспитательного, лирического

¹ Произведение самостоятельного характера, не имеющее прямого декоративного или утилитарного назначения.

² Дословный перевод с турецкого – «образ», «изображение». Так называли миниатюрно выполненный коранический текст-оберег.

³ Домашняя молитва (*там.*).

⁴ Доска, полотно (*араб.*).

⁵ Резьба, орнамент (*там.*).

⁶ Печать, печатка (*араб.*).

и даже оккультного содержания⁷ [Бустанов 2022]. Более оправданным здесь кажется использование определения «настенное панно с каллиграфическими арабографичными надписями»⁸ [Ахунов 2007]; концепция «арабоязычный текст – религиозный текст» не позволяет исследователям заниматься полноценным изучением целого ряда сюжетов, присутствующих на шамаилах.

Взросший интерес к искусству шамаила поставил перед исследователями ряд не решенных до сих пор проблем. В первую очередь, это роль шамаила в вопросах производства памяти и производства идентичности. Современные исследователи выделяют шамаилу роль чуть ли не искусства, образующего нацию: так, в одной из статей автор говорит, что «шамаили сыграли важную роль в истории развития письменности и графики у татарского народа» [Касимов 2016], «были важной частью религиозно-эстетического сознания мусульман» [Мустафин 2022], «являли собой сакральное и священное» [Шамсутов 2000]. Сложно сказать, с какой целью некоторые исследователи пытаются, при наличии в Поволжье богатого рукописного арабоязычного и арабографичного наследия [Сафиуллина 2003], утверждать о подобной роли шамаила, однако подобное представление, во-первых, создает совершенно ошибочное впечатление об уровне образования мусульман на тот период; во-вторых, вновь транслирует устоявшийся ошибочный образ о шамаиле как исключительно религиозном искусстве. Конечно, сейчас шамаиль является важной частью «представлений о себе» современных татар: проводятся многочисленные выставки, издаются каталоги, появляются целые мастерские, занимающиеся выпуском только шамаилей. Однако, несмотря на декларируемую нынешними исследователями популярность этого вида искусства среди мусульман Поволжья и Сибири, в татаро-башкирской литературе начала XX века столь важный, казалось бы, культурный пласт фактически игнорируется, ограничиваясь одним-единственным четверостишием со словом «шамаиль». Большинство сведений о шамаилах дошло до нашего времени благодаря работам в большинстве своем русскоязычных востоковедов и этнографов начала XX в. – Н.Ф. Катанова, Н.И. Воробьева, П.М. Дульского; к тридцатым годам это искусство практически полностью было вытеснено советскими рекламными и агитационными плакатами [Воробьев 1930].

⁷ В каталоге они, конечно, не описываются в качестве оккультных, а вынесены в раздел «религиозных».

⁸ Термин, в свою очередь, был предложен исследователем А.М. Ахуновым.

Проследив за эволюцией шамаиля от середины XIX в. до современности, можно заметить, что трансформация существовавшего прежде и существующего сейчас шамаиля следует за общей тенденцией преобразования исламского наследия в России. Если в дореволюционный период на тех же казанских шамаилях изображались панорамы городов: Стамбула, Дамаска, Мекки; символы, присущие суфийским орденам; назидания на арабском, стихотворения на персидском языке; в общем, весь пласт общемусульманского наследия; то сейчас эти сюжеты попросту исчезли. Нынешние шамаили, хотя и сохранили свою арабграфичность, потеряли то, что объединяло их предков с мусульманами Османской империи, утратили ту самую концепцию единой мусульманской нации с единой и понятной вне зависимости от границ проживания культурой. Исследователь Джеймс Мейер полагает [Meuer 2014], что мусульмане, которые постоянно перемещались между двумя империями – Российской и Османской – развивали новые модели самоидентификации; становление новых моделей идентичности приводило к размыванию границ между империями и созданию трансграничных сообществ; последующие исторические события, закончившиеся крахом двух империй, эти границы вновь образовали, и прежние общемусульманские сюжеты теперь стали частью чужого культурного кода и более не появляются на шамаилях.

Говоря о вопросах «производства идентичности», стоит заметить, что к слову «шамаиль» практически всегда добавляется прилагательное «татарский». Несомненно, наиболее яркий расцвет этот вид искусства на момент с конца XIX до начала XX в. пришелся на Казань; однако, даже отставив в сторону вопросы самоидентификации [Аллен 2008; Кемпер 2008; Хабутдинов 2013] местного населения, следует отметить, что у Дульского и Воробьева это просто «шамаили», у Катанова – «мусульманские литографированные таблицы». Шамаили распространились не просто за пределы Поволжья и тюркоязычного его населения, но и за пределы исключительно мусульманского искусства. Сейчас образцы шамаилей встречаются в Дагестане, Центральной Азии, Беларуси; языки шамаилей разнятся от тюркских до индоевропейских; термин «татарский» является столь же не отражающим сущность, как и предложенный в дореволюционный период термин «арабские таблицы». Таким образом, кажется более оправданным использование просто классического термина «шамаиль» без выделения принадлежности.

Три шамаила на границе определения

Предложенные к рассмотрению в работе шамаили ранее не были опубликованы исследователями и в целом выбиваются из классического татарского современного нарратива, в котором границы шамаила являются географическими, практически совпадая с границами республики Татарстан, изредка расширяясь до Поволжья в целом. Несомненно, Казань как крупный центр, имеющий наибольшее влияние на умы мусульман того периода, обладающий крупнейшими печатными типографиями, была передовым центром выпуска шамаилей (попадающих в то же время, как любое выходящее из казенного учреждения издание, под пристальное внимание имперской цензуры). Однако подобный подход заставляет задуматься: не преуменьшаем ли мы значение не-казанских шамаилей и высказанных видений не-казанских мусульман, не имеющих доступа к крупным издательствам и типографиям? Таким образом, для освещения в работе были выбраны именно шамаили из других регионов. Первый из выбранных, несомненно, мог бы попасть под определение «татарский», но не под «шамаиль» в наличествующей сейчас интерпретации этого термина (хотя именно так его называют в том регионе, откуда он родом). Второй шамаиль, на котором изображены домашние животные, попадает под неприятие востоковедов-легалистов, рассказывающих, что шамаиль является строгим религиозным искусством, отрицающим изображения живых существ. Третий шамаиль с полной уверенностью можно назвать татарским, но татарским христианским – кряшенским новоделом.

Первый шамаиль является экспонатом Ембаевского сельского музея, расположенного в бухарском селе Ембаево (Тюменский район Тюменской области). Он представляет собой черно-белую фотографию человека – местного «святого», ахуна Юсуфа Сагитова на фоне Соборной мечети, построенной Нигматуллой-хаджи в деревне Манчалы; изображение датировано 1926 годом. В правом верхнем углу имеется надпись, выполненная на поволжском тюрки при помощи арабской графики, и гласящая:

تومان اويازي منجال قريه سنده الحاج نعمت الله قورامشايف جنابارى بنا ايتمش مسجد جامع نك رسمى

[Изображение соборной мечети, построенной господином хаджи Нигматуллой Курамшаевым в деревне Манчалы Тюменского уезда]. Здесь мы видим продолжение персидской традиции шамаилей; с персидского языка «шамаиль» переводится как «священная картина» или «портрет», и на ней изображали четвертого праведного халифа Али ибн Абу Талиба – иногда одного, а иногда с сыновьями – Хасаном и Хусейном. Принципиальным различием здесь является формат изображения: иранская традиция шамаила

не подразумевает никакого графического изображения, шамаиль – это словесное описание; присутствие изображений живых существ на шамаилях мусульман Поволжья можно объяснить модернизационными процессами; исламская идентичность влияла не только на религиозные и бытовые отношения мусульман; она приобщала их к модернизационным процессам, происходившим – или происходящим – на мусульманском Востоке; ключевым процессом здесь является эпоха конца XIX – начала XX в., чьим символом стал термин «ислах»⁹; она проявилась в ряде реформ: османский Танзимат, культурные реформы в арабском регионе, известные как «нахда»¹⁰, зарождение новых течений в богословии и мусульманском праве, преобразования суфийских братств и появление в Российской империи движения джадидизма¹¹ [DeWeese, Eden, Sartori 2016] – реформаторского движения.

Второй шамаиль – из музейной коллекции Ивьевского музея национальных культур, расположенного в Гродненской области Белоруссии, его автором является Шуцкий Михаил (Хамаил) Борисович, чьи шамаили встречаются во многих домах ивьевских татар. Шамаиль, выполненный при помощи красок, являет собой изображение двухэтажной мечети с минаретом на крыше в окружении деревьев и забора; справа от минарета идет арабская надпись¹² «*بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ*»; с левой стороны – шахада «*لا اله الا الله محمد رسول الله*», аналогично выполненная с погрешностью: в обоих случаях вместо¹³ «*الله*» написано¹⁴ «*الله*». В левом и правом верхних углах идут восклицания «*يا الله*» и «*يا محمد*» – «о Аллахах» и «о Мухаммад» соответственно. В нижних углах изображены животные: с левой стороны – бык, с правой стороны – баран.

То, что на этом шамаиле, как и на многих кустарных шамаилях из Поволжья, встречаются погрешности в написании букв, использовании диакритических знаков и некоторых лексем говорит о том, что авторы шамаилей не владели арабским языком, а лишь копировали сакральные для них тексты. В работе Р.М. Шамсутова, крупнейшего исследователя шамаилей говорится о том, что «шамаиль предполагал собой обязательное, прочтение» [Шам-

⁹ Араб. *اصلاح* – реформа, исправление.

¹⁰ *نهضة* – возрождение (араб.).

¹¹ При этом, конечно, не идет речь о том, что джадиды были «борцами против отсталости», а их оппоненты – кадимиты – закоренелыми противниками любых реформ.

¹² В первом слове ошибочно присутствует артикль.

¹³ Араб. "Allah" – «Бог».

¹⁴ Араб. "li-Llah" – «для Бога», «Богу», «к Богу».

сутов 2000]. Но допустимо ли было коверкание символов веры и сакральных текстов при условии того, что шамаили действительно читались – или же шамаили воспринимались зрителем как образ? Логично предположить, что большую роль играет само наличие некоей хорошо узнаваемой каллиграфической надписи; в целом искусство нанесения на предметы – украшения, посуду, записки – каллиграфических арабских надписей встречается в Поволжье еще с VIII в. Аналогичным образом и сейчас, в современных шамаилах, повсеместно распространенных на территории Поволжья, изображаются самые известные тексты: 255 аят из 2-й суры, более известный как «Тронный стих», первая сура «аль-Фатиха», шахада и так далее; если в начале XX в. арабографичные тексты еще могли быть прочитаны, поскольку тюркские языки использовали арабскую графику, то в XXI в. ни один из тюркских языков мусульман постсоветского пространства не сохранил арабскую графику; тем не менее тексты воспроизводятся, поскольку сакральным является не сам текст, но наличие арабской каллиграфии.

Третий шамаиль – феномен культурного обмена, происходящего между мусульманами и кряшенами. Вероятно, появление кряшенского шамаила (XXI век) связано с новым витком развития популярности шамаила татарского, которое пришлось на тот же период. Кроме того, в целом для кряшен не было характерно подобное прикладное искусство – его попросту не существовало. Дома татар-христиан украшались, помимо икон, как и у мусульман: полотенцами, зеркалами, настенными часами, но не изображениями.

Автором всех имеющихся на настоящий момент кряшенских шамаилей является известная кряшенская активистка Динара Бухарова. Рассматриваемый шамаиль представляет собой изображение Успенского собора Московского Кремля, художник старался передать цвета здания-прототипа. На заднем фоне виднеются кремлевские «Патриаршие палаты». По краям шамаила изображены лозы и цветы красного, желтого, синего и цветов на желтом фоне. Текст помещается наверху; почерк мелкий, стилизованный под арабскую графику. Оба текста на татарском языке; они разделены между собой большим пустым местом. Примечательно, что в качестве слова «Бог» христианами продолжает использоваться арабское «Аллах», обычно ассоциируемое с исламом (традиция, введенная Н.И. Ильминским – русским востоковедом, создателем кириллического алфавита кряшенов, переводчика Библии и молитв на татарский язык).

Текст 1¹⁵:

Әй, күктәге Атабыз!
Данлы булып торсын исемен Синең,
килсен патшалыгың Синең,
жирдә дә күктәгечә булсын иркең Синең.
Бүген көнлек икмәгебезне бир безгә.
Бурычларыбызны кичер, без дә безгә бурычлы
булганнарга кичергән күк.
Безне алданырга ирек жибәрмә.
Яманнан коткар безне.
Аминь!

Текст 2¹⁶:

Алланы тудырган кыз
сөен дәүләтгә бар Мария ходай
синен белән безнең жаннарга
коткаругыны тудыргач,
Син данны булган хатынар
арасыннан синнән туганда данлаулы.

Современная интерпретация кряшенского шамаиля явственно показывает, что этот вид искусства хотя и использует христианскую тематику, при этом испытал арабографичное влияние, которое невозможно игнорировать, поскольку арабская графика является, как ранее было предположено, главной частью шамаиля. Это влияние прослеживается в стилизации русской графики под арабскую: изменение почерка, характерный наклон, добавление диакритики. Кряшенский шамаиль выводит свое происхождение от шамаиля, но не выделяет себя в отдельный вид искусства: для представителей кряшен шамаиль – общетатарское наследие.

Заключение

Даже представленный в работе краткий обзор трех разных шамаилей показывает, что, несмотря на беспрестанно возрастающую популярность этого вида искусства, большинство исследователей исследуют не искусство шамаиля, но представление о том, каким

¹⁵ Молитва «Отче наш» на татарском языке.

¹⁶ Песнь Пресвятой Богородицы на татарском языке.

должно было бы быть рафинированное исламское искусство, придуманное при нациестроительстве как один из атрибутов национальной культуры. Предложенное в работе размывание границ того, *что есть шамаиль*, с отходом от декларируемой исключительно религиозной окраски, навязывания этому виду искусства какой-либо принадлежности и так далее сделано с одной целью – с попыткой отойти от этой устаревшей, на взгляд автора, идеи навязать шамаилу роль «нациообразующего искусства»; освобождений от (само)ориенталистского нарратива, который отказывает мусульманам в том, что они могут мыслить «не по-исламски»: изображать живых существ, писать тексты не религиозного характера; а если писать религиозные, то не считать себя обязанными их читать – или даже уметь читать; вешать шамаилы не потому, что они являются собой некий сакральный знак, а потому, что хотелось украсить дом (и к тридцатым годам двадцатого века шамаилы были заменены рекламными плакатами и портретами с лицами вождей). И только с расширением границ термина, с иным подходом не только к тому, что – но и *как* написано и *как* изображено – можно ожидать дальнейшего развития в изучении этого так хорошо, но в то же время так плохо исследованного шамаиля.

Литература

- Ален 2008 – *Франк А.* Исламская историография и болгарская идентичность татар и башкир в России. Казань: Российский исламский ун-т, 2008. 267 с.
- Ахунов 2007 – *Ахунов А.М.* Татарские легенды о Зу-л-Карнайне // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2007. № 4 (149). С. 122–128.
- Бустанов 2022 – *Бустанов А.К.* О перспективах оккультного поворота в российском исламоведении // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2022. № 2 (40). С. 218–258.
- Воробьев 1930 – *Воробьев Н.И.* Материальная культура казанских татар (опыт этнографического исследования). Казань: Изд. Дома татарской культуры и академического центра ТНКИ, 1930. 480 с.
- Касимов 2016 – *Касимов Р.Н.* Шамаиль – татарская мусульманская икона? // Историко-культурное наследие славянских народов Камско-Волжского региона. 2016. Т. 2. С. 37–41.
- Мустафин 2022 – *Мустафин И.Х.* Исламское искусство: возрождение и сохранение традиций шамаиля // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». 2022. Вып. 15. С. 72–83.
- Сафиуллина 2003 – *Сафиуллина Р.Р.* Арабская книга в духовной культуре татарского народа. Казань: Алма-Лит, 2003. 211 с.

- Хабутдинов 2013 – *Хабутдинов А.Ю.* Институты российского мусульманского сообщества в Волго-Уральском регионе. М.: Изд. дом Марджани, 2013. 337 с.
- Шамсутов 2000 – *Шамсутов Р.И.* Искусство татарского шамаиля: Дис. ... канд. искусствоведения. М., 2000. 237 с.
- DeWeese, Eden, Sartori 2016 – *DeWeese D., Eden J., Sartori P.* Beyond Modernism. Rethinking Islam in Russia, Central Asia, and Western China (19th – 20th centuries) // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2016. No. 59/1-2. P. 1–36.
- Kemper 2008 – *Кемпер М.* Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789–1889): исламский дискурс под русским господством. Казань: Российский исламский ун-т, 2008. 656 с.
- Meyer 2014 – *Meyer J.H.* Turks across empires. Marketing Muslim identity in the Russian-Ottoman borderlands, 1856–1914. L.: Oxford University Press, 2014. 211 p.

References

- Allen, F. (2008), *Islamskaya istoriografiya i bulgarskaya identichnost' tatar i bashkir v Rossii* [Islamic historiography and “Bulghar” identity among the Tatars and Bashkirs of Russia], *Rossiiskii Islamskii Universitet, Kazan, Russia*.
- Akhunov, A.M. (2007), “Tatar legends about Dhu al-Qarnayn”, *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya “Gumanitarnye nauki”*, vol. 149, no. 4, pp. 122–128.
- Bustanov, A.K. (2022), “On prospects for the Occult turn in Russian Islamic studies”, *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 40, no. 2, pp. 218–258.
- DeWeese, D., Eden, J. and Sartori, P. (2016), “Beyond Modernism. Rethinking Islam in Russia, Central Asia, and Western China (19th – 20th centuries)”, *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, vol. 59, no. 1–2, pp. 1–36.
- Kasimov, R.N. (2016), “Is shamail a kind of Tatar Muslim icon?”, *Istoriko-kul'turnoe nasledie slavyanskikh narodov Kamsko-Volzhskego regiona*, vol. 2, pp. 37–41.
- Kemper, M. (2008), *Sufii i uchenye v Tatarstane i Bashkortostane (1789–1889): islamskii diskurs pod russkim gosподством* [Sufis and scholars in Tatarstan and Bashkortostan (1789–1889). Islamic discourse under Russian Empire], *Rossiiskii Islamskii Universitet, Kazan, Russia*.
- Khabutdinov, A.Yu. (2013), *Instituty rossiiskogo musul'manskogo soobshchestva v Volgo-Ural'skom regione* [Institutes of the Russian Muslim's society in the Volga-Ural region], *Izdatel'skii dom Mardzhani, Moscow, Russia*.
- Meyer, J.H. (2014), *Turks across empires. Marketing Muslim identity in the Russian-Ottoman borderlands, 1856–1914*, Oxford University Press, London, UK.
- Mustafin, I.Kh. (2022), “Islamic Art. Resurrection and saving traditions of the shamail”, *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika “Tomskaya pisanitsa”*, iss. 15, pp. 72–83.
- Safullina, R.R. (2003), *Arabskaya kniga v dukhovnoi kul'ture tatarskogo naroda* [Arabic book in intellectual culture of the Tatar people], *Alma-Lit, Kazan, Russia*.

- Shamsutov, R.I. (2000), *Iskusstvo tatarskogo shamailya* [The Art of Tatar Shamail], Ph.D. Thesis (Art Studies), Rossiiskii islamskii universitet, Moscow, Russia.
- Vorobiev, N.I. (1930), *Material'naya kul'tura kazanskikh tatar (opyt etnograficheskogo issledovaniya)* [Material culture of Kazan Tatars. Ethnographic experience], Izdanie Doma tatarskoi kul'tury i akademicheskogo tsentra TNKP, Kazan, USSR.

Информация об авторе

Наталья В. Луговская, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; marmoon@ya.ru

Information about the author

Natalya V. Lugovskaya, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; marmoon@ya.ru

Книжная полка

УДК 329.3:28(620)

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-465-473

Не в одном ряду с ИГИЛ*:
о книге “Voice of the Muslim Brotherhood”:
Da’wa, Discourse and Political Communication”,
Noha Mellor (L.; N.Y.: Routledge, 2018. 240 p.)

Елена Е. Самойлова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, helenaxsam@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена тем проблемам, которые были поставлены в монографии Нохи Меллор «Голос “Братьев-мусульман”*: да’ва, дискурс и политическая коммуникация». Несмотря на обилие литературы об ассоциации «Братья-мусульмане»** (БМ** или «Братство»**), знания об организации все еще довольно ограничены. Доступно мало информации об их коммуникационной стратегии. Исследования именно этого аспекта деятельности движения объясняют, почему египтяне продолжали поддерживать «братьев» даже в годы оппозиции и репрессий. «Голос “Братьев-мусульман”*: да’ва, дискурс и политическая коммуникация» представляет собой первый анализ СМИ «Братства**», прослеживающий их дискурс в СМИ с конца 1920-х гг. до свержения Мухаммеда Мурси в 2013 г. Автор рассматривает медиастратегию движения, задействовав не только публикации в периодических изданиях, трудах или биографиях видных деятелей, но и изучив интернет-продукты «Братства**», что делает исследование важным не только в контексте изучения современного Египта, но и жизни «Братьев-мусульман» (БМ)**. Меллор сделала заслуживающий внимания анализ того, как на протяжении десятилетий формировался личный бренд БМ**. Это исследование вносит вклад в более широкое понимание отношений между светским и религиозным в дискурсах современности.

Ключевые слова: политический ислам, Египет, движение «Братья-мусульмане**», СМИ, политическая коммуникация

© Самойлова Е.Е., 2023

* Запрещенная в РФ террористическая организация.

** Запрещенная в РФ террористическая организация.

Для цитирования: Самойлова Е.Е. Не в одном ряду с ИГИЛ*: о книге “Voice of the Muslim Brotherhood**”: Da’wa, Discourse and Political Communication”, Noha Mellor (L.; N.Y.: Routledge, 2018. 240 p.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 3. С. 465–473. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-465-473

Not alongside with ISIS*. About the book by N. Mellor
“Voice of the Muslim Brotherhood**”:
Da’wa, discourse, and political communication”
(L.; N.Y.: Routledge, 2018. 240 p.)

Elena E. Samoilova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
helenaxsam@gmail.com*

Abstract. The article deals with the issues that were posed in Noha Mellor’s monograph “Voice of the Muslim Brotherhood**”: Da’wa, discourse, and political Communication”. Despite the large amount of literature about the Muslim Brotherhood (MB or Brotherhood) knowledge about the organization is still quite limited. In particular, little information is available about their communication strategy. Research into that aspect of the organization’s activities explains why Egyptians continued to support the Brotherhood even in years of opposition and repression. “Voice of the Muslim Brotherhood**”: Da’wa, discourse, and political communication” is a first analysis of the Brotherhood’s early media, tracing its media discourse from the late 1920s to the overthrow of Mohammed Morsi in 2013. The author considers the movement’s media strategy looking beyond publications in periodicals, works or biographies of prominent figures but also by studying the Brotherhood’s Internet products. It makes the research important not only for the history of modern Egypt but also the study of the Muslim Brotherhood**. Mellor provides a noteworthy analysis of how MB’s personal brand was shaped throughout decades. The study contributes to a broader understanding of the relationship between the secular and the religious in contemporary discourses.

Keywords: political Islam, Egypt, Muslim Brotherhood** movement, media, political communication

For citation: Samoilova, E.E. (2023), “Not alongside with ISIS*. About the book by N. Mellor “Voice of the Muslim Brotherhood**”: Da’wa, discourse, and political communication” (L.; N.Y.: Routledge. 240 p.), *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, part 3, pp. 465–473, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-465-473

Политическая ситуация в Египте последнего десятилетия порождает дискуссии в научных кругах. С 2013 г. публичное обсуждение вопросов и тем, которые считаются деликатными (а это все, что связано с политикой, СМИ, армией и культурой), приводит к прениям в связи с собственной интерпретацией произошедшего с точки зрения того или иного ученого. Особенно если речь идет о «Братьях-мусульманах»** – движении, которое выиграло первые демократические парламентские и президентские выборы после падения Хосни Мубарака в 2012 г. и оказалось у власти в Египте. В июле 2013 г. связанный с «Братством»** президент Мухаммед Мурси был свергнут в результате события, которое одни называют «военным переворотом», а другие – «новой народной революцией». Таким образом, все происходящее привело к появлению целого ряда научных исследований, которые часто столь же предвзяты, как мнение о них среди и египтян, и международного сообщества. Одной из таких работ является книга профессора Университета Шарджи (ОАЭ) Нохи Меллор «Голос «Братьев-мусульман»**: да’ва, дискурс и политическая коммуникация». Прежде чем приступить к обзору самой книги, обратимся к некоторым сведениям об авторе, чтобы лучше понимать мотивы и цели написания обозначенного труда.

Сразу после публикации книги Меллор дала интервью изданию «Джадалийя»¹, в котором заявила, что, будучи уроженкой Египта, была «очень тронута восстанием 2011 г. и временным единством всех социальных групп на площади Тахрир в их призыве свергнуть режим». Она также отмечает, что, как и многие египтяне, оценила «странный союз между “Братьями-мусульманами”*** и египетской армией»² и поэтому заинтересовалась историей движения. Однако Меллор не была в этом «первопроходцем», поскольку после Арабской весны появилось огромное количество диссертаций, статей и книг, посвященных «Братьям-мусульманам»**, но доступно мало информации об их методах взаимодействия с общественностью. Восполнить этот пробел и стало главной задачей Меллор при написании обозреваемой книги. Как заявила автор, ей хотелось предложить «свежий и внимательный взгляд на коммуникационную стратегию БМ**», поэтому особое внимание было уделено публикациям в периодических изданиях, биографиям и веб-сайтам «Братства»**. Она намеревалась проследить политический дискурс «Братьев-мусульман»** с момента их основания в 1928 г. и проана-

¹ Interview with Noha Mellor // Jadaliyya. URL: <https://www.jadaliyya.com/Details/36343> (дата обращения 20.08.2023).

² Ibid.

лизовать применяемые ими инструменты. В этом смысле книга действительно представляет собой наиболее полную компиляцию.

Первая часть исследования посвящена концептуальному пониманию «Братства»^{**}, его обширной сети и средств массовой информации и служит основой для контент-анализа СМИ, представленного в следующих частях книги. Меллор начинает с главы «Распаковка бренда Братства». В ней представлены ключевые в понимании автора понятия дискурсивных стратегий БМ^{**} как направленных на создание и поддержание образа как религиозного, так и политического движения. Во второй главе под названием «Бесспорный лидер» утверждается, что на начальном этапе существования организации самым важным элементом бренда БМ^{**} являлся основатель и идеолог группы – Хасан аль-Банна. Автор объясняет свое высказывание высокой степенью уважения и сильной приверженностью его идеям со стороны последователей. При этом отмечается, что отсутствие у Банна детальной идеологии придало относительную гибкость «Братству»^{**}, что впоследствии сказалось и на их политической деятельности. Более подробно эта мысль представлена в следующих главах – «Сети и возможности» и «Голос Братства»^{**}. В них Меллор отмечает, что главным достижением «Братьев-мусульман»^{**} стало изменение характера политического и религиозного дискурса вместо агрессивного навязывания собственной идеологии. Здесь автор приходит к следующему выводу – «Исламский дискурс настолько интегрирован в общенациональную структуру... что становится трудно разделить “общественное” и “контробщественное” как две отдельные категории анализа» [Mellor 2018]. Таким образом, в первой части задается основная тема всей книги – эволюция бренда.

Вторая половина (части 2 и 3) разделена на шесть хронологических глав: «Брендинг движения, 1928–1938», «Политика торгова, 1938–1948», «Этап фрагментации, 1949–1971», «Реанимация бренда, 1971–1995», «Переоценка ценностей, 1996–2010» и «Последняя сделка, 2011–2013». В представленных разделах автор подробно описывает развитие дискурсов и коммуникаций БМ^{**} в контексте тех или иных политических обстоятельств, начиная с первого десятилетия существования, когда главным «рупором» или «голосом», как следует из названия книги, был сам аль-Банна, его лекции и рукописи. Затем круг писателей, идеологов и изданий «Братства»^{**} заметно расширяется, что отражает увеличение масштаба организации и ее растущее политическое влияние. Сложный этап в истории «Братьев»^{**}, озаглавленный убийством аль-Банна и репрессиями со стороны режима Гамала Абд ан-Насера, стал толчком для ребрендинга. В этот момент основным становится нарратив «ислам

для человечества» в качестве доказательства превосходства ислама как системы над идеями коммунизма и иных идеологий того времени. Ключевым голосом в этот период был Сейид Кутб. Положение «Братства»** несколько улучшилось в начале президентства Анвара Садата, который позволил группе выпускать собственные журналы (например, «Ад-Да'ва»). Отмечается, что издания играли центральную роль в «реанимации бренда группы... с помощью печатного станка», таким образом предпринималась попытка возрождения наследия аль-Банни, тем самым закрепляя «Братство»** как одно из самых устойчивых движений в Египте. Меллор заключает, что «журналы помогли усилить и распространить исламский дискурс, который позиционирует "Братство"*** как истинно исламское сообщество». В 1990-е гг. «Братья-мусульмане»** начали «стадию самоанализа». Так автор обозначила то, как «Братство»** экспериментировало с новыми коммуникационными технологиями и социальными сетями, не отходя при этом от использования печатных изданий. Кроме того, и политическое видение «Братьев»** менялось в соответствии с актуальными тенденциями, поэтому в начале 2000-х гг. «Братство»** сконцентрировалось на «обновлении бренда движения как открытого, умеренного и демократического», что помогало им добиваться успехов в этой сфере. Последняя глава исследования посвящена трудностям поддержания имиджа бренда, возникшим у «Братьев-мусульман»** во время нахождения у власти и после столкновений с оппозицией.

Представленное исследование затрагивает тему эволюции политических и религиозных дискурсов, подчеркивая успех «Братства»** в интеграции исламского – в публичный политический. Как правило, в исследованиях на такие темы обычно наблюдается противопоставление светской современности и религии, отображенной как отголосок неких «традиционных» в смысле «неактуальных» методов. Что касается трудов, посвященных именно «Братьям-мусульманам»**, часто прослеживается конкуренция между «светским» национализмом (таким как насеризм) и религиозным фундаментализмом и консерватизмом. Среди отечественных авторов об истории взаимоотношений между «Братством»** и египетской армией писала А.Н. Бурова [Бурова 2015]. Однако Меллор делает вывод, что «ни один из режимов, правивших Египтом после переворота 1952 г., нельзя охарактеризовать как светский: каждый режим избирательно использовал исламскую риторику, чтобы заручиться поддержкой». Также автор делает акцент на том, что и внутри организации велись споры о том, насколько активной она должна быть на политическом поле. В результате в представленном анализе буквально говорится, что современная египетская по-

литика представляет собой некий синтез религиозных и светских норм. Также поднимается вопрос о том, является ли политическая современность в Египте «религиозной» и обязательно ли нужно отождествлять современность со светскостью.

Все это делает книгу ценным материалом для желающих изучить историю политической коммуникации «Братьев-мусульман»^{**}. Однако ценность ограничивается довольно специфической оптикой и методологическим подходом. Меллор полагается главным образом на вторичную литературу, чтобы реконструировать развитие политических коммуникаций «Братства»^{**}, и в своем тексте склонна воспроизводить только те части, которые вписываются в ее собственное видение движения. Такой произвольный выбор тем и аргументов создает впечатление несколько предвзятого взгляда на «Братьев-мусульман»^{**}. Кроме того, она также исследует контент избранных СМИ, но не совсем понятно, по какой причине для цитат были выбраны указанные статьи. При учете журналистского прошлого Нохи Меллор, работавшей во Всемирной службе компании Би-би-си, встает вопрос, почему в такой масштабной в своей задумке работе не приведены интервью с членами организации. Это важная деталь для исследования подобного рода, поскольку представители движения могли бы пролить свет на многие события, особенно в 1990-х и 2000-х гг., и рассказать о реакции «Братства»^{**} от первого лица.

В аннотации книги Меллор отмечает, что применяла междисциплинарный подход, объединив исследования СМИ и теорию социальных движений для анализа «Братьев-мусульман»^{**} как «интерпретативного сообщества» — такого, в котором производство смыслов начинается изнутри его членами, и их идентичность формируется именно в процессе конструирования коммуникативной структуры («что сообщается» и «о чем идет речь»). Автор старается подчеркнуть различия между внутренней коммуникацией «Братьев-мусульман»^{**}, направленной на обеспечение коллективной идентичности, и внешней — для привлечения последователей и трансляции своих идей. Очевидно, что БМ^{**} с самого начала удалось создать уникальный способ взаимодействия с аудиторией, чтобы сплотить последователей, и Меллор подробно объясняет это. Однако она не дает никаких комментариев по поводу того, как это отразилось на внешних коммуникациях.

Автор справедливо отметила, что «деятельность БМ^{**} пересекает несколько областей: политическую, религиозную, социальную и даже экономическую». Совершенно логично, что разнообразные виды деятельности требуют адаптации дискурсов, поэтому не в каждой области могут применяться одни и те же стратегии, хотя в некоторых случаях сферы могут пересекаться или быть тесно свя-

заны. Однако в книге утверждается, что «Братство»** по большей части было сосредоточено на идее противоборства с Западом или его влиянием. Таким образом, она не отражает гетерогенности БМ** и оспаривает их способность адаптироваться к различным обстоятельствам, что звучит несколько странно – ведь в том числе из-за умения балансировать «Братство»** на протяжении долгих лет сохраняло популярность в Египте и за его пределами.

Меллор исключает множество других факторов, которые помогли «Братьям-мусульманам»** стать успешным игроком в социально-политической жизни Египта. В частности, в двух последних главах повествования, где обозреваются периоды 1996–2010 и 2011–2013 гг., умалчивается сразу о нескольких важных моментах деятельности БМ**. В первую очередь это проект политической партии, созданный в 2007 г., который члены организации представили лидерам общественного мнения, журналистам и аналитикам для получения отзывов, чтобы сформировать программу будущей партии. Проект содержал в себе восемь разделов, включавших предложения по улучшению жизни государства от экономической реформы до путей решения различных социальных проблем. Но особое внимание привлекли два спорных момента. Первый – это запрет женщинам и христианам баллотироваться на пост президента, что лишало почти половину населения Египта такого права и поднимало вопросы об отношении организации к равенству среди граждан. Вторым была идея создания «Верховного совета улемов» – органа религиозных деятелей, который контролировал бы решения исполнительной власти на предмет их соответствия исламским законам. На основе этого проекта планировалась деятельность Партии свободы и справедливости, созданной в 2011 г. Общение с возможным электоратом в свете довольно спорных предложений, реакция общественности на эти проекты и предвыборная компания партии могли бы стать хорошим дополнением к представленному анализу.

Кроме того, в тексте Меллор нет ни слова о резне у мечети Рабаа аль-Адавия в августе 2013 г., в результате которой погибли сотни членов «Братства»**. Событие чрезвычайно важно для изучения истории «Братьев-мусульман»**, поскольку повлияло и на брендинг, и на дальнейшее выстраивание коммуникативной стратегии. Помимо флага, эмблем и лозунгов, непосредственно относящихся к движению, после подавления сидячей забастовки новым символом неравнодушных к «Братьям»** стал особый жест руки – поднятые четыре пальца и сложенный большой. Также появился плакат с изображением руки на желтом фоне со словом «R4BIA». Знак быстро превратился в полноценный механизм пропаганды и рас-

пространился за пределы национальных границ Египта, получив особую популярность в Турции. Был запущен веб-сайт R4BIA.com³ на трех языках: арабском, английском и турецком, где объяснялось происхождение символа, публиковались фотографии и видео протестующих. На сайте также было размещено письмо, написанное старшим лидером «Братьев-мусульман»^{**} Мохамедом Бельтаги своей дочери Асме, которая была застрелена во время протестов. Обращение станет классикой пропаганды «Братьев-мусульман»^{**}, поскольку представляет собой хвалебную речь, наполненную символизмом женщин-мучениц. Это очень показательное в контексте взаимоотношений БМ^{**} с турецкими исламистами, ведь именно Турция стала оплотом бежавших членов организации, где они развернули масштабную деятельность в медиаполе при поддержке местной Партии справедливости и развития.

Избирательность того, что было и не было включено в представленное описание «Братьев-мусульман»^{**}, действительно проблематична и ставит БМ^{**} в один ряд с ИГИЛ* и другими радикальными движениями, чем оно определенно не является. Н. Меллор в своей книге «Голос “Братьев-мусульман”^{***}: да’ва, дискурс и политическая коммуникация» расставила акценты таким образом, будто бы движение выстраивало собственную линию коммуникации с обществом исключительно через идеи религиозной составляющей и противостояния Западу. Автор не учла роль и значение политического крыла «Братства»^{**}, а также факт, что на нескольких этапах движение поспособствовало плюрализации политического дискурса в Египте – далеко за пределами религиозных линий аргументации. Меллор называет голос «Братьев-мусульман»^{**} «прерывистым» и передающим «бессвязное послание, тон которого изменчив и колеблется», объясняя этим разногласия внутри группы между молодежью и «старой гвардией». При этом именно конфликт не отображен в тексте подробно, хотя раскол по линии поколений имеет значимость для понимания структуры организации.

В заключение стоит отметить, что рассматриваемая работа – первое полноценное исследование на такую тему, находящееся на стыке средств массовой информации, религии и политических коммуникаций, которое вносит важный вклад в более широкое понимание отношений между светским и религиозным в дискурсах современности. Эта книга хорошо организована по части хронологии в соответствии с этапами существования «Братства»^{**}. Ноха Меллор отобразила динамику внутри организации, превращение в бренд и

³ Архивная копия // R4BIA. URL: <https://web.archive.org/web/20140519224644/http://www.r4bia.com/> (дата обращения 27.08.2023).

расширение до международной сети, а также представила довольно глубокий анализ содержания выступлений «Братьев-мусульман»**. Труд может быть полезен тем, кто интересуется историей средств массовой информации и изучением социальных движений. На фоне весьма неоднозначных высказываний относительно БМ** все же возможно найти интересные детали в интерпретации Меллор. Однако если имеется запрос на объективное описание коммуникационных стратегий движения, эта книга вряд ли станет ответом. Пробелы, которые автор ненамеренно или специально оставила в тексте, дают хорошую базу для дальнейших исследований.

Литература

- Бурова 2015 – *Бурова А.Н.* «Братья-мусульмане»** и «Свободные офицеры» в Египте: между сотрудничеством и конфронтацией // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2015. № 3. С. 46–53. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2015-3-46-53>
- Mellor 2018 – *Mellor N.* *Voice of the Muslim Brotherhood***: Da'wa, discourse, and political communication. L.; N.Y.: Routledge, 2018. 240 p.

References

- Burova, A. (2015), “ ‘The free officers’ and ‘The Muslim Brotherhood**’ in Egypt. Between cooperation and confrontation, *RSUH/RGGU Bulletin: “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”, Series*, no. 3, pp. 46–53, <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2015-3-46-53>
- Mellor, N. (2018), *Voice of the Muslim Brotherhood***: *Da'wa, discourse, and political communication*, Routledge, London, UK, New York, USA.

Информация об авторе

Елена Е. Самойлова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; helenaxsam@gmail.com.

Information about the author

*Elena E. Samoilo*va, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; helenaxsam@gmail.com.

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Политология. История. Международные отношения»
№ 4, часть 3
2023

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 29.02.2024
Выход в свет 07.03.2024
Формат 60×90 ¹/₁₆
Уч.-изд. л. 10,3. Усл. печ. л. 10,6
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 1914

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru